

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 111

МУЗЕЙ. РЕСТАВРАТОР. РЕСТАВРАЦИЯ.
МАТЕРИАЛЫ
научной конференции памяти С.В. Ямщикова
(17 — 20 июля 2025 года)

МАТЕРИАЛЫ
научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(7 декабря 2025 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2026

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)
М 341

Серия основана в 1996 году.

Музей. Реставратор. Реставрация : материалы научной конференции памяти С.В. Ямщикова (17–20 июля 2025 года) ; материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника (7 декабря 2025 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2026. — 260 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 111).

ISBN 978-5-94595-149-5

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы научной конференции памяти С.В. Ямщикова «Музей. Реставратор. Реставрация», прошедшей в Пушкинском Заповеднике 17–20 июля 2025 года, и материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника (7 декабря 2025 года).

В качестве дополнения в сборник помещен биографический очерк о Гаврииле Михайловиче Ладыженском (1865–1945) — художнике, историке, философе, внуке баронессы Е.Н. Вревской, урожденной Вульф, знакомом Г.А. Пушкина.

Издание предназначено для специалистов в области музейного дела, паркового хозяйства, истории, литературы, искусства, краеведения, реставрации, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приводимых в статьях фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Мнения, высказанные авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции (редакционного совета музея).

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-149-5
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2026

Предлагаемый читателю очередной выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» содержит два блока материалов конференций 2025 года, проходивших в Пушкинском Заповеднике.

В первую часть сборника вошли статьи участников июльской научной конференции «Музей. Реставратор. Реставрация», посвященной памяти заслуженного деятеля искусств России, историка искусств, реставратора С.В. Ямщикова (1938–2009). Авторы — исследователи, специалисты в области музейного дела, фондовой и реставрационной работы — затронули широкий круг тем, в частности: изучение, реставрация музейных предметов; комплектование фондов; проблемы сохранения и воссоздания объектов культурного наследия Псковского края; вопросы бытования и введения в научный оборот предметов из фамильных собраний, имеющих историко-культурную ценность. Среди представленных материалов — сведения об одном подзабытом, но заслуживающем внимания исследователей источнике по истории Тригорского парка, новые данные о планах деда А.С. Пушкина О.А. Ганнибала по строительству дома в Пскове, новые поступления в фонды Пушкинского Заповедника из семейного собрания Ладыженских, сведения о реставрации кареты патриарха Тихона и другие публикации.

Вторая часть сборника — блок статей докладчиков, выступивших 7 декабря на научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника. Тематика данных материалов не менее масштабна и включает историю бытования, поступления и экспонирования предметов в музеях Петровского и Михайловского, а также Велейского краеведческого музея; перспективы воссоздания утраченных усадебных построек в Тригорском, в частности, дома Вындомских, вопросы организации экскурсионно-туристической деятельности в послевоенный период, обзор ранее неизвестных сделанных в наших местах жанровых фоторабот А.К. Красуского, представление архивных документов —

листовок периода Великой Отечественной войны, новые сведения по истории мельничного дела на Псковской земле на примере мельницы в деревне Амелино, а также освещение исторических событий в новоржевском имении Львовых Алтун в первые послереволюционные годы.

А тем, кто интересуется историей вышеупомянутого рода Ладыженских, представители которого — Никита Гавриилович Ладыженский и Ирина Гаврииловна Коровина (урожденная Ладыженская) — любезно передали в собрание музея-заповедника значительную часть ценных для музея предметов из семейной коллекции, будет интересен биографический очерк Н.Г. Ладыженского о Гаврииле Михайловиче Ладыженском (1865–1945) — художнике, историке, философе, внуке баронессы Е.Н. Вревской (урожденной Вульф), знакомом Г.А. Пушкина.

*Эдуард Узенев,
ученый секретарь
Пушкинского Заповедника*

I. МУЗЕЙ. РЕСТАВРАТОР. РЕСТАВРАЦИЯ.

Материалы научной конференции памяти С.В. Ямщикова (17 — 20 июля 2025 года)

Галина Пиврик

О ЗАБЫТОМ ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ ПАРКА ТРИГОРСКОГО

Парк усадьбы Тригорское — изучаемый, но так до сих пор и не изученный до конца объект, имеющий много загадок, а с ними и догадок, домыслов исследователей. Тем паче, когда находятся новые документальные подтверждения, возникают вопросы, на которые хочется — и необходимо, в силу возможностей, найти ответы.

Вспоминается время проведения ремонтно-реставрационных работ 1996–1998 годов, приуроченных к празднованию 200-летия А.С. Пушкина. Немало неизвестных страниц истории парка были открыты тогда исследователями и реставраторами. Вспомнить хотя бы тот момент, когда при проведении топографической съемки стало понятно, что представляют собой старые липы, растущие справа от дорожки, ведущей от «Дуба уединенного» к «Солнечным часам». Очень повезло, что не были выкорчеваны пни от погибших деревьев, и при наложении результатов топосъемки на план парка стало понятным, что это не просто ряды лип, а липы, когда-то высаженные в форме полумесяца. В натуре же это выглядело, с учетом утраченных деревьев, как обычное насаждение из липы мелколистной.

После этого внимательнее стали изучать всё, что выявила топоъемка. Самое главное из всего — что устройство парка начиналось М.Д. Вындомским с разбивки «Солнечных часов», которые как раз и являются «сердцем парка», причем «дуб, который с подачи А.С. Пушкина получил название «Дуб уединенный», является «точкой отсчета» всей композиции. Основание дуба, растущего на высоком холме, находится на одной отметке с основанием гномона в центре «циферблата» —

дернового круга «Солнечных часов»¹. А уже на эту, скажем так, деталь как бы нанизывались остальные идеи и задумки неизвестного нам садовника — автора проекта парка. Об этом есть сведения в работах К.П. Бурченкова «О продолжении исследований «Солнечных часов» Тригорского парка»² и Г.Н. Пиврик «Масонские символы в парке Тригорского. Существующая версия».

Еще один интересный факт вспоминается из того времени, когда велись ремонтно-реставрационные работы. В парке Тригорского они уже близились к завершению, когда, в начале 1998 года, в архиве города Великие Луки исследователи обнаружили «Геометрический специальный план Псковской губернии Опочецкого уезда дачи под названием села Георгиевского, Тригорское тож с деревнями, которая специально размежевана в 1847 году, июля 3 дня»³, «сочиненном» в 1855 году. И на этом плане четко читались не три пруда, как до этого считалось и существовало в парке, а четыре. Четвертый пруд (на то время утраченный) находился в каскаде из трех прудов в глубине парка и был как раз третьим, нижним. Сейчас его в повседневной работе условно называем «банным», так как находится он чуть ниже тригорской «Баньки». Об этом также подробно рассказано в статье Г.Н. Пиврик «О ремонтно-восстановительных, реставрационных работах и реконструкции в Пушкинском Заповеднике (1996–2001)»⁴.

Как уже было сказано в начале повествования, исследования продолжают, в архивах находятся новые, доселе неизвестные или хорошо забытые источники. Среди них представляет интерес тот, который был в документах 1990-х годов, но на него не обращали внимания. Знали

¹ Пиврик Г.Н. Масонские символы в парке усадьбы Тригорское. Существующая версия // Символизм в исторических садах и парках: сборник тезисов по материалам VI научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18–19 сентября 2024 года) / сост. Е.О. Приходько, М.А. Потемин; автор идеи А.В. Михайлов. СПб., 2025. С. 29–32.

² Бурченков К.П. О продолжении исследований «Солнечных часов» Тригорского парка // Михайловская пушкиниана. Вып. 87. Сельцо Михайловское, 2022. С. 290.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 394/2, Г-172 (красн.) Ед. хр. Е-39 (копия).

⁴ Пиврик Г.Н. О ремонтно-восстановительных, реставрационных работах и реконструкции в Пушкинском Заповеднике (1996–2001). К 20-летию окончания работ в усадьбе и парке Тригорского // Михайловская пушкиниана. Вып. 77. Сельцо Михайловское, 2020. С. 127.

об этом несколько поколений сотрудников, теперь следует о нем напомнить.

Речь пойдет о находящихся в научной библиотеке Пскова четырех выпусках сборника Псковского общества краеведения «Познай свой край». Первый сборник вышел в 1924 году. Для нас представляет интерес именно четвертый сборник (Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1929).

На страницах 150–164 помещен текст статьи Василия Яковлевича Разлетовского «300 километров по реке Великой на лодке (из записной книжки туриста)».

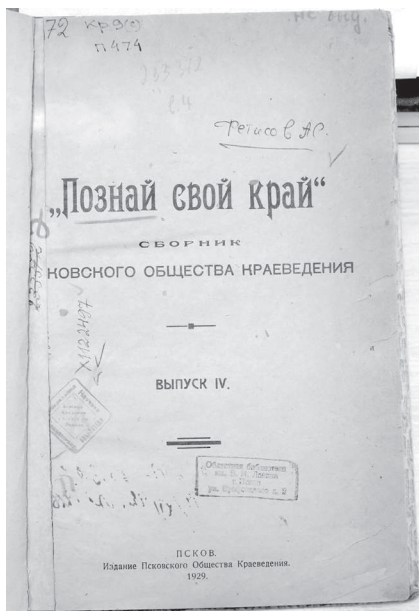
Буквально немного хочется сказать об авторе.

Родился Василий Яковлевич Разлетовский в 1879 году в деревне Реброво Печано-Горайской волости Опочецкого уезда Псковской губернии; учитель, краевед.

В создании и деятельности Псковского общества краеведения в 20-е годы XX века видная роль принадлежала работникам народного образования, среди которых заметно выделялся своей активностью В.Я. Разлетовский. Работая в Псковском обществе краеведения, он был его секретарем, одним из организаторов и участников первого губернского съезда краеведов.

В своем творчестве В.Я. Разлетовский, будучи словесником, обратился к пушкинской теме. Его публикации в «Псковском набате» призваны были обратить внимание туристов на пушкинские места Псковской губернии.

Василия Яковлевича не миновала судьба многих краеведов в 1930-е годы. Он был арестован, приговорен к пяти годам лагерей, которые затем были заменены высылкой. Предположительно, скончался в 1936 году.

Титульный лист четвертого сборника Псковского общества краеведения «Познай свой край» (Псков, 1929)

Вернемся к предмету нашего повествования. Экспедиция, назовем это так, была готова к середине июля, то есть аккурат 96 лет тому назад.

«Половина июля. Сборы кончены. Власти выдали необходимые пропуска. Отзывчивый ЦРК щедро дал хлебца на предстоящую нам мускульную работу. Положив свои гроши в карман, сели в поезд, поехали»⁵.

В вагоне Полоцкой железной дороги ночью доехали до станции Идрица. Переночевали в Идрицкой школе-семилетке и утром отправились в путь на лодке по реке Великой. Четыре человека: приехавшие поездом из Пскова В.Я. Разлетовский, инспектор ОкрОНО (окружного отдела народного образования) М.Н. Шишов, товарищ В.Я. Разлетовского по школе второй ступени П.А. Шиллер и в Идрице — «питомец школы Голымов», примкнувший «на всю Великую до Пскова». Добрались, не без приключений, до впадения реки Сороть (так в оригинале) в Великую.

«Где Сороть, там и Пушкинский уголок. Ну как не заехать в места священных для каждого, любящего родную литературу, воспоминаний. Завернули в Сороть. Против течения, да встречный ветер — и близок локоть (до Тригорского всего лишь 3 клм) (так в оригинале), да не укусишь. Наш окринспектор быстро разрешил вопрос: справился с костюмом, вылез на берег и потащил бичевой (так в оригинале) лодку со своими шкрабами.

Вот мы и в Тригорском. Пред нами:

И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там у берега тень ивы...
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке
На вороном аргамаке
Заморской шапкою покрытый, —
Спеша в Тригорское один, —
Вольтер и Гёте и Расин, —
Являлся Пушкин знаменитый.

(Н.М. Языков)»⁶.

⁵ *Разлетовский В.* 300 километров по реке Великой на лодке // *Познай свой край: сборник Псковского общества краеведения.* Вып. 4. Псков, 1929. С. 150.

⁶ Там же. С. 152.

Проплыли путешественники на лодке по Сороти мимо Тригорского, городища Воронич, Савкиной горки, усадьбы Михайловское, отметив скромную попытку устроить в Михайловском Пушкинский музей, прошли по всему Госзаповеднику. Побывали в Пушкинских Горах на могиле великого поэта. Но это тема другого, не менее интересного разговора, выходящая за рамки повествования о парке усадьбы Тригорское.

«Что же касается Тригорского, то это совсем забытый уголок. А обидно. Ведь так много Пушкин уделял Тригорскому:

В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света»...⁷

Дано описание удручающему виду фундамента усадебного дома, не менее грустное — Тригорскому парку.

Интересны заметки о «Ели-шатре», под крону которой могут зайти человек 50, об оставшемся одном стволе «Березы-седла»; как и теперь, в 2025 году, по прошествии 96 лет, в прудах красуются белые лилии! Дуб-лукоморье, остатки бани, бальная зала-лужайка, «прелестный вид с «дивана Онегина» вдаль за реку, липовая аллея с деревьями не моложе 200 лет»⁸.

Ничего не говорится в статье Василия Яковлевича о тех исследованиях, которые выполнены им и его спутниками. Как это делалось, на основе каких картографических материалов — совсем не ясно, и это печально. Но в приложении к статье, на последних ее страницах, дается «Схематический план с. Тригорского». Как специалист, знакомый с выполнением такого вида работ, могу предположить, что был у Разлетовского и его спутников исходный картографический материал. С поверхности земли, просто «на глаз», без инструментальной съемки, выполнить даже приблизительно подобную работу невозможно.

Тем не менее, представленный в сборнике схематический план весьма интересен для исследователей. Обратимся к нему с комментариями и с поправкой на сегодняшний день. Поскольку в 1929 году существовала иная мера длин, как то аршин, вершок, сажень, то автор перевела (с округлением) в привычные теперь сантиметры и метры.

⁷ Разлетовский В. 300 километров по реке Великой на лодке. С. 155.

⁸ Там же. С. 159.

Схематический план Тригорского парка.

Иллюстрация: Разлетовский В. 300 километров по реке Великой на лодке

// Познай свой край: сборник Псковского общества краеведения.

Вып. 4. Псков, 1929. С. 150–164

1. Остаток фундамента дома, современного А.С. Пушкину; дом сгорел в 1918 году в ночь с 18 на 19 февраля.
2. Кусты вишни, а ниже к реке белая ольха.
3. Дорожка, ведущая в парк.
- 4, 5, 7. Куртины из липовых деревьев.
6. Место, где находилась баня, в которой иногда помещались Пушкин с А.Н. Вульфom и Н.М. Языковым и устраивали свои пирушки.
8. Расположенные в один ряд дубы, числом 10, толщиной 45–62 см и один 107 см (на высоте 107 см от земли).
9. Липовая аллея из отдельных более крупных деревьев 36–45 см и групп из более мелких, 13–31 см, лип.
10. Липовая куртина.
11. Кустарник белой ольхи.
12. Еловое насаждение лет 80 с примесью березы в восточной части.

*Липа со стволом, раздвоившимся на высоте 2 м от земли
на две крупных ветви-деревя и в месте разделения расколотая
(на Схематическом плане — 14-а). Фото автора*

13. Центральная дорожка, зарастающая еловым молодняком.

14. «Ель-шатер», расположенная одиноко на площадке; одно из красивейших деревьев парка с охвоенными ветвями, опускающимися до самой земли и образующими естественный шатер: толщина дерева по окружности 293 см и по диаметру 98 см.

14-а. Расположенные недалеко от этой ели:

а) липа со стволом, раздвоившимся на высоте 2 м от земли на две крупных ветви-деревя и в месте разделения расколота. Толщина дерева в одну сторону 98 см, а в другую 125 см (28/22);

б) дуб, также с раздвоившимся стволом, толщиной в 107 см.

15. Одиночная ель с низко опущенными сучьями, частью усохшими, толщина дерева 67–76 см.

16. «Береза-седло», это береза с раздвоившимся стволом. По местному преданию, любимое дерево А.С. Пушкина, на котором он любил сидеть. Ныне сохранился один главный ствол, другой же, отходивший от него под углом, был в грозу 2 июля 1925 года сломан ветром; толщина сохранившегося ствола 45 см и 53 см. В стволе было дупло, в него, по преданию, поэтом опущено кольцо.

17. Липовый ряд из деревьев, расположенных то единично, то группами, по-видимому, порослевого происхождения, размерами в толщину 22–45 см.

18. Еловое насаждение лет 80.

19. Смешанное насаждение из ели и березы (примерно поровну) с единичной сосной; возраст 60–80 лет.

20. «Солнечные часы» — это круг, по окружности которого симметрично были расположены дубы (из которых теперь сохранилось восемь дубов, размерами от 36/40 до 98/107 см (неправильная форма стволов)).

21. Зарастающая дорожка.

22. Площадка.

23. Дорожка, обсаженная с западной стороны липами — 38 деревьев, размером от 22 до 111 см (в числе 38 есть две березы).

24. Насаждение из 3/10 сосны 100 лет, 7/10 ели лет 50, на юге участка вместо ели примесь лиственных пород.

25. Ширококronистый, расположенный отдельно на высоком холме дуб, толщиной 107 см. Дуб ветвится на высоте 2 м от земли.

26. Обрамляющий парк ряд лип, дубов и отчасти кленов: дубов 15 от 40 до 80 см, лип — 18 штук, от 18 до 71 см, кленов 6 штук от 18 до 31 см.

*Дуб из первой обсадки «Солнечных часов»
(на Схематическом плане — 20). Фото автора.*

Площадка (на Схематическом плане — 22). Насаждение, расположенное вблизи «Солнечных часов», — «Полумесяц»

Восстановленный в 1998 году пруд. Фото автора

27. Следы дорожки.

28. Аллея из орешника (лещина) по восточной стороне и ряды дубов по западной стороне; наиболее крупные дубы в 53 и в 107 см с низко опущенными ветвями.

Все наиболее толстые липы и дубы имеют широкую крону, начинающуюся на высоте 2–4 м от земли. На дубах много сухих сучьев. На лучше сохранившихся пнях дуба, высотой 53 см при толщине 45 см, насчитано 110 годовых слоев, при толщине 53 см — 116 годовых слоев.

На представленном в Сборнике схематическом плане отсутствует парковый элемент, на который сразу обращаешь внимание. Это тот самый пруд, о котором говорилось в начале повествования. Неизвестно, когда была разрушена плотина этого пруда. Возможно, причиной разрушения была непогода, возможно — воздействие антропогенных факторов. Но в 1929 году исследователями пруд отмечен не был. Есть пруд у фундамента дома, пруд прямоугольный (верхний в каскаде), «прудик» — живописный, по форме приближенной к округлому. И всё. Выше предполагаемого места пруда схематически изображены деревья (под номером 5); полагаю, что это ряд лип вдоль утраченного пруда, который существует и теперь. Под номером 21 значится «зарастаю-

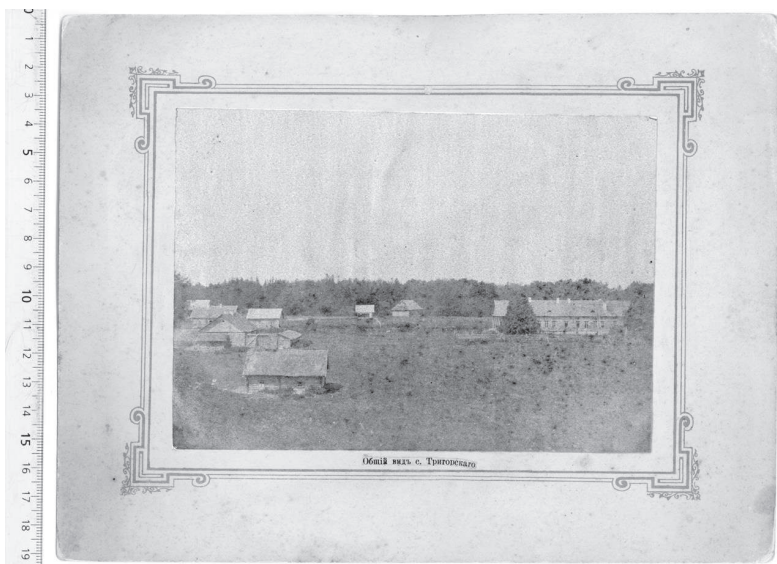

*Место за прудом, где находился фундамент постройки
(см. Схематический план). Фото автора*

щая дорожка»: видимо, это дорожка вдоль дубового ряда, шедшего от «Солнечных часов» к западной границе парка. Под номером 28 значатся два ряда: аллея из орешника по восточной стороне; скорее всего, это насаждения западного граничного вала; орешник (лещина) растет там и теперь, надо полагать, на старых корнях; и дубовый ряд по западной стороне — видимо, речь идет о дубовом ряде, который обрамляет дорожку, бывшую въездную в усадьбу с западной стороны (если говорить о пути из Опочки). Относительно друг друга они так и находятся по указанным сторонам света.

На схематическом чертеже насаждение из лип, «полумесяц», расположенный между «Дубом уединенным» и «Солнечными часами» (22 на Схематическом плане), имеет эллипсообразный, замкнутый контур, в котором не видно утраченных деревьев; отсутствует дорожка от «Дуба уединенного» к «Солнечным часам», в этом месте значится «смешанное насаждение из ели и березы (примерно поровну) с единичной сосной; возраст 60–80 лет» (19 на Схематическом плане).

На противоположном от сгоревшего дома берегу пруда — фундамент постройки. В научном архиве Пушкинского Заповедника есть

*Общий вид с. Тригорского. Фото А.И. Никоновича.
Конец XIX — начало XX века. Альбуминовый отпечаток,
картон — бланк, фотография.
12 × 16,8 см фото; 19,1 × 25,1 см картон. ПЗ-КП-37305*

документ — Акт обследования Пушкинского уголка архитектором К.К. Романовым в период 31 мая, 1, 2 и 3 июня 1925 года. В этом Акте в части усадьбы Тригорское под пунктом 7 значится: «Охранить от дальнейшего разрушения кирпичный сарай, починив крышу и забив отверстия». Поскольку ни о каких постройках и фундаментах, кроме дома, баньки, сгоревшего дома и этого кирпичного сарая в 1925 году речь не шла, то вполне допустимо, что это и есть фундамент того самого кирпичного сарая. На фото А.И. Никоновича «Общий вид с. Тригорского. Конец XIX — начало XX века» (6) эта постройка стоит как раз под тем же ракурсом к пруду и господскому дому.

Допуская, что представленный материал не может претендовать на академичность в силу присутствия некоторых не подтвержденных документами фактов, но, несомненно, представляет интерес для исследователей.

ПРОБЛЕМЫ И УДАЧИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ РЕЭКСПОЗИЦИИ БИБЛИОТЕКИ В ДОМЕ-МУЗЕЕ ОСИПОВЫХ И ВУЛЬФОВ В ТРИГОРСКОМ

При обсуждении перспектив реэкспозиции библиотеки Тригорского в 2024 году сотрудники фондов предложили предварительно провести серию выставок, посвященных кругу чтения обитателей Тригорского, чтобы идейно и материально представить себе, какие темы будут затронуты и на каких предметах раскрыты. Подобные выставки позволяют провести анализ имеющихся коллекций, определить лакуны и по возможности попытаться их заполнить. Попутно часть вновь приобретаемых предметов, задействованных на выставках, может пополнить постоянную экспозицию Дома-музея Осиповых и Вульфов.

На 2025 и 2026 годы была включена в план серия выставок, объединенных общим заголовком «Круг чтения обитателей Тригорского». Место проведения — «Классная комната» Дома-музея Осиповых и Вульфов. Задача серии выставок — собрать и систематизировать материалы для реэкспозиции «Читальни» Тригорского. Первая выставка серии посвящена Анне Николаевне Вульф, вторая — Александру Максимовичу Вындомскому, герои 2026 года — Алексей Вульф и Евпраксия Вревская.

Опыт работы над тематической выставкой, связанной с чтением в Тригорском, уже имелся: в 2022 была подготовлена выставка «Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязанья и шитья...»: Домашнее обучение пушкинской поры», но эта выставка была полностью основана на фондовых материалах, задача комплектования не стояла, хотя уже тогда пришлось какие-то необходимые изоматериалы (например, географическую карту мира) распечатывать из интернета, какие-то мелкие вещи, вроде колокольчика и лорнета, просить у частных лиц. Задачей выставки было рассказать о книгах для детского чтения из собрания музея, она и выполнялась.

В ходе работы над первой же выставкой серии «Круг чтения обитателей Тригорского» выявился ряд проблем.

Во-первых, недостаточная разработанность научной темы.

Библиотека Тригорского считалась достаточно изученной, ведь был каталог Б.Л. Модзалевского¹, статья Т.Ю. Мальцевой², статьи Л.В. Левковой в Пушкинской энциклопедии «Михайловское»³, а про Анну Николаевну Вульф и ее альбомы — статьи Э.Ф. Лобановой⁴.

При этом оказалось, что собственно книг с владельческими надписями Анны Вульф в каталоге Модзалевского всего три, из них две относятся к ее детскому и юношескому чтению, и только одна — «Стихотворения А.С. Пушкина» 1826 года — ко времени ссылки поэта. Умерла Анна, находясь в тверских имениях Вульфов, и ее книги, предположительно, остались в Малинниках и там пропали. Ее альбомы (кстати, один из них поступил из Малинников) описаны в общих чертах, дан перечень авторов, чьи стихи были переписаны в альбомы, имеется несколько фотографий с листами из альбомов, но для выяснения источников необходимо сплошное копирование альбомов и отдельных листов и тетрадей со стихами, переписанными Анной Вульф, имеющихся в Пушкинском Доме. При серьезном отношении к научной базе резкспозиции библиотеки Тригорского необходимо основательно работать с подлинными книгами из Тригорского в составе библиотеки Пушкинского Дома. Длительные командировки и пересъемку ряда книг необходимо планировать в дальнейшем. Необходим заказ цифровых копий экземпляров библиотеки Тригорского.

¹ [Модзалевский Б.Л.] Каталог библиотеки села Тригорского: [Приложение I к Отчету Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук...] // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 19–52.

² Мальцева Т.Ю. Пушкин — читатель тригорской библиотеки // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 33–43.

³ Левкова Л.В. Библиотека села Тригорского // Пушкинская энциклопедия «Михайловское». В 3 т. М. ; Михайловское, 2003. Т. 1: Михайловское. Тригорское. Святогорский монастырь. Святые Горы. Заповедник — персоналии (1922–2002). Ч. 1. С. 144–148. Там же ее статьи «Английские письма, или История мисс Клариссы Гарлоу...», «Деяния Петра Великого...», «Записка, каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку...», «Краткая церковная российская история...»

⁴ Лобанова Э.Ф. «Я был свидетелем златой твоей весны...» (А.С. Пушкин и Анна Вульф) // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1998. С. 60–73. Лобанова Э.Ф. «Альбом (альбомы обитателей Тригорского). Библиотека села Тригорского // Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Т. 1. Ч. 1. С. 137–140.

Во-вторых, лакуны в коллекциях: недостаточная обеспеченность предметным рядом, сопровождающим показ книг.

Еще ранее практика создания тематических выставок выявила большие пробелы в комплектовании бытовых предметов пушкинского времени, связанных с чтением книг и письмом во всех его разновидностях — записями в альбом, написанием писем и созданием литературных произведений. Катастрофически не хватало чернильниц, ножей для разрезания бумаги, печаток, лорнетов, настольных вызывных колокольчиков; пресс-папье отсутствовали как класс. Исторически сложилось так, что комплектование музейных фондов шло под постоянные экспозиции, в связи с чем временные выставочные проекты оказались недостаточно обеспечены предметным рядом. Работа должна вестись в двух направлениях: просто типичные предметы эпохи и аналоги мемориальных предметов, бывших в Тригорском. Необходимо: заказ электронных копий фотографий Тригорского фотографа С.А. Баранова (на негативах авторские подписи; снято в 1914 году для публикации М. Гаррис. Опубликовано частично в журнале «Баян» № 7–8 за 1914 год, позже в книге «Пушкинский уголок» (М., 1923); лично передано автором в 1936 году в Государственный Литературный музей) с хорошим разрешением для идентификации предметов, изучение описи имущества Тригорского 1881 года, изучение фотографий Голубова и Александрова.

В-третьих, ограниченное время на реализацию тематического проекта.

При работе над первой выставкой стало понятно, что она требует не меньше года подготовительной работы, и если для первой выставки уже был какой-то задел, то вторая готовится в условиях явной нехватки времени. Решение проблемы — либо создание рабочей группы проекта в части научной поддержки (путем включения в перспективные планы научной работы научных сотрудников необходимых тем), либо планирование одной тематической выставки в год.

В-четвертых, удаленность от источников комплектования и отсутствие возможностей для постоянной работы с коллекционерами, антикварными магазинами, художественными мастерскими и другими источниками пополнения фондов создает определенные трудности при планировании приобретений.

В-пятых, приобретение предметов декоративно-прикладного и изобразительного искусства XVIII–XIX веков у частных лиц, а не

в антикварных магазинах, сопряжено чаще всего с отсутствием экспертных заключений на приобретаемые предметы, подготовленных аттестованными экспертами. Атрибуция данных вещей в музее для представления на ЭФЗК и включения в состав музейного фонда требует проведения научной работы, поиска аналогов предметов в музейных собраниях и дополнительного времени на реализацию работ.

Теперь собственно о реализации проекта в имеющихся условиях и о творческих удачах.

Первая выставка «Круг чтения обитателей Тригорского. Анна Николаевна Вульф» проходила с мая по август 2025 года.

За основу читательских интересов Анны Вульф были взяты упоминания о ее чтении в письмах 1820-х годов, когда ее общение с А.С. Пушкиным было наиболее интенсивным, а круг интересов во многом общим. Так появились тема «Байрон и английская литература», с включением в круг чтения поэзии Томаса Мура, стихи которого А.Н. Вульф переписывала в отдельную тетрадь (по сведениям Э.Ф. Лобановой). При этом в библиотеке Тригорского была книга Т. Мура в переводе на французский язык парижского издания 1823 года, но она, судя по надписи на обложке рукою П.А. Осиповой, принадлежала ей, и Анне пришлось для себя выписывать наиболее понравившиеся стихи. Вторая тема, «Наполеон и французская культура», основана на упоминании в письме Анны Вульф Пушкину томов книги Лас-Каза «Мемориал Святой Елены», присланных им Анне Николаевне в Малинники. Э.Ф. Лобанова сообщает, что А.Н. Вульф переписала несколько писем Наполеона к Жозефине: «вначале наспех, карандашом и малоразборчиво; затем — набело, аккуратно почерком, чернилами, быть может, собираясь подарить кому-то из приятельниц. Оба списка — в Пушкинском Доме (31862 ССХХХ 619)»⁵. К сожалению, Э.Ф. Лобанова не указывает, что это за письма, и фотографий этих списков в Пушкинском Заповеднике нет. Поэтому остается только предположением, что это ранние любовные письма 1796 года, впервые опубликованные в английском издании в 1824 году в двух томах под заглавием «Путешествие по Нидерландам, Голландии, Германии, Швейцарии, Савойе и Франции, в 1821–1822 годах, Чарльза Теннанта, эсквайра», к которому имеется приложение с факсимиле восьми собственноручных писем Наполеона к Жозефине. И копии

⁵ Лобанова Э.Ф. «Я был свидетелем златой твоей весны...» (А.С. Пушкин и Анна Вульф). С. 62.

карандашом — не наспех переписаны, а тщательно скопированы с почерка Наполеона; а переписанные аккуратным почерком списаны из той же книги, где был также печатный французский текст писем и английский перевод. Но для подтверждения этой версии необходимо видеть рукописи, хранящиеся в Пушкинском Доме. В случае подтверждения этого предположения идеально было бы найти и приобрести упомянутый выше двухтомник.

Наконец, третья тема круга чтения Анны была очевидна и подтверждена единственной книгой стихов самого А.С. Пушкина, подаренной Анне поэтом. К счастью, в собрании музея довольно много прижизненных изданий поэта, потому что приобрести их сейчас было бы практически невозможно — в продаже они есть, но цены начинаются от 500 тысяч и доходят до 5 миллионов рублей.

Приобретения были необходимы также для предметного ряда, сопровождающего книги, и здесь повезло — во-первых, удалось наконец-то приобрести мемориальное бюро из семьи Вревских, которое стало опорным экспонатом выставки (и всей серии выставок, потому что уголок «Голубово» будет оставаться неизменным на всех выставках проекта). Бюро задавало тон стилю выставки — акцент был сделан на сафьян с золотым тиснением, который использовался в отделке внутренней части бюро, в книжных и альбомных переплетах, а также имитирован в афише выставки и паспорту портрета А.С. Пушкина. Довольно удачными были приобретения мелких бытовых предметов. Так, были отобраны симпатичные перочинные ножи (из переписки А.С. Пушкина известно, что Анна минимум однажды очинила для него перья, которые он забыл взять), изящные печатки, одна с ручкой из кости, а вторая — полностью сердоликовая, что было важно, так как у самого Пушкина был сердоликовый перстень-печатка, и в черновиках «Евгения Онегина» упоминается сердоликовая печать у Татьяны. Но самой трудной задачей было найти чашку, которая могла бы соответствовать той, что А.Н. Вульф подарила Пушкину в Пскове при расставании, когда мать увезла ее в тверские имения Вульфов, подальше от поэта. Это должен быть красивый и запоминающийся предмет. Совершенно случайно нам предложили французскую чашку начала XIX века производства Марка Шёльшера, богато вызолоченную и украшенную знаменитой цировкой Шёльшера. Произведения этой фабрики имелись у большинства представителей высшего света, включая императорские семьи, и, в частности, посуда производства Марка Шёльшера была у императрицы Жозефины. Чашка

не только напоминала о факте из биографии Анны и Пушкина, но и поддерживала тему «Наполеон и французская культура». Французского же производства, по-видимому, изящный дамский лорнет с инкрустацией по кости черепахи.

Одна из трудностей комплектования заключалась в том, что приходилось иметь дело со списками, очень приблизительной атрибуцией владельца, которую необходимо было перепроверять, и весьма недостаточными для атрибуции фотографиями. Это касалось как предметов декоративно-прикладного искусства, так и книг. Там, где авторы были указаны, было проще — например, отдельные тома «Мемориала острова Святой Елена» Лас-Каза были отобраны для приобретения незамедлительно, хотя и чуть более позднего издания (1830, а не 1823–1824 годов: приобретение полных аналогов — дело будущего). А вот от приобретения парижского издания «Исторического ежегодника» на 1821 и 1824 годы мы чуть не отказались, тем более что состояние книг далеко от идеального. Только когда на сайте Французской национальной библиотеки эти ежегодники были просмотрены полностью, и обнаружилось, что в первом обстоятельно сообщается о смерти Наполеона, а во втором — о смерти Байрона, они были отобраны к приобретению. Значительно пополнился раздел книжных иллюстраций, в том числе портреты Байрона из издания начала XX века, портрет Т. Мура из издания 1871 года, иллюстрации к роману в письмах Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», лист с изображением великокняжеской четы в костюмах героев поэмы Т. Мура «Лалла Рук» («Великий князь Николай Павлович в костюме Алариса, царя Бухарского, и Великая княгиня Александра Федоровна в костюме Лалла Рук». 1903, по литографии 1822 года).

Удалось приобрести полный «Сравнительный атлас древней и новой географии» А. Эрроусмита (Лондон, 1841, с досок 1828 года), с использованием карты Восточного полушария и островом Святой Елены для раздела «Наполеон и французская культура». В дальнейшем карты этого атласа будут использоваться на различных выставках, так как он содержит карты всех стран мира на пушкинское время (1828 год) и соответствующие им местности античного мира.

Первая выставка получила положительные отзывы, хотя экскурсоводы отмечали, что она слишком насыщенная для показа в последней по маршруту комнате музея, и внимание посетителей к тому времени уже отягчено множеством других сведений об обитателях Тригорского.

Но, повторимся, целью выставки было собрать максимальное количество информации и музейных предметов для резкспозиции библиотеки Тригорского, и эту задачу выставка выполнила.

При подготовке следующей выставки, посвященной кругу чтения основателя усадьбы Александра Максимовича Вындомского, тоже не обошлось без сюрпризов. И таились они тоже в недостаточной научной разработке темы. О составе библиотеки при Вындомском мы знаем по рассказу М.И. Семевского.

«Из зала идет целый ряд комнат. В одной из них, в небольших, старинных шкафчиках помещается библиотека Тригорского; новых книг не много, но зато я нашел здесь немало изданий новиловских, довольно много книг по русской истории, некоторые библиографические редкости (например, хоть эта книга: «Дневные записки путешествия из архипелагского, России принадлежащего, острова Пароса, в Сирию, и проч. Сергея Плещеева в исходе 1772 года» СПб. 1773 г. 8 д., — эта книжка прежде мне не попадалась под руку), старинные издания русских авторов: Сумарокова, Лукина, «Ежемесячные Сочинения» Миллера, «Российский Феатр», первое издание «Деяний Петра I», творение Голикова и проч....»

...В старину, как сообщил мне хозяин (А.Н. Вульф), библиотека эта была довольно велика, и в ней было много книг с дорогими гравюрами, она была собрана отцом его матери Вындомским, человеком по своему времени весьма образованным... Вындомский был прекрасный хозяин, любил читать и весьма хорошо рисовал...»⁶

Про Голикова сейчас упоминают в экскурсии по дому. Про «Записку каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку» тоже. А вот о том, что у Вындомского в библиотеке было довольно много лечебников, можно узнать только по каталогу Б.Л. Модзалевского. В свете опубликованных научным сотрудником Тригорского С.П. Пинчуком документов о выращивании Вындомским ревеня, корень которого в конце XVIII века считался одним из самых главных лекарств и применялся при лечении едва ли не каждой второй болезни, интерес Вындомского к лечебникам понятен и заслуживает внимания. Нам удалось найти и отобрать к приобретению лечебники двух авторов, бывших в библиотеке Тригорского, правда, во вторых

⁶ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское // Библиотека Максима Мошкова: сайт [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/s/semewskij_m_i/text_1866_poezdka_v_trigorskoye.shtml].

изданиях — но всё еще при жизни Вындомского. Они помещены в разделе «Винокур и аптекарь».

Известен А.М. Вындомский и как строитель своей приходской Георгиевской церкви, и как создатель Тригорского парка, в элементах которого исследователи видят масонские символы; известно, что он хорошо рисовал и имел книги с дорогими гравюрами. В семье существовала легенда, что образование Вындомский получил в Англии. Это не более чем легенда, потому что для служащего дворянина свободный выезд за границу в середине XVIII века был вряд ли возможен. Интерес Вындомского к английской культуре пока получал подтверждение лишь наличием в семье его потомков баронов Вревских нескольких английских гравюр конца XVIII — начала XIX века по оригиналам Дж. Морланда. Сейчас четыре из этих гравюр находятся в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина. Еще одну гравюру — Уильяма Блейка по Дж. Морланду «Трудолюбивая поселянка» (1788 и повтор в 1803) — удалось опознать на фотографии «Гостиная в Тригорском. Портрет П.А. Осиповой», опубликованной при очерке М. Гаррис в журнале «Баян» № 7–8 за 1914 год. Английских книг в каталоге Б.Л. Модзалевского нет — они или не сохранились к 1902 году, или были сочтены не представляющими интереса. Но по описи 1881 года, составленной имуществу Тригорского после смерти Алексея Николаевича Вульфа, числятся четыре издания на английском языке, все — второй половины XVIII века, из них одно наименование — беллетристика («Эвелина, или История вступления в свет молодой леди», первое издание вышло в 1778 году; в сожалению, дата издания в Описи 1881 года не всегда указана), а три — это английские издания по архитектуре, и о них до сих пор не упоминал ни один исследователь истории тригорской библиотеки. Это «Plans, elevations and sections, of noblemen and gentlemen's Houses» (Планы, фасады и разрезы домов знати и господ, № 211 по Описи 1881 года), «The gentlemen and Farmer's Architect; by T. Lightoler» («Архитектор джентльменов и фермеров» Т. Лайтолера, № 216) и «A Treatise on Civil Architecture by William Chambers» (Трактат о гражданской архитектуре Уильяма Чемберса, № 215). Из них два первых издания — это применимые на практике планы усадебных комплексов и отдельных построек. Удалось найти в свободном доступе электронную копию «Plans, elevations, and sections, of noblemen and gentlemen's houses, and also of bridges, public and private, temples and other garden buildings; executed... by James Paine... Part the second. Illustrated by one hundred and one large

folio plates 1783 by Paine, James» («Планы, фасады и разрезы домов знати и господ, а также мостов, общественных и частных, храмов и других садовых построек; выполнено... Джеймсом Пейном... Часть вторая. Иллюстрировано ста одной большой иллюстрацией формата фолио». 1783). Кстати, эти издания необходимо учитывать при подготовке проектов воссоздания усадебных построек Тригорского. Что касается «Трактата о гражданской архитектуре» Уильяма Чемберса, это теоретическое пособие по архитектуре (подобное издание начала XIX века на русском языке И. Лема имеется в нашем собрании). И здесь важно наличие этого автора в собрании книг Вындомского, позволяющее предположить возможность наличия других его книг, не сохранившихся до наших дней. Дело в том, что Уильям Чемберс, или Чеймберс (англ. Sir William Chambers, 23 февраля 1723, Гетеборг — 10 марта 1796, Лондон) — шотландский архитектор, декоратор и проектировщик мебели, создатель уникального стиля, соединяющего элементы рококо, раннего английского неоклассицизма и восточные мотивы. Из поездки в Китай (1748–1749) Чеймберс привез множество рисунков, акварелей и гравюр, в немалой степени способствовавших распространению моды на «китайский стиль», или шинуазри. В частности, в 1771 году на русский язык был сделан перевод «из книги, сочиненной господином Чамберсом, содержащей в себе описание Китайских строений, домашних их уборов, одеяний, махин и инструментов. Из статьи о искусстве Китайцов в расположении садов своих». В 1770-х же годах Екатерина II приказывает создать проект Китайской деревни в Царском Селе. «Русскому послу в Лондоне было поручено получить для Царского Села копию созданной Уильямом Чемберсом в Королевских ботанических садах Кью пагоды, являвшейся центральной структурой архитектуры шинуазри. В 1782 году началась постройка четырех первых одноэтажных домиков и восьмиугольного павильона-пагоды под руководством Камерона. Из задуманных 18 домиков к концу 1790-х было достроено только 10»⁷.

Интерес А.М. Вындомского к культуре Китая подтверждается наличием в его библиотеке необыкновенного для русской провинциальной библиотеки количества изданий на эту тему — целых восемь наименований книг (семь на русском и одна на французском языке).

⁷ Китайская деревня // Википедия: сайт [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайская_деревня].

Об интересе А.М. Вындомского к китайским садам и Китаю свидетельствуют как его библиотека, так и сам парк Тригорского. Стремление удивить, используя масонские знаки в планировке парка, развешенная ива у места купания, о которой пишет Н.М. Языков, утренние и вечерние дорожки около площадки солнечных часов, каскады прудов — всё это есть в Тригорском. Сравните с описанием особенностей китайских садов:

«Они [китайцы] приемлют в образец природу, и стараются подражать оной во всех ее прекрасных нестройностях.

Как Китайский климат весьма жарок, то употребляют они много воды в садах своих.

Ива есть одно из любимых ими дерев, и находится завсегда между теми деревьями, кои в округ их озер и рек растут, где оно посажено бывает таким образом, чтоб ветви его над водою висели. Они держат также в садах своих пни гнилых дерев, иные на корени своем стоящие; другие же на земле опрокинутыя, крайне наблюдая фигуру оных, равно как цвет, кору и мох, которые на них имеются.

Различныя ж употребляют они хитрости к возбуждению удивления.

Они имеют много мельниц и других гидравлических махин, движения которых приятный вид подают.

Когда имеется довольное число воды и удобное местоположение, тогда Китайцы никогда не оставляют в своих садах делать каскады.

В больших садах своих вымышляют они различные представляемые предметы; одни для утра, другие же для полудня, а третьи для вечера; ставя у пристойных пунктов зрения, строения удобныя для прохлады и забавы во всякое время дня; а в малых своих садах (в коих, как выше сего уже упомянуто, одно разпоряжение производит многия представления) они тоже самое чинят, ставя у разных пунктов зрения такие строения, которых выгода показывает, в которые часы дня пользоваться представляемым предметом при совершенной его красоте» (У. Чемберс. «О китайских садах»).

Эти сведения о садах китайцев содержатся и в статье об английских садах в книге «Cours complet d'agriculture... ou Dictionnaire universelle d'agriculture...» (Т. 6. JA–MU). Paris, 1786 (Полный курс сельского хозяйства... ПЗ-КП-9195, ГК 12344988), представленной на выставке.

Возможность доступа к информации, в том числе к литературе по архитектуре и созданию парков, у Вындомского была. Его свекор, Аристарх Петрович Кашкин, был главным командиром Конторы строений

и Конторы вотчинного правления Царского Села, где именно в это время создавались Китайская деревня и другие объекты в стиле шинуазри (эту должность Кашкин занимал на протяжении тридцати лет, с июля 1763 по январь 1794 года).

Но вернемся к выставке, посвященной Александру Вындомскому. Просмотр собрания музея подтвердил малочисленность гравюр XVIII — начала XIX века, недостаток которых давно ощущается в экспозициях всех усадеб Пушкинского Заповедника. Необходимость экспонирования в интерьере диктует достаточно крупный размер листов и более-менее приличную сохранность, что значительно повышает цену гравюр. Для Вындомского удалось найти две гравюры по Дж. Морланду: «Мальчишки, грабящие сад» и «Рассерженный фермер» (парные работы 1790 года), а также шесть листов 1807 года из третьего тома крупноформатного издания (43,5 × 57 см) «Собрание картин, статуй и барельефов Французского музея, входящего в состав национальной коллекции, а также описания сюжетов и исторических бесед в искусстве, скульптуре и глубокой печати», представляющего собой собрание картин и скульптур из французских коллекций, состоящее из четырех томов (опубликовано Робийяр-Перонвиль и Лоран, соответственно в 1803, 1805, 1807 и 1809 годах; в сопровождении текстов, написанных Кроз-Маньяном, затем Эмериком-Давидом и Висконти для 3–4-го томов), а также по два листа гравюр с видами дворца Бельведер в Вене (1735), лист 1731 года «Клития превращается в подсолнечник» и два листа литографий — видов английских мельниц 1821 года, и другие. Два китайских вида, в том числе Великой китайской стены, и один лист с изображением развлечения китайцев 1840-х годов пополняют небольшую китайскую тематическую коллекцию.

Кроме всего, существует проблема неполных аналогов. Мы оговорили с коллегами, что в разумных пределах будем допускать выход за временные рамки, например, использовать предметы конца XIX века, если они повторяют необходимые нам формы XVIII века. Это касается и графики, поэтому воспроизведенные в традиционных техниках гравюры и литографии изображения середины XIX — начала XX века, тематически связанные с более ранними периодами, вполне допустимы на выставке. Иначе какие-то темы просто не будут раскрыты. Конкретный пример из опыта работы с выставкой о Вындомском: в описи 1881 года была обнаружена книга на латыни с параллельным текстом на немецком, по-видимому, из тех книг «с дорогами гравюрами», которые

упоминает М.И. Семевский. Это подтверждение сообщения А.Н. Вульфа о том, что его дед имел свое представление о надлежащем образовании, и маленький Алексей изучал с приходским священником латынь. Это «*Historiae celebres res novi Testamenti*» и «*Historiae celebres res veteris Testamenti*», № 212 и 213 по Описи 1881 года, или «*Historiae celebres Veteris [-Novi] Testamenti iconibus repraesentatae et ad excitandas bonas meditationes selectis epigrammatibus exornatae*» by Weigel, Christoph, 1654–1725, publisher, printer; Luiken, Jan, 1649–1712, engraver; Luiken, Caspar, 1672–1708, engraver. Publication date 1708» («Самые известные истории Ветхого [-Нового] Завета, представленные изображениями и украшенные избранными надписями, побуждающими к хорошему размышлению» Вайгеля, Кристофа, 1654–1725, издатель, печатник; Люйкен, Ян, 1649–1712, гравёр; Люйкен, Каспар, 1672–1708, гравёр. Дата публикации 1708 год). Два тома большого формата, со множеством гравюр, изданные в 1708 году, если и найдутся когда-нибудь в продаже, будут стоить дорого (это понятие будет меняться со временем, но для рядовой закупки музея окажется неприемлемо). Мы приняли решение показать интерес Вындомского к иллюстрациям на библейскую тему на примере английской Библии 1775–1776 годов с 36-ю гравюрами на отдельных листах, формата 2°. Это обойдется минимум в 10 раз дешевле, а тему поддержит.

В целом в собрании музея оказалось достаточно книг XVIII века, чтобы представить интересы основателя усадьбы, к приобретению были намечены, помимо Библии, только три лечебника и «Французский садовник» (Париж, 1755). Но дело в том, что непросто найти полные аналоги книг, бывших у Вындомского, и стоимость их весьма высока, особенно русских изданий. Была также отобрана к приобретению книга тринадцатая издания «Старина и Новизна» (1909), где было опубликовано исследование Н.Н. Кашкина о роде Вындомских. В перспективе необходимо приобретение «Китайского букваря» 1779 года (если найдется) или заказ муляжа разворота на 33 странице. Книга имелась и в Тригорском, и в библиотеке Пушкина.

Интерес А.С. Пушкина к Китаю, зародившийся во время пребывания в Царском Селе и укрепленный чтением книг тригорской библиотеки, усилился затем в связи с намерением поэта побывать в Китае с российским посольством, а также знакомством со знаменитым китаеведом Иакинфом (Бичуриным). В библиотеке поэта сохранилось тринадцать изданий, так или иначе связанных с Китаем и народами, его населяв-

шими. Восемь из них — французские, а из пяти книг на русском три авторства или перевода Иакинфа. Среди русских книг имеется «Китайский букварь» 1779 года — дублет бывшего в Тригорском. Его полное название — «Букварь Китайской Состоящей из двух Китайских книжек, служит у Китайцев для начального обучения малолетних детей основанием. Писан на стихах, и содержит в себе много Китайских пословиц. Перевел с Китайскаго и Манжурскаго на Российский язык прозою Надворный Советник Алексей Леонтиев». Известно, что у А.С. Пушкина в библиотеке было несколько сборников русских пословиц и поговорок, ими он в особенности занимался, подбирая эпиграфы к главам «Капитанской дочки». Возможно, именно в Тригорском осенью 1835 года, роаясь в старых книгах, он раскрыл «Китайский букварь» и прочел там двустушие:

У вод глубоких, течения тихи,
У людей почтенных, речения плавны.

Мысль ему понравилась, и на клочке бумаги он пишет, переводя китайскую пословицу стихами, как в оригинале:

Воды глубокие плавно текут.
Люди премудрые тихо живут⁸.

Китайские виды и книги о Китае конца XVIII века являются основой последнего тематического раздела выставки о А.М. Вындомском — «Литератор и философ».

Не совсем проблема комплектования, но проблема монтажа выставки — отсутствие рам, позволяющих экспонировать гравюры в историческом интерьере, и отсутствие фонда таких рам в собрании музея. В распоряжении выставочного отдела имеются только современные рамы, ориентированные на показ современной живописи и графики.

Из предметов быта и декоративно-прикладного искусства, подобранных для сопровождения показа книг и гравюр, назовем складной аршин, изготовленный в Лондоне, кольцо-печатку с масонскими

⁸ Источник этого двустушия исследователи искали и в библейских текстах, и во «Французской антологии» (Париж, 1816). См.: Денисенко С.В. «Воды глубокие...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. СПб., 2009. С. 280.

символами (?), английскую конфетную ложку, которая могла использоваться как мерная для лекарств, два ковшика для пунша — один с монетой 1787 года на дне и с инициалами «JSS» на черенке, второй с инициалами «ТТА» на чашке, но очень похожий на мемориальную ложку для жженки из семьи Вревских, которая сейчас находится в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина; увеличительное стекло-квизер (quizzing-glass), как говорит само название — английское изобретение; подсвечник в формах конца XVIII века («Adam Stile», стиль братьев Адам, шотландских архитекторов, введших моду на неоклассический стиль проектирования и оформления архитектурного интерьера), аптечные весы и золотниковые гири, а также маленький флакончик для хранения ароматизированного китайского табака (табакерку).

Выставка доступна с сентября 2025 до середины января 2026 года.

Уже сейчас ведется подготовительная работа по комплектованию экспонатов для выставок 2026 года.

**ОБ ОДНОЙ ИЗ ПОЧТОВЫХ КАРТОЧЕК,
ИЗДАННЫХ ПСКОВСКИМ ОБЩЕСТВОМ КРАЕВЕДЕНИЯ:
«ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ. МОГИЛА А.С. ПУШКИНА»**

Довоенная иконография пушкинских мест Псковского края остается перспективным и актуальным направлением комплектования коллекций изобразительного искусства и фотонегатива Пушкинского Заповедника.

На протяжении последнего десятилетия восполняются лакуны в коллекции старой открытки. В частности, усилено комплектование музейного фонда материалами 1920-х годов. Так, в собрание поступили почтовые карточки, изданные Обществом друзей Пушкинского Заповедника в 1928 году. Большая их часть содержит виды пушкинских мест — фотографии, сделанные в 1925 году В.М. Федоровым-Кургановым. Теперь музей обладает полной их серией, включающей десять сюжетов¹.

В данной статье рассматриваются открытки с видами пушкинских мест, изданием которых в 1920-х годах занималось Псковское общество краеведения². Устав Общества изучения Псковского края был утвержден Главнаукой 30 марта 1922 года. Исследовательская деятельность Общества охватывала широкий круг вопросов, связанных с различными сторонами жизни края. Особое внимание было уделено пребыванию А.С. Пушкина в Михайловском. Псковское общество краеведения принимало участие в обсуждении устройства «Пушкинского уголка», подготовке мероприятий, связанных со 125-летием со дня рождения поэта и 100-летием прибытия его в михайловскую ссылку. Итоги научно-исследовательской деятельности Общества были опубликованы в сборнике «Познай свой край», четыре выпуска которого увидели свет в период с 1924 по 1929 год.

¹ Подробнее см.: *Плотникова Д.С.* Почтовые карточки, изданные Обществом друзей Пушкинского Заповедника в 1928 году: комплектование и изучение // *Михайловская пушкиниана*. Вып. 107. Сельцо Михайловское, 2025. С. 236–256.

² Подробнее см.: *Филимонов А.В.* Псковское общество краеведения // *А.В. Филимонов. Псковское краеведение в 1920–1930-е годы*. Псков, 2004. С. 23–74.

Эти сборники позволяют уточнить атрибуцию рассматриваемых почтовых карточек, в частности — период их выпуска. В последнем (четвертом) выпуске был опубликован актуальный перечень изданий Общества, где под номером 12 указаны «Виды города Пскова и Пушкинских мест (открытки 18 разных сюжетов) по 6 к.»³ В предыдущем сборнике, изданном в 1927 году, в аналогичном перечне открытки отсутствуют. Таким образом, работа над изданием открыток велась в 1927–1929 годах. Эти сведения позволяют уточнить датировку ряда музейных предметов из собрания музея-заповедника.

В фондах Пушкинского Заповедника на текущий момент представлено шесть открыток со следующими сюжетами:

1. две почтовые карточки «Пушкинские горы. Могила А.С. Пушкина», учетные обозначения: ПЗ-КП-33760, ГК 10898874; ПЗ-КП-35052, ГК 11524783;

2. почтовая карточка «Село Михайловское. Домик няни Пушкина», учетные обозначения: ПЗ-КП-35049, ГК 11524746;

3. почтовая карточка «Пушкинские места. Вид на р. Сороть», учетные обозначения: ПЗ-КП-35050, ГК 11524776;

4. почтовая карточка «Пушкинские места. Аллея парка в с. Михайловском», учетные обозначения: ПЗ-КП-35051, ГК 11524797;

5. открытое письмо «Пушкинские горы. Могила А.С. Пушкина», учетные обозначения: ПЗ-КП-35053, ГК 11524766.

Почтовые карточки № 1–4 (с учетными обозначениями ПЗ-КП-33760, ПЗ-КП-35049–35051), как следует из информации, содержащейся на оборотной стороне, изданы в типографии «Красной газеты» (Ленинград, Фонтанка, 51) тиражом 3 500 экземпляров; их цена составляет 6 копеек. Именно они упомянуты в четвертом выпуске сборника «Познай свой край».

Открытое письмо «Пушкинские Горы. Могила А.С. Пушкина» (ПЗ-КП-35053) (№ 5 в перечне) издано в Государственной типографии имени Ивана Федорова тиражом 1 000 экземпляров и реализовывалось по цене 8 копеек. Указание на иные типографию, тираж и цену свидетельствуют о принадлежности открытого письма другой серии, изданной Обществом после выхода последнего сборника «Познай свой край».

Полный перечень изданных Псковским обществом краеведения открыток еще предстоит установить. Детально данная тема ранее не

³ Познай свой край: сб. Псков. о-ва краеведения. Псков, 1929. С. 166.

*Почтовая карточка «Пушкинские горы. Могила А.С. Пушкина».
Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-35052, ГК 11524783*

рассматривалась, упоминание о существовании серии встречается лишь в работе И.И. Лагунина⁴.

Открытки поступили в фонды музея-заповедника из двух источников. Почтовая карточка с видом могилы поэта включена в состав коллекции в 2013 году⁵. В собрании музея данный экземпляр не был представлен, что дало импульс к поиску почтовых карточек, связанных с деятельностью Псковского общества краеведения. На протяжении ряда лет отслеживалось появление экземпляров на площадках интернет-аукционов, в букинистических магазинах. Выявленная лакуна в коллекции была восполнена в 2017 году⁶ — в состав собрания поступили пять открыток, изданных Обществом.

Один из сюжетов почтовых карточек представляет особый интерес. Это вид памятника на могиле А.С. Пушкина (учетные обозначения: ПЗ-КП-33760, ПЗ-КП-35052). Выбран ракурс, ставший классическим для иконографии могилы поэта. Но ряд деталей на фотографии заслуживает особого внимания. Так, на мраморном обелиске отсутствует крест, а рисунок калитки не соответствует общему решению ограды.

Отсутствие креста на обелиске отмечалось еще в путеводителе Ф.А. Васильева-Ушкуйника, который посетил могилу поэта в 1923 году:

«Нынешнее состояние могилы говорит о заброшенности нашей литературной Мекки: пол площадки потрескался, крест с памятника сорван, пирамида с вершины памятника сброшена. Видимо, кто-то пожелал таким образом «осовременить» памятник поэту»⁷. В 1925 году профессор К.К. Романов докладывал Комиссии по охране Пушкинского уголка при АН СССР: «На обелиске нет креста, утраченного, по словам В.В. Тимофеевой-Починковской, еще до революции: на месте креста виден его слабый отблеск и два отверстия от штырей для прикрепления. На западной стороне памятника ложная арка из белого мрамора дала две, пока незначительные трещины, возле одной из трещин выпала

⁴ Лагунин И.И. Пушкинский край в почтовых открытках (1899–1928) // Михайловская пушкиниана. Вып. 53. Сельцо Михайловское, 2012. С. 110.

⁵ Она была передана в дар Инессой Валентиновной Дроздовой (Вильнюс, Литва) через экскурсовода Пушкинского Заповедника Л.И. Корчагину.

⁶ Акт ПП от 30.12.2017г. № 39; пожертвование от Г.Л. Плотниковой (Пушкинские Горы).

⁷ Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 26.

*Открытое письмо «Святые Горы. Псковской губернии
Успенского монастыря, где находится могила А.С. Пушкина».
Из фондов Пушкинского Заповедника.
ПЗ-КП-3860, ГК 15166761. Фрагмент*

ранее уже сделанная при починке мрамора мраморная вставка, что указывает, вероятно, давность трещины.

Калитка железной решетки, окружающая памятник, была утрачена, в настоящее время поставлена другая калитка, по-видимому, из готовой могильной решетки неподходящего рисунка и с бронзовыми копиями на конце каждой вертикальной штанги»⁸.

На почтовой карточке не удастся рассмотреть одну из значимых деталей композиции — мраморную траурную урну, покрытую ниспадающим плащом, которая установлена на постаменте в арочном проеме. В чем кроется причина? В качестве печати, ретуши — или элемент памятника действительно отсутствует?

В фондах Пушкинского Заповедника хранится дореволюционное открытое письмо «Святые Горы. Псковской губернии Успенского монастыря, где находится могила А.С. Пушкина»⁹ с двумя фотографиями Н. Филимонова. Один снимок представляет общий вид на Святогорский Свято-Успенский монастырь. Другой — памятник с ракурса, аналогичного виду на открытке, изданной Псковским обществом краеведения. Сопоставление открытого письма и почтовой карточки, изданной Обществом, показывает, что урна четко видна на снимке с данной точки.

Обратимся к историографии, связанной с изучением памятника. Число введенных в научный оборот источников, содержащих сведения о состоянии памятника на могиле А.С. Пушкина в период 1920–1930-х годов, невелико. Ряд источников, перечисленных в работах К. Барской «Библиография по Пушкинскому Заповеднику 1821–1941»¹⁰ и публикации А.Д. Гдалина, М.Р. Ивановой «Памятники А.С. Пушкину на Псковской земле»¹¹, ныне незаслуженно забыты. Между тем, они содержат ценные сведения о состоянии сохранности памятника в контексте заявленной темы. К их числу относятся и издания Псковского общества краеведения.

⁸ *Степанова Т.В.* Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период) // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999. С. 48.

⁹ Учетные обозначения: ПЗ-КП-3860, ГК 15166761.

¹⁰ *Барская К.* Библиография по Пушкинскому Заповеднику 1821–1941. Машинопись. Музейная научная библиотека Пушкинского Заповедника. Инв. № 5781.

¹¹ *Гдалин А.Д., Иванова М.Р.* Памятники А.С. Пушкину на Псковской земле // Михайловская пушкиниана. Вып. 27. Пушкинские Горы ; М., 2003. С. 80–161.

*Почтовая карточка «Село Михайловское. Домик няни Пушкина».
Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-35049, ГК 11524746*

*Почтовая карточка «Пушкинские места. Аллея парка в с. Михайловском».
Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-35051, ГК 11524797*

Виды Пушкинского Заповедника имеются только в четвертом выпуске сборника «Познай свой край». Они иллюстрируют статью «300 километров по реке Великой на лодке (из записной книжки туриста)». Ее автором является Василий Яковлевич Разлетовский (1879–1936 (?)) — учитель, краевед, один из активных участников Псковского общества краеведения, его секретарь¹². В сферу его научных интересов входила пушкинская тема. Среди иллюстраций к указанной статье — три фотографии, использованные для почтовых карточек: могила А.С. Пушкина, «Домик няни» и аллея в Михайловском¹³.

Статья описывает маршрут путешествия водным путем по Великой: «Как члены краеведного [так!] общества, лозунг которого — познай свой край — мы в своем выборе экскурсии поставили себе задачей, никем еще из псковичей не намечавшуюся, — обследовать р. Великую на лодке, захватив, по возможности, весь ее водоем»¹⁴. Одним из пунктов их путешествия был Пушкинский Заповедник. «Осмотрели всё знакомое, везде побывали, познакомились со скромной попыткой устроить в Михайловском Пушкинский музей, прошлись по всему Пушкинскому Госзаповеднику»¹⁵. Далее автор весьма подробно освещает состояние могилы поэта и состояние всего некрополя: «Пушкинские Горы. Могила великого поэта. Давно уже выдолблен крестик (была молва, что он золотой), теперь и урна перенесена в музей: бояться за ее сохранность. Пожалуй, и весь памятник придется туда же перенести... Рядом с могилой поэта был памятник на могилке хоронившего поэта архимандрита Геннадия, А.В. Луначарский в своей статье, после посещения Пушкинского уголка, писал, что эта могилка гармонирует с могилой поэта. Но теперь по чьему-то велению нет и признаков ее, всё сравнено с землей. Около могил поэта и его родственников: И.П. [ошибочно — Д.П.]

¹² Подробнее см.: У истоков псковского краеведения [Электронный ресурс]: биобиблиографический рекомендательный указатель литературы. Вып. 2 / Государственный комитет по культуре Псковской области; Псковская областная универсальная научная библиотека ; [сост. Е.Г. Киселева, И.Б. Крутикова]. Псков, 2004.

¹³ Познай свой край: сб. Псков. о-ва краеведения. Псков, 1929. Фотографии опубликованы на страницах 155, 158, 160 издания.

¹⁴ *Разлетовский В.Я.* 300 километров по реке Великой на лодке (из записной книжки туриста) // *Познай свой край: сб. Псков. о-ва краеведения.* Псков, 1929. С. 151.

¹⁵ Там же. С. 154.

и М.А. Ганнибал, ряд скамей окрашены почему-то в нелепый зеленый цвет. А Пушкин так любил красоту!»¹⁶

Таким образом, сведения из статьи В.Я. Разлетовского в сочетании с иллюстрирующей ее фотографией памятника подтверждают факт отсутствия урны и указывают на конкретное место ее хранения: Пушкинский музей в Михайловском.

Обратимся к материалам по экспозиции Пушкинского музея в Михайловском и фотофиксации довоенных экспозиций 1920-х годов.

Известно, что в 1927 году во флигеле, расположенном слева от въездных ворот на усадьбу, была открыта новая экспозиция музея, занимавшая две комнаты. Ее созданием в сентябре 1927 года занимались члены Общества друзей Пушкинского Заповедника В.М. Федоров и Т.Н. Черепнина. К 1928 году экспозиция занимала три комнаты, к 1930-му — пять.

Остановимся на экспозиции 1927–1928 годов. Из письма заведующего Госзаповедником «Пушкинский уголок» Петра Михайловича Волкова¹⁷ 1928 года известно, что «в доме, отведенном под Музей-выставку, имеется пять комнат, из которых в настоящее время оборудовано три: 1. Выставка, посвященная пребыванию А.С. Пушкина в Михайловском, 2. Бытовая комната начала XIX века, 3. Библиотека-читальня, для интересующихся литературой вообще и в частности имеющая направление «Пушкин и современные ему писатели». К развешиванию четвертой и пятой комнат приступлено, где предполагается создать «Образы и типы литературных типов Пушкина в художественном изображении» и «Уголок Флоры и Фауны Пушкинского района»¹⁸.

В книге А. Гладкого «По пушкинским местам. Руководство при экскурсиях через Псков в Пушкинский госзаповедник» (М. ; Л., 1931) указано, что экспозиция занимает уже пять комнат: «Производит прекрасное впечатление Пушкинский музей, состоящий из пяти небольших комнат, в котором имеются портреты родных, друзей-декабристов и знакомых поэта, картины и иллюстрации, рисующие жизнь и творчество

¹⁶ *Разлетовский В.Я.* 300 километров по реке Великой на лодке (из записной книжки туриста). С. 154.

¹⁷ О нем см.: *Бойцова А.Е.* Петр Михайлович Волков — директор Пушкинского Заповедника с марта 1928 по сентябрь 1930 года. Материалы к биографии // *Михайловская пушкиниана*. Вып. 107. Сельцо Михайловское, 2025. С. 87–99.

¹⁸ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИ-ПО). Ф. 821. Оп. 1. Д. 6. Л. 143–145. Оpubл. в: Псков. 2012. № 37. С. 197.

Пушкина михайловского периода, и, наконец, рисунки, относящиеся к кончине поэта... При музее достаточно хорошая библиотека-читальня «Пушкиниана» (она содержит до 1 100 томов)¹⁹. Стоит отметить, что в путеводителе воспроизведена та же фотография памятника, что и на открытке.

В документальном фонде Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург) хранится семь снимков экспозиции музея в Михайловском, сделанных не позднее февраля 1929 года (время поступления снимков в Институт русской литературы (ИРЛИ))²⁰. В 1953 году они поступили во Всесоюзный музей А.С. Пушкина из ИРЛИ, а в ИРЛИ были переданы 16 февраля 1929 года в дар от заведующего Заповедником [фамилия не указана]. Возможным источником поступления представляется заведующий Госзаповедником «Пушкинский уголок» Петр Михайлович Волков, занимавший данный пост с марта 1928 по сентябрь 1930 года.

В ракурсе рассматриваемой темы особый интерес представляет один из снимков (Всероссийский музей А.С. Пушкина, учетные обозначения: ВМП НВ-Ф-36378). На подложке под снимком надпись чернилами, выполненная рукою П.Е. Рейнбота — основателя и первого заведующего Пушкинским музеем при Александровском лицее: «Выставка — Пушкин и декабристы — и 1837 г.» Речь идет о двух разделах экспозиции. Их названия вынесены на стилизованные ленты, закрепленные над графическим и документальным материалом, расположенным на стенах, окрашенных краской светлого тона. В углу на этажерке — памятник поэту работы И.П. Витали. Узнаваемы портреты декабристов, гравюры с сюжетами дуэльной истории, смерти и похорон поэта. Центральное место на стене занимает посмертная маска, смонтированная на черную подложку. Рядом представлены снимки с видами Святогорского монастыря и памятника на могиле поэта (один из них близок по композиции рассматриваемой почтовой открытке). Вдоль стен установлены узкие столы с разложенными на них раскрытыми книгами и документами. На одном из них — урна с памятника на могиле поэта!

¹⁹ Гладкий А. По пушкинским местам. Руководство при экскурсиях через Псков в Пушкинский госзаповедник. М. ; Л., 1931. С. 26.

²⁰ Подробнее см.: Плотникова Д.С. Музейные предметы в довоенных экспозициях Михайловского. К истории вопроса // Михайловская пушкиниана. Вып. 99. Сельцо Михайловское, 2024. С. 171–191.

*Выставка — Пушкин и декабристы — и 1837 год.
Фотография из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина.
ВМП НВ-Ф-36378*

Фотография относится к редким визуальным свидетельствам, фиксирующим наличие в экспозиции элемента мемориального памятника. Она подтверждает сведения, содержащиеся в статье В.Я. Разлетовского «300 километров по реке Великой на лодке (из записной книжки туриста)».

Ранее в работах, посвященных судьбе могилы поэта, факт полного демонтажа и переноса урны в Пушкинский музей не освещался. Сведения о том, когда она была демонтирована, в опубликованных источниках также отсутствуют. На основании анализа имеющихся печатных, документальных и фотографических источников предпримем попытку проследить историю изменения сохранности памятника на могиле поэта, в общих чертах обозначить период демонтажа и экспонирования урны в Пушкинском музее в Михайловском.

12 июля 1926 года П.М. Устимович посылает А.В. Луначарскому²¹ записку «Что надо отремонтировать на могиле Пушкина»: «Сравнить

²¹ С октября 1917 по сентябрь 1929 года — первый нарком просвещения РСФСР.

*Урна с памятника на могиле А.С. Пушкина
в экспозиции Пушкинского музея в с. Михайловском.
Фрагмент фотографии из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина.
ВМП НВ-Ф-36378*

бетонный настил и выровнять почву. По мнению архитектора К.К. Романова непроницаемый бетонный настил следует заменить камнем или щебнем, так как по условиям климата бетон дает трещины, в которые проникает вода, разрушая почву под бетоном. Памятник поэта, а равно плиты О.А. и М.А. Ганнибал нужно выровнять. На самом памятнике подлежит восстановлению в верхней части утраченный бронзовый крест (рисунок сохранился) и укреплению снятая со стержня урна в нише, а равно должен быть произведен ремонт мраморного массива, давшего в одном месте опасную трещину, и ремонт надписей; должна быть исправлена железная ограда у памятника; временную дверцу неподходящего рисунка нужно заменить новой и восстановить недостающие шары — наконечники на ограде»²².

²² Степанова Т.В. Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период). С. 50–51.

Фотография «У могилы Пушкина в Пушкинских Горах». Иллюстрация из юбилейного издания «А.С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» (1937). Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-8208, ГК 12344076

В июне 1927 года после сильного ливня произошел обвал могильного холма с северной стороны. В акте от 2 сентября 1927 года, хранящемся в Инспекции по охране памятников управления по делам архитектуры Ленинградского горсовета, содержится подробное описание могильного холма и памятника: «Мраморный на гранитном основании памятник дал небольшой уклон в восточную сторону и нуждается в реставрации: постановке урны и мелких мраморных украшений, а также металлического креста... В гранитных камнях — памятника необходимо промазать швы: в железную решетку поставить новую дверцу взамен утерянной»²³.

Таким образом, демонтаж урны был произведен не ранее 1926 года. По состоянию на 1929 год она экспонируется в Пушкинском музее в Михайловском. Когда элемент был возвращен на место?

²³ Научный архив Пушкинского Заповедника (АПЗ. Н/а). Д. 44. Архив н/м части. Инженерно-геологическое заключение об устойчивости «Могильного холма» на территории Святогорского монастыря. 1947 год. С. 89.

В юбилейном издании «А.С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» 1937 года содержится фотография «У могилы Пушкина в Пушкинских Горах». На снимке арочный проем памятника пуст — урна отсутствует²⁴. Надпись под снимком определяет фотографию 1934 годом.

В 1934 году Заповедник был передан в ведение Академии наук СССР. Постановление ее Президиума от 10 июня 1934 года определило: «Принять Пушкинский Заповедник в ведение Академии наук и внести его в виде самостоятельной единицы в титульный список учреждений АН СССР. Научная и административно-хозяйственная руководящая работа Заповедника возложена на ИРЛИ»²⁵. В кратчайшие сроки в институте была разработана программа восстановления территории и реконструкции музея к 1937 году, сформирован штат сотрудников.

В ИРЛИ хранится «Инвентарная книга для учета имущества иностранных учреждений Академии наук СССР» (Ф. 224. Оп. 30. № 29)²⁶. Интерес в контексте заявленной темы представляют два ее раздела: «1. Заповедный могильный холм» и «4. Музейное имущество». Первый содержит две графы: «Наименование предметов» и «Краткое описание». Под № 1 числится «Могила А.С. Пушкина»: «Мраморный обелиск на гранитном постаменте, огражденный железной крашеной решеткой»²⁷. Раздел, отражающий музейное имущество, содержит информацию и имеет форму, сопоставимую с топографической описью. Тематический раздел экспозиции, посвященный дуэльной истории, смерти и погребению поэта, помещен в четвертой комнате. На стене представлено пять изображений памятника на могиле Пушкина, но урны с памятника среди экспонатов не числится. В Инвентарной книге содержатся отметки о проверке, которую осуществил Иван Максимович Просяник — заведующий музеем²⁸. В других разделах экс-

²⁴ Из фондов Пушкинского Заповедника; учетные обозначения: ПЗ-КП-8208, ГК 12344076. А.С. Пушкин в портретах и иллюстрациях: пособие для учащихся средней школы / сост. Э.Ф. Голлербах и В.Е. Евгеньев-Максимов. М.; Л., 1937. С. 90.

²⁵ *Ступина Е.А.* Михайловское // Пушкины: генеалогическая энциклопедия / отв. ред. О.Н. Наумов. М., 2020. С. 228.

²⁶ Копия представлена в Научном архиве Пушкинского Заповедника.

²⁷ Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 224. Оп. 30. № 29. Л. 1.

²⁸ Исполняющим обязанности директора Пушкинского Заповедника является Василий Захарович Голубев.

позиции урна не числится. Раздел «Музейное имущество» обозначен И.М. Просяником 1935 годом.

Подводя итог, на основании анализа имеющихся источников общий период отсутствия урны на памятнике может быть определен следующим образом: демонтаж — не ранее 1926 года, монтаж — не позднее 1935 года.

Кратко хронологию изменения сохранности памятника, наличия и отсутствия отдельных элементов композиции можно представить следующим образом:

1923 год: «Крест с памятника сорван, пирамида с вершины памятника сброшена» (Ф.А. Васильев-Ушкуйник).

1925: «На обелиске нет креста, утраченного, по словам В.В. Тимофеевой-Починковской, еще до революции: на месте креста виден его слабый отблеск и два отверстия от штырей для прикрепления». «Калитка железной решетки, окружающая памятник, была утрачена, в настоящее время поставлена другая калитка» (К.К. Романов).

Июль 1926: крест отсутствует, урна снята со стержня, дверца ограды заменена на дверцу «неподходящего рисунка», несколько шаров на ограде отсутствуют (П.М. Устимович).

Июнь 1927: крест отсутствует, урна нуждается «в постановке», дверца ограды «неподходящего рисунка».

1929: «Давно уже выдолблен крестик (была молва, что он золотой), теперь и урна перенесена в музей» (В.Я. Разлетовский). Урна экспонируется в Пушкинском музее в Михайловском.

1934: урна на памятнике отсутствует (фотография «У могилы Пушкина в Пушкинских Горах», 1934 год).

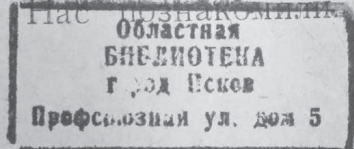
1935: урна в Пушкинском музее в с. Михайловском не числится («Инвентарная книга для учета имущества иногородних учреждений Академии наук СССР»).

Решение о демонтаже урны и ее переносе на хранение в музей напрямую связано с историей Госзаповедника и организацией охраны, прежде всего, могилы поэта. Рассмотренные в статье источники раскрывают ранее неизвестные детали в истории сохранения памятника в 1920-х годах. Выбранный способ хранения одного из элементов, который, надо полагать, не было возможности на тот момент оперативно закрепить неподвижно, позволил сохранить оригинальный элемент мемориального памятника.

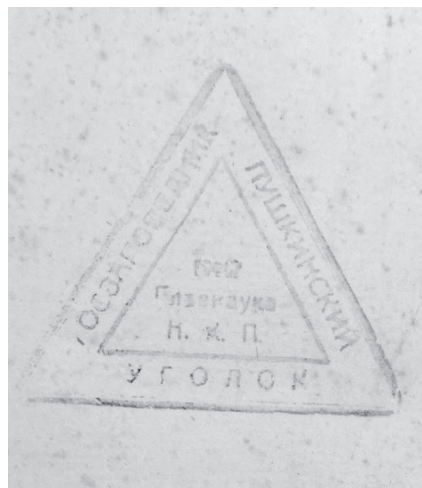
а уже группа несколько старших нас
 икаленных в революционной работе,
 Это были т. т. Лепешинский, Краси-
 из них был в ссылке вместе с В.
 в близких дружеских отношениях.

цил мне, что мы получили приглаше-
 и что там будет только что приехав-
 разрешили проездом за-границу госта-
 ве, чтобы собрать некоторые мате-
 он тогда работал — „Судьба капита-

ости пришла я к Оболенскому и сета
 етной. Пас

Кроме того

Штампы

«Госзаповедник

Пушкинский уголок»:

1) из сборника «Познай свой край»:

Вып. 1. Псков, 1924;

Псковская областная библиотека
 имени В.Я. Курбатова,

инвентарный номер: Кр 9(с) П 474,
 и 2) из прижизненного издания

А.С. Пушкина

«Кавказский пленник», 1824;

из фондов Пушкинского
 Заповедника. ПЗ-КП-5406,

ГК 31564143

В иконографическом ряду открытое письмо «Пушкинские горы. Могила А.С. Пушкина» занимает особое место. Оно служит значимым визуальным источником для изучения истории памятника на могиле поэта, в частности — его состояния сохранности в 1920-х годах.

Рассмотренные материалы не только дополняют иконографию, но и расширяют наши знания об истории памятника на могиле поэта, истории довоенной экспозиции и музея в целом.

Одним из непредсказуемых, но чрезвычайно значимых предварительных итогов работы стало обнаружение в фондах отдела краеведческой литературы Псковской областной библиотеки имени В.Я. Курбатова выпуска сборника «Познай свой край» со штампами «Госзаповедник Пушкинский уголок»²⁹. Книги, содержащие данные штампы, являются основой коллекции редкой книги Пушкинского Заповедника и происходят из довоенного собрания музея, вывезенного в период Великой Отечественной войны из Михайловского. Все книжные издания принадлежали библиотечному фонду «Пушкинского уголка». Данный факт обогащает историю книжных изданий, хранящихся ныне в Пскове, и дает надежду на обретение предметов, которые числятся утраченными в военное время.

Так изучение одного музейного предмета, уточнение его атрибуции открывает новые данные об истории самого музея, музейной работе определенного периода, напрямую связанной с сохранением главной реликвии пушкинского уголка — памятника на могиле поэта, и раскрывает малоизученные фрагменты в истории его бытования. Одновременно открываются перспективы изучения количественного и сюжетного состава серий открыток, изданных Псковским обществом краеведения, дальнейшего комплектования собрания по данной теме, продолжения исследовательской работы по истории памятника на могиле поэта в 1920-х — 1930-х годах, истории первых музейных экспозиций в Михайловском, поиска в государственных библиотеках книжных изданий, принадлежавших библиотечному фонду «Пушкинского уголка», которые считались безвозвратно утраченными в ходе Великой Отечественной войны.

²⁹ Познай свой край: Сб. Пск. о-ва краеведения. Вып. 1. Псков: Псковское общество краеведения, 1924. Псковская областная библиотека имени В.Я. Курбатова: инвентарный номер: Кр 9(с) П 474.

**ОБРАЗЫ ИМЕНИЙ ВУЛЬФОВ — ВРЕВСКИХ —
ПАНАФИДИНЫХ — РЖЕВСКИХ
И ОКРЕСТНОСТЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
ПО МАТЕРИАЛАМ ФАМИЛЬНОГО АРХИВА**

В фамильном архиве Вревских — Ржевских сохранилось достаточное количество свидетельств давно минувшего прошлого. Хитрые переплетения линий семей позволяют дополнить истории с разных ракурсов. Хранящиеся документы показывают письменные и визуальные образы имений Вульфов — Вревских — Ржевских и окрестностей конца XIX — начала XX века: Александрово, Косорымы, Врев, Голубово, Тригорское и Курово-Покровское и другие.

На основе дневниковых записей и воспоминаний, фотографий, графики, живописи можно восстановить некоторые картины жизни того времени, составить представление о быте предков, их впечатлениях от имений и работе по их благоустройству.

Курово-Покровское

Имение, принадлежавшее Павлу Ивановичу Панафидину (женившемуся на Анне Ивановне Вульф), а впоследствии его сыну, Николаю Павловичу, который за свою жизнь повстречал там А.С. Пушкина и И. Левитана. Его же сын, Михаил Николаевич, женился на Евпраксии (Инне) Степановне Вревской (внучке Евпраксии Николаевны Вульф). Семейный круг замкнулся.

Самую раннюю информацию можно почерпнуть из Дневника (Журнала) Любви Ржевской (внучка А.И. Вульф и П.И. Панафидина). Заполнено 36 листов, записи с марта 1859 года, когда Любе было 12–13 лет. Это очень трогательные, радостные записи о жизни в Курово-Покровском, поездках и жизни в Рязани.

Здесь можно встретить и описание посещения имения теми или иными людьми. Например, в 1860 году его посещает Алексей Николаевич Вульф, который не был там лет двадцать:

«Пятница 20. 1860.

Сегодня после обеда мы собрались идти в класс; вдруг из под горы слышим шум. И кто же идет? Алексей Николаевич, который у нас

Пятница 20.

1860

Сегодня после обеда мы собра-
лись идти в сад; вдруг
из под сорки семечек шум.

У кого же дети? Ах какой
Николавич, который у нас
был 20 и был и который
всегда водит с собою и никогда
к нам не возвращается. Но
все ужасно было удивлены!

Вульф.

Она очень понравилась Соне,
и она отъ него не на мину-
ту не отходила отъ него и
очень плакала когда онъ уезжал.

Отрывок из Журнала Л.Ф. Ржевской.
Посещение в 1860 году А.Н. Вульфom имения Курово-Покровское

*«Живые картины» — спектакль в имении Курово-Покровское в 1913 году.
Фотография из семейного архива*

лет 20 не был и который всегда ездит мимо и никогда к нам не заезжает. Мы в ужасе были! Удивлены! Он очень понравился Соне, и она от него не на минуту не отходила от него и очень жалела когда он уезжал»¹.

Среди перечисленных занятий в имении, конечно же, был и театр, играли комедии на французском и русском, например, «Что имеем не храним, потерявши плачем», «Путаница», где мужские роли играли женщины. В архиве есть фотография 1913 года, т. е. спустя полвека, из того же Курово-Покровского, где так же и на том же месте играют спектакли: сохраняются семейные традиции.

Скорее всего, это фотографии так называемого большого зала. Уже в воспоминаниях Н.П. Вревской от 1891 года сообщается, что в этом зале пел и плясал М.С. Вревский, студент, приехавший к сестре Инне. Здесь же на рояле играли «Прялку», «Вальс безумца» или пели «Сарафанчик-расстегайчик» или «Тройку». «Потом играла польку и кадрили и мы танцевали, кто как умел»².

¹ Из детского дневника Л.Ф. Ржевской. В дневнике написано «касс» вместо «класс»; скорее всего, в силу раннего возраста пропущена буква «л».

² Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 1. С. 47.

*Панафидины-Ржевские на крыльце дома в имении Курово-Покровское.
В середине первого ряда — Николай Павлович Панафидин. 1891–1894 годы.
Фотография из семейного архива*

Еще одно посещение Курово-Покровского отдельными людьми сохранилось уже в воспоминаниях Н.П. Вревской. В 1891 году Н.П. Вревская вместе с ее тетей Верой посещают И. Левитана в Санкт-Петербурге. Он вспоминал лето 1891 года, проведенное в Затишье и Покровском, показывал полотна и этюды — речка Тьма близ Бернавы, Владимирская дорога³.

В архиве также сохранилось две фотографии членов семьи Панафидиных — Ржевских около входа в дом. Одна из них подписана 1896 годом, но, скорее всего, ошибочно. Обе фотографии должны были быть сделаны в одно время, предположительно в 1891–1894 годах. На одной из них А.К. Ржевский, отец Софьи Алексеевны Вревской, родившийся в 1886 году. На фотографии же ему 5–6 лет. На другом снимке присутствует Николай Павлович Панафидин, который умер в 1895 году. Здесь же внешне он близок к своему портрету, написанному И. Левитаном в 1892 году.

³ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 1. С. 86.

Также есть свидетельства взаимодействия членов семьи в имении на Новый год и Рождество. Сохранилось несколько открыток, посланных в Курово-Покровское. Одна из них от 31 декабря 1915 года Софии Константиновне Ржевской с пожеланием кончить учебный год с медалью. В этом же году Н.П. Вревская решила отправиться туда к семье, отметить Рождество⁴.

Такие обрывочные, но яркие эпизоды и образы имения Покровское Вульфов — Панафидиных — Ржевских.

Александрово

Больше всего сведений об этом месте можно почерпнуть из воспоминаний Н.П. Вревской. В ее работе приведены некоторые описания имения, планов по благоустройству, совместной жизни там с М.С. Вревским и детьми до 1917 года.

После смерти отца, Степана Борисовича Вревского, Михаил Степанович в 1901 году был вынужден покинуть Петербург и перебраться в Александрово, чтобы произвести раздел наследства и вести хозяйство. Несколько лет он жил там один. Зимой отапливалось две-три комнаты. «Вечером самовар... на одной стороне стола стакан, чайный прибор, закуска с графинчиком с водкой, на другой — груда книг...»⁵

В 1905–1906 годах туда впервые приехала на пару дней, на пасхальные каникулы, Наталья Павловна⁶. Сохранилось описание ее первого впечатления:

«Действительно, как-то неожиданно из-за последней избы открылся вид на огромные постройки, странно белые среди черной пахоты. Сворачиваем с большака и едем вдоль озера по Березовой аллее... минуя людскую, скотный двор, забор, флигеля, подъезжаем к крыльцу Александровского дома. Нет, не дома, а дворца, так велик, так величественен и красив он, построенный по плану Гваренги в конце XVIII века...

...мы пошли осматривать дом... М.С. бегло упомянул о предках, несколько подробнее о матери и отце. Весь дом был наполнен памятью о них. Они как бы присутствовали и сопутствовали нам. Из темных углов вставали тени прошлого, проносился шорох, потрескивал паркет, как бы от чьих-то невидимых шагов. Жутко в этих огромных, холод-

⁴ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 5. С. 12.

⁵ Там же. Т. 4. С. 95.

⁶ Там же. С. 38.

Н.А. Рихтер и Н.М. Вревский (дети от первых браков М.С. Вревского и Н.П. Вревской) с собакой Будькой/Мушкой в имении Александрово. 1910 год. Фотография из семейного архива

ных, давно не обитаемых покоях... И крепко держалось поверье, что по ночам ходит старый барин — «всё ли в порядке».

М.С. рассказывает, как один его товарищ-студент стрелял ночью в показавшееся привидение.

Обстановка комнат с дедовских времен оставалась почти без перемен.

Вот большой кабинет; по стенам книжные шкафы, наполненные литературой XVIII и XIX веков; огромное бюро с зеркальным шкафчиком и письменным прибором ампир. Два глобуса Земли и неба по углам. Диван, кресло. У окна вольтеровское кресло, в котором проводил дни глубокой старости дед М.С., читая географические и исторические книги»⁷.

В последующие года они приезжали сюда на Рождество и зимние каникулы, Пасху, поздней весной, летом и ранней осенью. Наталья

⁷ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 4. С. 39–40.

Косорымы. 1898 год. Бумага, карандаш. Из семейного архива

Павловна с Михаилом Степановичем посещали Голубово, навещая Софью Борисовну.

Поездки учащались, хозяйство и дом в 1909–1910 годах постепенно приводилось в порядок под чутким руководством Н.П. Вревской:

«Прекрасные розы, лилии и нарциссы в течение годов запустения совсем заросли; я разыскала их, пересаживала, и какая радость: на следующий год всё пышно зацвело!

Дорожки в парке не чистились с времен деда М.Н. Сердобина. По старому плану нашла их расположение и тоже, немало потрудясь, привела в порядок.

Расставили скамьи, починили купальню и лодку, сделали новый забор... Дом побелили снаружи и крышу покрасили»⁸.

Работы по ведению хозяйства проводились вплоть до 1917 года. В них участвовали все, в том числе дети от первых браков: Николай Михайлович Вревский и Наталья Андреевна Рихтер. После сенокоса Николай часто садился читать, а Наташа подсаживалась к нему.

⁸ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 4. С. 98.

*М.С. Вревский на охоте. Косорымы, 1906 год.
Фотография из семейного архива*

При подготовке этого текста оказалось, что ранние публикации воспоминаний Н.П. Вревской достаточно отрывочны⁹, с вольной интерпретацией авторами мыслей «персонажей» и описаний. В дальнейшем придется провести сверку с оригиналом, чтобы отделить правду от вымысла. Два наиболее ярких примера касаются описания посещений Н.П. и М.С. Вревскими Косорым и посещения Тригорского.

Косорымы — отдаленный хутор, где М.С. Вревский с детства охотился, а позже приезжал отдохнуть на пару дней с Натальей Павловной. В семье сохранился рисунок избы, а также несколько фотографий Вревского на охоте летом и зимой.

В воспоминаниях Н.П. Вревской иногда встречаются описания одного и того же места, но что-то будет дополнено или описано немного другими словами или с измененной пунктуацией. В четвертом томе дважды встречается описание того, как М.С. Вревскому подарили в 12 лет ружье¹⁰:

«Когда М.С. исполнилось 12 лет, Алексей Николаевич Вульф, его крестный отец, подарил ему ружье, а мать наняла Якова, который славился как заправский охотник»¹¹.

Тот самый А.Н. Вульф, который в 1861 году посетил Курово-Покровское.

Во второй раз А.Н. Вульфа называют просто «его крестный»¹². Ни разу он не был назван двоюродным дедом, как это можно прочесть в работе В.Ф. Рожнова «Имение потомков Косорымы близ Тригорского»: «В 1883 году, когда Михаилу Степановичу исполнилось всего 12 лет, его двоюродный дед Алексей Николаевич Вульф подарил ему настоящее ружье и впервые взял с собой на охоту»¹³.

⁹ *Рожнов В.Ф.* Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского // Пушкинский музей. 2002. Вып. 3. С. 237–247; *Рожнов В.Ф.* Дневник баронессы Н.П. Вревской (фрагменты). По материалам семейного архива Вревских / публ. и примеч. В.Ф. Рожнова // Временник Пушкинской комиссии. 2002. № 28. С. 249–270.

¹⁰ М.С. Вревскому 12 лет исполнилось в 1883 году, а А.Н. Вульф умер в 1881-м. Скорее всего, ружье было подарено на десятилетие.

¹¹ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 4. С. 58.

¹² Там же. С. 100.

¹³ *Рожнов В.Ф.* Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского. С. 239.

К сожалению, есть и более существенные ошибки, целые периоды художественно отредактированного текста, хотя В.Ф. Рожнов указывает, что «при публикации особенности стиля и орфографии Н.П. Вревской сохранены без изменений», а «дневниковые повествования — не всегда от первого лица»¹⁴. Не всегда это соответствует действительности. Например, в воспоминаниях Н.П. Вревской описан эпизод посещения Тригорского с М.С. Вревским в 1915 году:

Воспоминания Н.П. Вревской	В.Ф. Рожнов. Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского
С 1915 года арендатор Пальмов М. Ив. доживал последние месяцы своего хозяйничества. Тригорское, после длительного суда и всевозможных грубостей со стороны Пальмова переходило в ведение М.С. [Вревского]. М.С., не любивший до этого бывать в саду, — напротив, было зрелище запущенности, — пошел со мной туда. Парк зарос, заглож, аллеи перепутались, дорожек нет, тропинки. Цела только баня, едва державшаяся на самом обрыве. Вид на нее изумителен, и понятно, что А.С. Пушкин любил сидеть там один или выпивать там с Вульфом и Языковым. Близ нее был старый Вындомский дом, сгоревший еще при Прасковье Алекс. Вульф, лет 100 назад. Мы с трудом нашли часть фундамента.	Усадьба Тригорское... Зрелище жуткое — парк зарос, заглож, аллеи перепутались, дорожек нет, одни тропинки. <i>Цела только банька, едва державшаяся на самом обрыве. Вид на нее изумителен! Близ нее остатки сгоревшего дома Вындомских. Всё заросло. С трудом нашли часть фундамента. Михаил Степанович доискался до кирпичей, нашлись одичавшие кусты роз и жасмина.</i> <i>«Вот, смотри, здесь я поставлю избу, на этом фундаменте, как хорошо будет заниматься наукой! Какой вид и как уединенно!» — восклицает Михаил Степанович.</i> «Нет, окна будут широкие, балкон, а всё соединено галереей! — возразила Наталья Павловна. Но реально, после длительного судебного процесса с Пальмовым,

¹⁴ Рожнов В.Ф. Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского. С. 238.

— Вот здесь и будем строиться, смотри, какой вид, — сказал М.С.

— Да, да — *вот одичавшие кусты шиповника и жасмина* — по ним можно разыскать старые дорожки, — воскликнула я.

— Да, но не дом, — продолжал М., — а избу — хорошо будет заниматься в ней, не будет мешать!

Я взглянула вопросительно.

— А другую рядом — для тебя.

— А дети? — спросила я.

— Ну, и для них тоже, но отдельно.

— Три кущи, — смеюсь я. — Какая гадость — избы!

— Нет, окна будут широкие, балконы — и всё будет соединено галереями.

— Ну, ладно, баронские фантазии.

— *А строиться будем. Лес зимой свой вывезем,* — сказал Миша.

(Ничего не вышло; 1916 год — год войны, шедшей несчастливо, глубоко захватил тыл — затормозил вообще все дела сельского хозяйства).

...Вернулись в дом — таксики ластятся. Гаша торопится с чаем.

Федор подает самовар, тетя Соня восседает на диване — чем-то недовольна: зачем долго гуляли! — оказывается.

Тригорское освобождалось от аренды и переходило в руки Михаила Степановича. Он смог бы осуществить свое давнее желание — устроить лабораторию в деревне, заняться не только хозяйством, но и любимой экспериментальной работой по химии. Мечта всей жизни становилась реальностью!

А судьба готовила свое. Грянула Первая мировая война 1914 года.

В то время в Тригорском постоянно гостили племянники Софьи Борисовны, то Соня Лодыженская, то Евпраксия Григорьевна Карпова (внучка Зизи), то Александра Михайловна Фок, урожденная Родзянко, жена Алексея Викторовича Фока.

Остаемся у нее ночевать, а утром по делам, в Косорымы и домой в Александрово — путь немалый — 25 верст. В амбаре нашлась бывшая девичья кровать Е.Н. (Татьяны) со спинкой в форме лиры¹⁵.	Летом частенько Михаил Степанович и Наталья Павловна Вревские вместо Косорым обедали в Тригорском. Иногда, загостившись, и заночуют у Софьи Борисовны, а утром — по делам в Косорымы и домой — в Александрово, путь немалый: 25 верст! <i>Но это — завтра, а пока, гуляя, забрели в амбар: там нашлась бывшая девичья кровать Евпраксии Николаевны со спинкой в форме лиры. Память о бабушке.</i>
--	--

В сравнительной таблице можно увидеть, насколько своеобразно сокращен, переделан и приукрашен кусок воспоминания. К сожалению, это повторяется не единожды, а за последние 20 лет многие исследователи ссылались на статьи Рожнова с воспоминаниями Натальи Павловны¹⁶. В дальнейшем будет проведено сравнение оригинала с опубликованными частями, чтобы выявить и устранить нестыковки для дальнейшей работы по составлению правдивого описания имений и окрестностей.

Врев

Еще одним значимым местом, фотографии которого в большом количестве остались в семье и в музеях, является городище Врев, а именно разрушенная церковь и захоронения членов семьи Вревских. В воспоминаниях Н.П. Вревской четырежды представлены описания городища. Приведем одно из них, не опубликованное, дополненное некоторыми новыми деталями:

¹⁵ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 4. С. 126–128.

¹⁶ См., напр.: *Зигерн-Корн Ю.А., Старинкова Е.В.* История каминного экрана из коллекции Всероссийского музея А.С. Пушкина // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9. № 18. С. 220–230.

*Руины церкви во имя св. апостолов Петра и Павла. Врев. Начало XX века.
Фотография из семейного архива*

«Городище Врев»

Любимым местом прогулок было городище... на одном из холмов живописные развалины кирпичной церкви готического стиля во имя апостолов Петра и Павла...

На том же холме возвышается небольшая горка, в ней вырыта пещера, в которой похоронен Ал. Б. Вревский. Облицовка стен и входной двери сделана из красно-бурого порфира. Сама дверь железная, красивой кованой резьбы по железу. Мраморная могильная плита. Образ Александра Невского масляной краской — во весь рост у изголовья. Большой белый крест водружен на вершине горки и отчетливо выделяется на темной зелени деревьев.

Вокруг цветы и кустарники, дорожки посыпаны песком — скамьи. Культурно и уютно. — Сам германский император Вильгельм II позавидовал бы такой усыпальнице, — торжественно излагает генерал А.Ф. Фок.

Так хорошо посидеть на скамье, поставленной еще матерью М.С. [Вревского]. И поглядеть на тихое как зеркало, ясное озерко «Зеленище».

Высокие темно-зеленые ели, отражаясь в воде, придают зеленую окраску — действительно «зеленище»¹⁷.

В семейном архиве сохранилось шесть фотографий этого места, сделанных в разное время. Часть дублетов отпечатков хранится в фонде в Мемориальном музее-квартире А.С. Пушкина на набережной реки Мойки. Все они сделаны в разное время с возможной разницей до 10–15 лет. Для восстановления полного образа фамильного кладбища необходимо будет привлечь все известные изображения и описания.

¹⁷ Воспоминания Н.П. Вревской. Т. 4. С. 103.

О НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ В МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 2025 ГОДА: ПРЕДМЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО СОБРАНИЯ ЛАДЫЖЕНСКИХ

В апреле 2025 года Пушкинскому Заповеднику были переданы в пожертвование предметы изобразительного искусства, фотографии, документы из собрания семьи Ладыженских¹. В музей поступили 57 предметов; среди них — 28 живописных и графических работ, восемь фотографий, складень трехстворчатый «Троица Новозаветная», остальные предметы — документальные материалы, касающиеся непосредственно Гавриила Михайловича Ладыженского (1865–1945), художника и родственника Вревских². Гавриил Михайлович — внук баронессы Евпраксии Николаевны Вревской, урожденной Вульф. Среди переданных документальных материалов — дневник Гавриила Михайловича за 1938 год и копия записки Б.Л. Модзалевскому о знакомстве с Григорием Александровичем Пушкиным. Предметы поступили от прямых потомков Гавриила Михайловича Ладыженского, его внуков — Никиты Гаврииловича Ладыженского и Ирины Гаврииловны Коровиной, урожденной Ладыженской.

В нашем собрании хранится три живописных работы художника:

«Вид Голубово», 1929 год; учетные обозначения: ПЗ-КП-925, ГК 30009264; поступила в дар от А.И. Дараган;

¹ Акт приема на постоянное хранение от 28.06.2025г. № 12, учетные обозначения: ПЗ-КП-38014-38059, ПЗ-НВФ-10153; Акт приема на постоянное хранение от 28.06.2025г. № 13, учетные обозначения: ПЗ-КП-38060-38062; Акт приема в научный архив от 14.08.2025г. № 6-25.

² Гавриил Михайлович Ладыженский (13 ноября 1865 — 6 января 1945) — русский и советский командир, генерал-майор, представитель рода Ладыженских. Родители: отец — Михаил Евграфович Ладыженский (1840–1910), дворянин, мировой судья, сын гвардии подпоручика Евграфа Семеновича Ладыженского (1802–1872) и Елизаветы Александровны Сушковой (1815–1883), внуки В.М. Сушкова и родной сестры Е.А. Хвостовой; мать — баронесса Александра Борисовна Вревская (1840–1899), дочь барона Бориса Александровича Вревского (1805–1888) и Евпраксии Николаевны Вульф (1809–1883).

*Г.М. Ладыженский. Александрово. Перед грозой. 1932 год.
ПЗ-КП-38014; ГК 62387873*

«Развалины церкви в Голубово», 1933 год; поступила в 1963 году от М.П. Баклановой;

«Пейзаж с песчаным берегом», 1930 год; поступила в 1963 году из Государственного музея А.С. Пушкина (Москва).

Эти работы, собственно, составляют небольшую авторскую живописную коллекцию, имеющую прямое отношение к истории усадеб Тригорское и Голубово.

Предметы, поступившие в пожертвование от Никиты Гавриловича Ладыженского и Ирины Гавриловны Коровиной в 2025 году, не только значительно дополнили уже имеющуюся небольшую коллекцию, но значительно расширили границы нашего представления о жизни самого художника Гавриила Михайловича Ладыженского и его семьи, о времени и эпохе, в которую им пришлось жить, об истории создания художником видов усадеб Голубово и Александрово.

*Г.М. Ладыженский. Голубово. 1920-е — 1930-е годы.
ПЗ-КП-38060; ГК 62387847*

Значительная часть коллекции — предметы изобразительного искусства: живописные и графические работы, семейная художественная летопись. Четыре живописные работы; среди них два вида — это виды усадеб Голубово³ и Александрово⁴. Картина с видом Александрово да-

³ Голубово — усадьба в Островском уезде Псковской губернии. Впервые упоминается в 1784 году, когда она принадлежала братьям Чихачевым — капитану Николаю и поручику Михаилу Семеновичам. Следующим владельцем сельца был князь А.Б. Куракин. Он завещал Голубово своему внебрачному сыну — барону Борису Александровичу Вревскому.

⁴ Александрово — усадьба в Островском уезде Псковской губернии. Основатель и строитель — князь А.Б. Куракин (1752–1818). Владельцы усадьбы — бароны Сердобины: Алексей Николаевич (1790-е — 1834), после его смерти — брат, Михаил Николаевич (1802–1888). Последние владельцы: Мария Михайловна Сердобина, в замужестве Вревская (1844–1902). После смерти Марии Михайловны Александрово перешло в нераздельное владение детей.

*Н.В. Розанов. Портрет Г.М. Ладыженского. 1910 год.
ПЗ-КП-38061; ГК 62387871*

тирована 1929 годом; Голубово не датировано художником. Но есть одно обстоятельство, которое позволяет датировать эту работу концом 1920-х — началом 1930-х годов: в Научном архиве Пушкинского Заповедника хранится переписка Гавриила Гавриловича Ладыженского⁵, сына художника, с хранителем Тригорского Галиной Федоровной Симакиной, два письма; одно из них от 5 января 1988 года, в котором Гавриил Гаврилович пишет, что «как Голубово, так и Александрово он [Гавриил Михайлович] писал с фотографий в период с 1926 по 1934 год».

В другом письме, от 24 февраля 1986 года, Гавриил Гаврилович пишет, что после смерти Марии Леонидовны, жены Бориса Григорьевича Карпова (1870–1940), ему переслали из Москвы вид Голубова. Таким образом, поступившая к нам работа была написана Гавриилом Михайловичем для Б.Г. Карпова. Важно еще одно замечание из письма Гавриила Гавриловича от 5 января 1988 года опять же Г.Ф. Симакиной: «Картина «Голубово» была написана отцом — Г.М. два или три

⁵ Научный архив Пушкинского Заповедника (АПЗ. Н/а). № 3945-н/а. Переписка Г.Ф. Симакиной с Г.Г. Ладыженским. 1986–1988 годы.

*Г.М. Ладыженский. В Тягуцах. 1944 год.
ПЗ-КП-38032; ГК 62387866*

раза и один раз «Александрово», принадлежавшее Михаилу Степановичу Вревскому... Одна реплика, написанная для Б.Г. Карпова, находится у меня. Картину в Заповеднике я не знаю, надо иметь в виду, что Г.М. каждое лето с 1906–1907 по 1910 год после отставки, лето проводил в Голубове, Александрове и Малинниках (Тверской губернии)».

В числе переданных живописных работ — два живописных портрета: портрет самого художника Гавриила Михайловича Ладыженского (1865–1945), написанный после выхода в отставку, предположительно в 1907–1910 годах, когда Гавриил Михайлович жил в Петербурге; в верхнем левом углу подпись, очевидно, автора портрета — «Н. Розанов». Таким образом, один из переданных портретов не является работой Г.М. Ладыженского: подпись, несмотря на утраты, читается, и ее легко соотнести с подписями на других работах художника, в частности — на портрете Вишневецкого 1912 года из Иркутского областного художественного музея имени В.П. Сукачева, где подпись художника, кстати, также в верхнем левом углу, что, в общем-то, нетипично; в дан-

*Г.М. Ладыженский. Голубовский парк. 1944 год.
ПЗ-КП-38036; ГК 62387842*

ном случае это характерная для манеры художника деталь. Среди знакомых Г.М. Ладыженского в биографии, написанной сыном, упоминается художник живописи Николай Васильевич Розанов (1869–1940), который был поручителем от невесты на венчании Гавриила Михайловича и Марии Мартыновны Бумбе в 1910 году (запись в метрической книге Рождественской церкви на Песках).

Второй живописный портрет — портрет отца художника, Михаила Евграфовича Ладыженского (1840–1910), супругой которого была Александра Борисовна Вревская (1840–1899), жившая долгие годы в Голубове. Внук Михаила Евграфовича, Гавриил Гавриилович Ладыженский в своих мемуарах писал: «Дед был высок ростом, с крупными чертами лица и длинной, расчесанной на два клина, бородой». Эта работа датируется также началом XX века. Оба портрета, как и вид Голубова, переданы Ириной Николаевной Ладыженской, в замужестве Коровиной.

Коллекция графических работ, переданная музею Никитой Гавриловичем, состоит из 24 акварелей Г.М. Ладыженского: среди них вид

родового имения Ладыженских Тягущи в Порховском уезде, вид Голубовского парка, пейзажи с рекой Усьвой в Пермском крае, куда Гавриил Михайлович с женой эвакуировались из блокадного Ленинграда в конце 1942 года. В галерее семейных портретов — автопортрет самого художника 1942 года, портрет первой жены Марии Мартыновны Ладыженской, урожденной Бумбе, 1924 года, второй жены Пелагеи Николаевны Ладыженской, урожденной Осиповой, 1942 года, два портрета сына, Г.Г. Ладыженского, 1942 и 1943 годов, и два портрета М.Ю. Лермонтова, соответственно 1929 и 1943 годов. Представляет особый исторический интерес вид Голубовского парка, датируемый 1944 годом, и пейзаж с часовней под названием «У Софрония».

Приводим отрывок из той же биографии художника, который является историческим комментарием к этой работе: «Мария Мартыновна была очень религиозна, взяв с собой сына, в компании с Пелагеей Николаевной (Полей) и Евдокией Петровной, бывшей земской учительницей, поселилась в тридцати километрах от Арзамаса у архимандрита Софрония. В 1919 году, когда Гавриил Михайлович был переведен (25 августа) в распоряжение штаба Приволжского военного округа без назначения и жил в Симбирске, Мария Мартыновна поселилась у старца. В 1924 году 24 января от туберкулеза Мария Мартыновна умерла, и Гавриил Михайлович переселился в Арзамас». Упоминаемый здесь старец — архимандрит Софроний (Смирнов) (1828–1921) — и есть основатель Софрониевой пустыни, где жила несколько лет Мария Мартыновна; прославлен в Донецкой епархии Украинской Православной Церкви, канонизирован 8 мая 2008 года, день памяти 24 сентября.

Будущий архимандрит Софроний (Смирнов) родился в Москве, в семье священника. В 1837 году учился в Высоко-Петровском духовном училище. В 1850 окончил Московскую духовную семинарию; с 1853 года — послушник Святогорской пустыни, в 1856 — монах, пострижен в честь Софрония Иерусалимского. В 1857 — иеродьякон. В 1881 — настоятель Свято-Дмитриевского монастыря Ахтырского уезда Харьковской губернии, игумен. В 1885 году переведен в Холмско-Варшавскую епархию. В 1887 году назначен настоятелем Арзамасской Высокогорской пустыни Нижегородской епархии. С 1889 года — архимандрит. В последние годы нес подвиг пустынножительства и старчества. 16 ноября 1907 года уволен на покой. В 1908 году поселился в келии, построенной в урочище Майданная Поляна в лесу Высокогорской дачи в 30 верстах от Арзамаса, рядом с которой 26 июля (по новому

Г.М. Ладыженский. У Софрония. 1943 год.
ПЗ-КП-38030; ГК 62387875

стилю) 1908 года был освящен деревянный храм в честь Сошествия во ад Господа нашего Иисуса Христа. Рядом с келией стали селиться духовные чада, и через некоторое время здесь возникла Софрониева пустынь. Скончался 1 августа 1921 года. Погребен в часовне Живо-творящего Креста (очевидно, эта часовня и изображена на акварели), по завещанию. В 30-е годы XX века (в некоторых источниках 40-е годы) могила была разрыта, гроб вскрыт: искали драгоценности. Жители обрели мощи нетленными. В Святогорской пустыни прожил 28 лет. Десять лет был благочинным монастырей и обителей 2-го округа Нижегородской епархии, в том числе Серафимо-Дивеевского монастыря, где он совершал постриг дивеевских сестер. В 1903 году сопровождал царскую чету, когда они посещали Дивеево. На покой и пустынножительство ушел в 81 год. В 1929 году Софрониева пустынь была закрыта и разобрана на бревна.

Среди переданных музею письменных источников — копия записки, составленной Г.М. Ладыженским в 1926 году по просьбе Бориса Львовича Модзалевского, о знакомстве с Григорием Александровичем Пушкиным. Сама записка хранится в Институте русской литературы (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 20. № 207). Приводим отрывок, где рассказывается о встрече с сыном поэта.

«...Именье моего деда барона Вревского — Голубово находилось в 18 верстах от с. Михайловского Пушкиных и Тригорского, принадлежащего пожизненно тетке моей С.Б. Вревской до 1918 года. С тех пор как я себя помню, я почти ежегодно ездил в Голубово и соседние имения, принадлежавшие моим родственникам, между ними и к Павлу Федоровичу Карпову в Вечи, находившиеся на полпути между Голубовом, Тригорским и Михайловским. Лучшие воспоминания моего детства и молодости, да и более позднего времени, связаны с этими местами. Однажды, кажется около Рождества 1887 года — я был тогда корнетом одного из кавалерийских полков и, по обыкновению, гостил в Голубове, — П.Ф. Карпов пригласил меня съездить в Михайловское к Пушкиным, с которыми до этого я не был знаком. Мы заехали сначала к нему в Вечи, где пообедали, и только под вечер отправились дальше. Помню, была лунная ночь, немного мело, и белые волокнистые облака быстро проносились по небу. «Мчатся тучи, вьются тучи Невидимкою луна Освещает снег летучий Мутно небо, ночь мутна...» В офицерском пальто и холодных сапогах я порядочно-таки промерз, когда мы ехали окрестностями Михайловского; переехали мост через Сороть, поднялись на ее

*Г.М. Ладыженский. 1937 год. Фотография.
ПЗ-КП-38046; ГК 62387845*

левый берег и, миновав старый хвойный лес, сливающийся с парком, «приютом задумчивых дриад», въехали во двор усадьбы. Вот и длинный деревянный дом, без всякой архитектуры и довольно дряхлый, помнивший поэта. Налево от него избушка няни Пушкина. Как приятно вылезти из саней, расправить затекшие ноги и спину и войти в теплую светлую переднюю. Уют старого помещичьего дома сразу охватил нас. В следующей — биллиардной — нас встретил Григорий Александрович. Он был среднего роста, хорошо сложенный и сухой темный шатен с небольшой бородой, ясными глазами и голосом, иногда срывающимся на крикливые ноты; он говорил отрывисто и четко тем барским говором, который часто слышался в гостиных высшего общества. В противоположность невзрачной внешности дома внутренность его поразила меня роскошью, красотой и вкусом обстановки. Уют старых барских усадеб соединялся здесь с красотой богатых столичных квартир. Конечно, больше всего меня интересовал сам хозяин, тем более что сразу бросалось

Складень «Троица Новозаветная» Г.М. Ладженского. 1917 год.
Петроград. Фирма Оловянишникова П.И., сыновей.
ПЗ-КП-38039; ГК 62387853

в глаза его сходство с отцом, особенно нос, глаза и, мне казалось, голос и манеры. Судя по биографиям поэта, по воспоминаниям о нем Вревских и Осиповых и особенно по вышедшим недавно письмам о Пушкине, собранным Вересаевым, в которых так явно обрисовывается весь его характер, я думаю, что этот младший сын поэта не только внешностью, но и характером был очень похож на отца. Те же живость, подвижность, здоровая нервность, быстрая восприимчивость и отзывчивость, жизнерадостность, пожалуй, такая же страстность. Григория Александровича я, раз или два, видел после этого первого знакомства на охоте, которую он очень любил и где живость его характера сказывалась еще больше. Вскоре я уехал на службу в Восточную Сибирь и в течение нескольких лет не посещал нашу милую Псковщину. Михайловское за это время было продано, и Пушкины уехали в Виленскую губернию. Но что пройдет, то будет мило. I/XI 1926 г.»

Особый интерес представляют восемь фотографий, переданных музею: среди них фотография 1937 года Г.М. Ладыженского на фоне висящих на стене двух картин (одна из них, слева — работа Н.В. Розанова; справа, очевидно, Софрониева пустынь); фотопортрет Софьи Михайловны Ладыженской, сестры художника, в рост, фото Ю.М. Шокальского. Несомненно, представляет интерес фото с видом тригорской усадьбы начала века двадцатого, очевидно, также Ю.М. Шокальского.

И последнее, на что стоит обратить особое внимание, — трехстворчатый складень серебряный с иконами Святой Троицы Новозаветной, Пресвятой Богородицы и св. Николая Чудотворца, принадлежавший Гавриилу Михайловичу, подаренный ему солдатами 62-й пехотной дивизии, в которой он служил в 1917 году. На боковых створках и по центру по краям складня гравированная дарственная надпись: «Генераль-Маіору, Ладыженскому Рота носильщиковъ / 62ой пѣх. див. / и ея Командиръ / 1917 г.» И по центру молитва: «СВАТИТЕЛЮ ОТЧЕ / ЕРМОГЕНЕ МОЛИ / БОГА О НАСЪ».

**«КАМЕННЫЕ ПОКОИ» И «ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ
НА КАМЕННОМ ФУНДАМЕНТЕ»:
ВОЗМОЖНЫЕ АНАЛОГИ ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ
УСАДЕБНЫХ ПОСТРОЕК
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА**

В планах музея есть воссоздание в музеях-усадьбах ряда построек, необходимых, с одной стороны, для восполнения архитектурной целостности усадьбы, а с другой стороны, для получения площадей, необходимых музею для работы с посетителями. Ряд проектных предложений приведен в Концепции развития Пушкинского Заповедника 2023 года.

Существуют издания с образцами типовых построек XVIII — первой половины XIX века, и, скорее всего, авторы Концепции их учитывали. Но нам представляется, что даже из типовых образцов следует выбирать те, которые были реализованы в Псковской губернии и которые мог видеть А.С. Пушкин, или те, с кем связана история наших усадеб — это А.М. Вындомский, П.А. Осипова, О.А. и П.А. Ганнибалы и их семьи. Вниманию читателя предлагаются два документа из Государственного архива Псковской области (ГАПО) с изображениями построек, которые, на наш взгляд, вполне можно использовать при проектировании служебных зданий на усадьбах или вблизи них.

Один подобный документ XIX века уже был введен нами в научный оборот и опубликован в «Михайловской пушкиниане» в 2022 году¹. В ГАПО хранится план, фасад и смета на постройку каменных братских келий в Святогорском монастыре, утвержденный 31 августа 1828 года. Постройка была разрушена в ходе Великой Отечественной войны, но, при желании монастырских властей, может быть восстановлена. Проект также может быть использован при постройке одного из гостевых домов, разумеется, вне охранной зоны наших усадеб.

Сегодня речь пойдет о типовых постройках XVIII века. В фонде 22 (Псковская провинциальная канцелярия) среди указов в эту канце-

¹ *Ступина Е.А.* Псковский губернский архитектор Франц Ябс — автор проекта братских келий Святогорского монастыря // Михайловская пушкиниана. Вып. 93. Сельцо Михайловское, 2022. С. 36.

лярию 1762 года имеется проект каменных покоев, который предлагалось реализовать в Пскове для пребывания офицеров и хранения денег подушного сбора².

В указе № 426, полученном 30 сентября 1762 года из Главного кriegс-комиссариата в Псковскую провинциальную канцелярию и штаб-офицеру, ведающему подушными сборами, описывается следующая ситуация в Пскове: деньги подушного сбора хранятся в частном доме, владелец которого требует оплатить издержки, между тем как еще в 1754 году было велено «для безопаснаго содержания в губерниях провинциях и городах подушного збора денег по мнению от Главного камисариата в удобных от огня и воды и от жилья местах по одному каменному погребу с своды и железными дверми а для щету денежной казны по полатке с перегородкою строить и на строение по разсмотрению камисариатом денги употреблять из собираемых двукопеешных денег»³. В Пскове этого сделано не было, поэтому Главный кriegс-комиссариат распорядился хозяину дома за содержание в нем казны заплатить, взыскав деньги с воевод и штаб-офицеров, не выполнивших вовремя указ, и «в камисариат со обстоятельством репортовать»; в Пскове же велено построить казенное здание по присланному плану. Со ссылкой на указ от 12 декабря 1754 года сообщается, что в нем определено «в провинциальных городех быть строению длиною на пяти с половиною поперешнику на трех саженьях, в которой мере покоев бы было для заседания афицером с подьячими и для приему и щету денежной казны полата в длину на трех поперечнику на двух саженьях, а напротив через сени для положения и содержания денежной казны и для архива такой же меры полата, в тех полатах отдела по одной сажени учинить перегородки, а между оных полат сени шириною на полутора саженьях, во оных учинив перегородку; сени в длину четыре аршина, а за сенми к задней стене караулюю на пяти аршинах, а всему тому строению быть с сводами стены вышиною до начатия сводов три аршина с половиною, а с своды по препорци[и], а стены наружныя толщиною в три, а внутри перегородки в полтора кирпича [...], а кровли иметь в котором городе способнее к безопасности и твердости и дешевле ценою сыскатца могут»⁴. Псковским чиновникам напоминает и о порядке подготовки и проведения

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 858. Л. 245 об.–246.

³ Там же. Л. 244.

⁴ Там же. Л. 244 об.–245.

строительных работ: по плану и описанию здания «сколко в то строение потребно каких порознь материалов и за какую работу, ища казенной прибыли, стать может, учинить надлежащую смету по приторшкам или как наиспособнее ценою, и по вызове чрез надлежащих публики с охочими к той постройке людьми произвести торги, и за кем последняя цена состоять будет, со обстоятельством и с приложением о смете ведомости в немедленном времени репортовать, причем ежели последней цены проситель с желающими к тому в Москве торговатца похочет, выслать ево или от него поверенного для окончательного торгу и заключения контракта в Москву в Камисариат. Псковской правинцыальной канцелярии[и] и подушного збора штап афицеру учинить о том по сему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу июля 12 дня 1762 года»⁵.

Приведем надпись на плане полностью:

«План и фасад сочиненной при архитекторских делах в силу присланного из главного камисариата указу для строения против Ярославской правинцыальной канцелярии для подушного збору каменных покоев.

А. План В. Фасад».

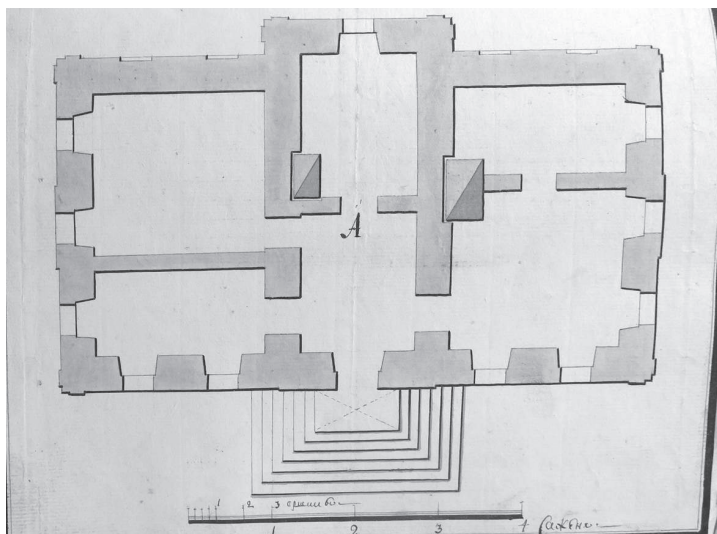
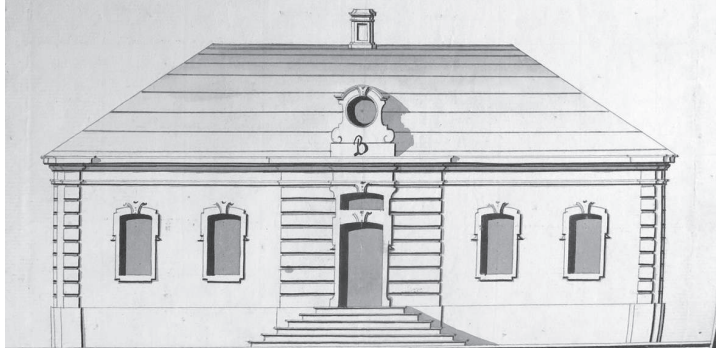
Подпись: «Архитектор Петр Никитин».

В качестве комментария добавим, что в Кругскомиссариате служил с 1798 по 1817 год отец поэта, Сергей Львович Пушкин. Архитектор Петр Романович Никитин (1727–1784) в 1760–1763 годах возглавлял канцелярию архитекторов при Московской Сенатской конторе. Как предполагают, по проекту Ж.Б. Валлен-Деламота построил дворец в усадьбе Ярополец. Проектировал и строил путевые дворцы в городах Тверь, Калуга, Торжок, Медное, Боровск, Козельск, Малоярославец. Эти здания не мог не видеть А.С. Пушкин, путешествуя по России. Еще один интересный момент — это требования тех лет к безопасности и сохранности денег, в первую очередь — защита от пожаров, что обеспечивается использованием минимума деревянных материалов при постройке. Стены, перегородки и своды кирпичные, а крыша, как на плане, железная или черепичная, смотря по дешевизне на местах; специально отмечается необходимость караулни. По сути, это аналог фондохранилища, по требованиям XVIII века.

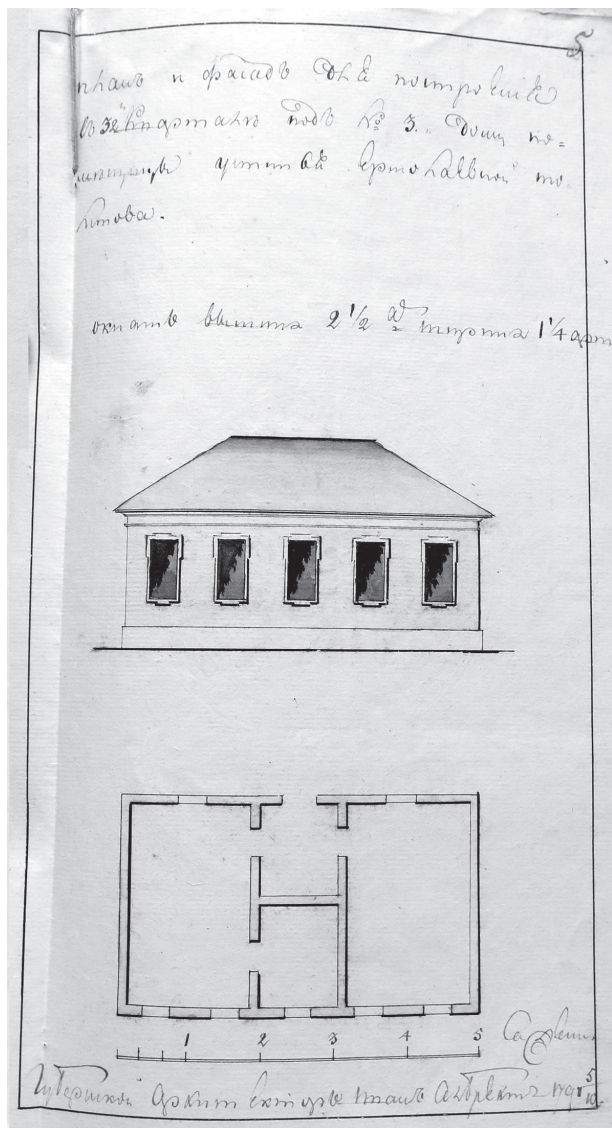
Наконец, на территории усадьбы Тригорского в бытность там центра управления Воронежскими дворцовыми волостями тоже был

⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 858. Л. 245.

Планъ и фасадъ сохранившейся Покровской церкви въ селѣ
 сланного измѣнаго каменнаго узда для сѣловыхъ
 Покровской правнубалкохъ каменнаго узда для сѣловыхъ
 каменныхъ покоевъ ?
 А, планъ, В, фасадъ. *Архитекторъ Пётр Никитинъ*

План и фасад каменных покоевъ для хранения денег подушного сбора.
 Архитектор Пётр Никитин

План и фасад для построения в 32-м квартале под № 3 дома.
Губернский архитектор Иван Албрехт. 1791 год

комплекс административных зданий, даже колодничья изба для заключения провинившихся крестьян, — и теоретически там могло быть и отдельное здание для счета и хранения денег подушного сбора, хотя и не по этому проекту.

Гораздо больший интерес представляет для нас другой документ, на котором мы остановимся подробно. В том же архиве в фонде 41 (Псковский городской магистрат) имеется дело 1794 года «Об отводе места Капитанши Толстой и Капитану Галибелу для постройки дома»⁶. Легко догадаться, что вторая фамилия — искаженная «Ганнибал», и речь идет об Осипе Абрамовиче Ганнибале.

В деле имеется план со следующей надписью: «План и фасад для построения / в 32-м квартале под № 3. дому по- / мещицы устинья ермолаевной то- / лстова [так!] / окнам высота 2 ½ арш широта 1 ¼ арши». Под планом: «Губернский архитектор Иван Албрехт 1791 5/10».

Само дело начинается прошением Устиньи Ермолаевны Толстой от 15 марта 1794 года в Псковский городской магистрат: «Желание я имею здесь в городе Пскове в Великоулицкой сотне в приходе Николаевския церкви со Усохи в 32-м квартале построить по архитектурскому положению на пяти саженах по улицы на каменном фундаменте деревяннаго строения дом на порозжем никем не занятом казенном месте смежном между домов секунд майора и ковалера Ребендера и прапорщика Ивана Шишкина, которое Псковской Городовой Магистрат покорно прошу повелеть кому надлежит освидетельствовать и дать оное мне под постройку со взятием надлежащих в казну пошлин, также на дозволение к постройке билет и план архитектурской, марта (пропуск) дня 1794 года». Прошение писано писарским почерком, но внизу имеется собственноручная и не вполне грамотная подпись У.Е. Толстой: «к сему прошению капитанъша устинья тальстая руку приложила а падать верю человеку моему Иванну Григорьеву и за деламъ хаждения иметь»⁷. Текст безличный, сухой, никаких лишних деталей.

А следом в деле имеется прошение Осипа Ганнибала, датированное маем 1791 года, — о том же доме, о том же месте, но адресованное в городническое правление и написанное гораздо выразительнее и информативнее: «Не безизвестно оному городническому Правлению, что состоящий в 32-м квартале на крепостном моем [месте? —

⁶ ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 836.

⁷ Там же. Л. 1.

пропущено] мой деревянный дом 1788 года июня со 2-го на 3-е число в бывший здесь большой пожар со всеми службами згорел. А место собственное мое крепостное осталось внутри квартала, и отошло к домам другим выстроившимся во оном квартале жителям, вместо же ево я нигде места не получил, а уведомился ныне, что в том же 32-м квартале что еще в 1782-м году апреля 24-го числа отведено из казенных мест господину секунд майору и кавалеру Ребендеру по Архангельской улице для построения осмисаженного 20-ть да для пятисаженного домов по линии 10-ть сажень, но им выстроен только один осмисаженный, назначенное же для пятисаженного дома место состоит дондесь впусе, и запахивается огородными овощами, о каких местах (сколько мне известно) законами повелено Ести [так!] кто, взяв место под строение дома, в три года не выстроит, таковыя места отдавать другим просителям, вследствие чего Псковское городническое правление покорно прошу во уважение претерпенного мною от згорения дома чувствительнаго убытка и лишения собственного моего крепостнаго места, показанное 32-го квартала под № 3-м место, для построения пятисаженнаго деревяннаго на каменном фундаменте дома по прилагаемому при сем плану и фасаду отвесь и дать билет мая [пропуск] дня 1791-го года». Почерк прошения тоже писарский, а в конце более темными чернилами уверенным и даже залихватским почерком: «К сему прошению морской Артиллерии втораго Ранга Капитан Иосиф Абрамов сын Ганнибал руку приложил»⁸.

Далее рапортом от 13 июня 1791 года городническое правление переадресовывает запрос в Псковское наместническое правление, сообщая, что, кроме Осипа Ганнибала, еще один пятисаженный деревянный на каменном фундаменте дом просит разрешить построить «господин надворной советник Иван Ладыженской в Житницкой сотне в приходе церкви святаго пророка Илии что на Запсковье на порозжем казенном месте, состоящем в 52-м квартале под № 9-м». В рапорте уточняется, что «правящим здесь городническую должность капитаном Коурченым обще с здешним губерньским архитектором Альбрехтом оныя места по квартальным книгам и в натуре по свидетельству оказались во всем по показанию их сходственны, о чем оному наместническому правлению с приложением при сем поданных от них писменных на имя онаго городническаго правления оригинальных их прозб и при них имеющихся

⁸ ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 836. Л. 3–3 об.

з засвидетельством от объявленного архитектора Албрехта двойным числом планов с фасадами [...] на рассмотрение представля, оное городническое правление просит, соблаговолено ли будет приказать вышеозначенным просителям просимые их для построения по генеральному плану вновь домов предписанные места отвести и на оные дать билеты»⁹.

Следующим в деле размещен план дома, датированный 1791 годом, но относящийся, судя по надписи, уже к просьбе Устиньи Толстой, а завершает дело недатированное сообщение о решении Псковского городского магистрата на просьбу Толстой: «В 1794 году мая в [пропуск] день по силе учиненной во Псковском городском магистрате 15 числа марта сего года на прошение капитанши Устиньи Толстой резолюции свидетельствовано присутствовавшими сего магистрата обще с правящим камендантную должность секунд майором Перхимусом и губернским землемером Максимовым просимое под постройку упомянутою Толстою дома деревянного на каменном фундаменте на пяти саженях место состоящее в 32-м квартале между домов секунд майора и ковалера Ребендера и прапорщика Ивана Шишкина, при котором свидетельстве оказалось сказанное место почти все принадлежащим ко владению помянутому майору Ребендеру, на которое имеет он данной от полицейскаго отделения в 782 году билет, почему за сим (?) а к тому ж как оного места не более десяти саженей и ежели отступя от дому оного Ребендера по порядку пять сажен начать строение, то вовсе будет к постройке недостаточно, оной толстой к отводу того места приступить учинить неможно», и подписи теми же чернилами, но разными почерками: «Секунд майор Карл Перхимус, губернский землемер Андрей Максимов», и еще два бургомистра и три ратмана¹⁰.

По исповедным росписям и публикациям Н.С. Новикова¹¹ известно, что в конце 1793 года Осип Ганнибал уехал из Пскова в Михайловское, где с 1794 года он живет постоянно. Видимо, в 1791 году он еще надеялся получить службу в Пскове и жить там. Но, как известно, «когда в начале 90-х годов Осип Абрамович [...] был избран заседателем Верхнего земского суда от дворян, новый псковский наместник Х.Л. Зуев выборы

⁹ ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 836. Л. 4–4 об.

¹⁰ Там же. Л. 8–8 об.

¹¹ Новиков Н.С. Легенды и были Пушкиногорья // Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007. С. 28.

его не утвердил, ссылаясь на решение консистории 1780 года»¹² (о виновности О.А. Ганнибала в двоеженстве). После его отъезда Устинья Толстая решила сделать еще одну попытку получить место для постройки дома, но она окончилась неудачей.

Благодаря сайту «ЭтоМесто»¹³ можно узнать, где именно хотели построить «пятисаженный деревянный на каменном фундаменте дом» Осип Ганнибал и Устинья Толстая. Совмещение карты современного Пскова и «Плана губернского города Пскова со слободами 1778 года» позволяют понять, что место № 3 в 32-м квартале находилось на месте скверика по улице Ленина (бывшей Архангельской улице) между угловым домом, где размещается кафе «Бульвар», и рядом домов, где находится музей-квартира В.И. Ленина.

Надо еще отметить, что план дома явно условный, только для того, чтобы представить его внешний вид в необходимых инстанциях. Бросается в глаза, что в нем отсутствуют печи и, соответственно, трубы, хотя указаны размеры окон. Тем не менее, нам представляется, что этот план и фасад вполне можно использовать при проектировании построек Михайловского, используя как элементы внешнего вида, так и план в целом. В перспективе можно попробовать найти другие планы домов, предполагавшихся к постройке в Пскове, ориентируясь на размеры построек Михайловского. Возможно, будет обнаружен и план сгоревшего дома Осипа Ганнибала.

¹² Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 38.

¹³ См.: ЭтоМесто: сайт [Электронный ресурс: <http://www.etomesto.ru/>].

РЕСТАВРАЦИЯ КАРЕТЫ ПАТРИАРХА НИКОНА

После кончины и захоронения в Новом Иерусалиме святейшего патриарха в 1681 году царь Федор Алексеевич лично распределил между иерархами богослужебные облачения и другие вещи Никона в память о нем. Часть этих предметов, а также богатейшая библиотека, собранная патриархом, были оставлены в монастыре. Царь «для воспоминания в предбудущая лета братии и прочих жителей вся сия повеле... хранить твердо». Таким образом на государственном уровне формировалось отношение к этим предметам как к реликвиям. Монастырь во все времена посещало множество паломников. Для состоятельных посетителей монахи проводили своеобразные экскурсии, показывали и всё связанное с патриархом. В связи с этим в 1750-х годах архимандритом Амвросием была сформирована галерея, а в 1874 году архимандрит Леонид (Кавелин) преобразовал галерею в настоящий музей, собрав в его залах все личные вещи Никона, до этого находившиеся в разных помещениях монастыря.

Оставались в монастыре и карета с возком. В 1779 году карету видел (и оставил об этом запись) А.М. Андреев, помощник академика Миллера, обследовавшего Московскую провинцию¹. В начале XX века появляются первые фотографии кареты и возка. К сожалению, известны только две. В 1919 году монастырь был упразднен, а в 1920 году карета и возок были включены в коллекции государственного музея, организованного в стенах обители. Из каретного сарая они были переведены в залы Трапезных палат.

Катастрофа произошла в 1941 году. Для полноценной эвакуации не было ни средств, ни людей, ни времени. Вывезти в Москву удалось лишь несколько ящиков, в основном с драгметаллами. Что-то спрятали в тайниках. Но основная часть коллекций так и осталась в залах. В условиях начинающейся зимы фашисты сосредоточили усилия на захвате автодорог, ведущих к Москве, в том числе Волоколамского шоссе, которое проходит буквально под стенами монастыря. Новый Иерусалим оказался в самом эпицентре боев за Москву. Оборону по левому берегу реки

¹ См.: Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996.

в районе города Истры держала 78-я стрелковая дивизия полковника Белобородова, вскоре за массовый героизм преобразованная в 9-ю гвардейскую (а Афанасий Павлантьевич получил звание генерал-майора).

Бои за город продолжались 25 и 26 ноября. Из воспоминаний Белобородова: «Весь день фашистская авиация висела над Истрой, тяжелая артиллерия методично, квадрат за квадратом, обстреливала город. Горели целые улицы — дома и деревянные тротуары, лопались со звоном стекла. Тлеющие обломки и битый кирпич загромоздили мостовые. В хаосе огня, дыма, рвущихся снарядов и падающих стен сновали наши связисты — черные от копоти, в обгоревших полушубках. Проводная связь поминутно выходила из строя. И не только от механических повреждений, но и потому, что провода обугливались, происходило замыкание»². Монастырь, стоящий в излучине реки примерно на 500 метров западнее города, несколько раз переходил из рук в руки. Фашистское командование в своих отчетах не стесняясь называло его цитаделью. Взять город в лоб фашисты не могли, однако выше по течению реки, в восьми километрах, они захватили неразрушенный мост, и 10-я танковая дивизия, переправившись, атаковала наши войска с фланга. Дивизия Белобородова вынуждена была оставить город.

Уже 27 ноября немцы устроили в Воскресенском соборе госпиталь, где находилось, по их отчетам, 2 400 человек — других подходящих построек в городе не осталось. Мороз крепчал, и чтобы как-то согреться, оккупанты жгли всё, что могло гореть, — мебель, книги, иконы... Оккупация продолжалась две недели. 7 декабря началась Московская наступательная операция, а 11 декабря Истра была освобождена. Опять из воспоминаний Белобородова: «Тяжелое зрелище представилось нам, когда вслед за батальоном Романова мы с комиссаром Бронниковым и оперативной группой штаба вышли к излучине реки, к монастырю. Настенные его башни разрушены, надвратная церковь XVII века — творение крепостного архитектора Бухвостова — взорвана. Фашистские варвары не пощадили и знаменитый своим великолепным деревянным шатром собор. Его тоже подорвали и сожгли. Такая же участь постигла и все другие здания. Их обломки были заминированы»³. Подрыв был произведен 10 декабря, о чем в отчетах немецкого командования оставлена запись.

² См.: *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М., 1984.

³ Там же.

Всю зиму и весну продолжалось разминирование территории музея. Параллельно три сотрудницы совершали великий подвиг, извлекая из-под завалов уцелевшие экспонаты. Имена этих женщин — Анна Васильевна Данилова, Вера Григорьевна Головина, Вера Николаевна Игнатьева. Так была спасена величайшая ценность — поврежденная, с разрывами, но всё же уцелевшая картина «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря». Разборы завалов продолжались весь 1942 год. Среди прочего были собраны обломки кареты, даже небольшие фрагменты. На этом фоне показательно отсутствие такой крупной части кареты, как крыша. Также нет ни одного фрагмента возка. Возможно, фашисты использовали эти предметы для своих нужд.

Долгие годы обломки кареты хранились в запасниках. В конце 1980-х годов реставрационным кооперативом «Старина» была составлена документация, выполнены чертежи и фотофиксация, но до практической реставрации дело не дошло. Только в 2022 году коллектив отдела реставрации музея «Новый Иерусалим» начал работать с памятником.

Необходимо хотя бы кратко описать конструкцию кареты. Условно экипаж можно разделить на ходовую часть и кузов. Ходовая часть состоит из двух осей с колесами, соединенных дрожиной — четырехметровой балкой, дубовым бревном диаметром до 15 см, а также передней и задней рам, на которых с помощью ремней подвешивался кузов (кстати, подвеска на ремнях до сих пор применяется в детских колясках). При изготовлении ходовой части использовались дуб и бук. Кузов — прямоугольной формы, легкий и прочный. Основа — деревянный переплет, смонтированный на несущей продольной дубовой балке, усиленной железной кованой полосой. Переплет обтянут толстой кожей, прибитой большим количеством обойных гвоздей (основная часть — железные кованые с напаянной полусферической латунной шляпкой).

На момент начала работ состояние фрагментов было катастрофическим. Дерево ходовой части пострадало в меньшей степени. Основные повреждения: перебита дрожина в районе соединения с задней осью, утрачена треть переднего колеса, обломаны резные балясины задней рамы. Все эти детали в конструкции кареты несущие, на них приходится серьезная нагрузка (конструкция этого экипажа вообще крайне рациональная, в ней нет ничего лишнего). В целом дерево ветхое, частично деструктурированное, с растрескиваниями, разломами, утратами. Все соединения многосоставных деталей (рамы, колеса) ослаблены,

разболтаны, деревянные шкранты обветшали или обломаны. Большое количество металлических деталей ходовой части утрачено. Отсутствуют чеки, фиксирующие колеса на осях, шкворень, связывающий дрожину с передней осью, часть обручей и скоб со ступиц колес, обоймицы, фиксирующие железную шину на ободе колеса, часть шины вместе с деревом переднего колеса, обручи-стяжки соединения дрожины с передней и задней рамами. Сохранившийся металл покрыт толстыми слоями загрязнений, спекшихся с продуктами коррозии, имеются деформации и разрывы.

Разрушения кузова значительно масштабнее. Фактически он разорван на множество мелких фрагментов, причем значительная часть их утрачена. Почти полностью утерян деревянный пол кузова вместе с четырьмя подпольными ящичками, от которых сохранилась всего одна дощатая стенка, часть кожаной обшивки и железные пластинчатые скобы. Полностью утрачена крыша с тремя из четырех угловых стоек, подножки, практически полностью утрачена внутренняя кожаная обивка стенок (под рядами гвоздей сохранились обрезки). Часть внешней кожи срезана с переплета, планки переплета поломаны и частью утрачены. Отсутствуют повесочные ремни, которые видны на довоенных фотографиях. Утрачено большое количество гвоздей, часть пластинчатых накладок, в том числе торцевых округлых и прямоугольных «крышек».

При таких серьезных разрушениях полностью отсутствуют следы горения — карета оказалась вне зоны пожаров. Создается впечатление, что разрушение — дело рукотворное. Похоже, оккупанты сдирали ткани, кожу — всё, чем можно было утеплиться, ломая и выбрасывая при этом хрупкое дерево.

Реставрация началась с подробной фотофиксации, тщательного обследования каждого фрагмента, поиска мест стыков, определения места каждого фрагмента в общем ансамбле. По итогам изучения было принято решение: во-первых, карета будет стоять «на своих ногах» (колесах); во-вторых, всё утраченное, в том числе крыша, будет восстановлено. Нам крупно повезло: сохранившаяся несущая балка кузова с железными штифтами на концах дала совершенно точные длину и ширину кузова, а единственная сохранившаяся угловая стойка определила высоту. Перебитую (скорее всего снарядом) дрожину наш реставратор Алексей Горданчук восстановил с точностью до сантиметра. Таким образом, габариты кареты после реставрации соответствуют авторским.

Теоретически для полноценной расчистки и консервации следовало разделить дерево и металл. Однако мы понимали, что такой тотальный демонтаж может привести к полному разрушению памятника. В итоге был определен список фрагментов, где такая операция необходима. В первую очередь требовалось разъединить заднюю раму и заднюю ось. В принципе, это было несложно. Гораздо сложнее было демонтировать повесочные узлы с железными тягами с верхних концов рам, а также ответные узлы с железными штифтами, связанными с остовом кузова. Проблема заключалась в том, что концы всех штифтов диаметром около 18 мм были расклепаны, соединения изготавливались неразъемными. Собрать кузов, предварительно не разобрав этих соединений, было невозможно. На демонтаж этих узлов ушло около двух недель. Нам удалось сохранить и штифты, и дерево, через которое они были пропущены. Снятые металлические детали подвергались последовательно механической и химической очистке. Металл, остававшийся на дереве, очищался механически, с использованием как ручного инструмента, так и электрического. Взамен утраченных изготавливались из современного стального проката различного профиля детали, аналогичные сохранившимся. В завершение весь металл был покрыт раствором танина и законсервирован воском.

Работа с деревом была масштабнее. Колеса к моменту реставрации потеряли всякую прочность и держались только за счет мощных железных шин. Частично дерево подгнило и подлежало замене. Третий переднего колеса (четыре спицы и два сегмента обода с полосой железной шины) отсутствовало. Большой проблемой была перебитая дрожина. Надо было не только соединить два фрагмента бревна, но и восполнить утраченное в этом месте дерево, причем соединение должно быть достаточно прочным, чтобы выдерживать вес кузова. Кузов собирался как мозаика, из кусочков. Главное тут было рассчитать трехмерные, объемные пропорции и при монтаже следовать им. Что-то не сходилось, приходилось переделывать, но в итоге Алексей блестяще справился со всеми задачами.

Отдельная тема — реконструкция крыши кареты. На начальном этапе работ единственным источником информации о ней были две старые фотографии. На одной из них из-за провисания кожи заметны идущие по диагонали ребра. Но для научно обоснованной реконструкции этого было явно недостаточно. Решению проблемы помогли коллеги из музея «Архангельское», в фондах которого хранится изданный в Париже

в 1769 году и принадлежавший князю Юсупову «Сборник таблиц по наукам, свободным искусствам и механике» (на французском языке)⁴. Среди прочего в этом труде имеются прекрасные чертежи отдельных элементов экипажей, в том числе различных вариантов крыши. Один из этих вариантов, а именно с зонтичным каркасом, был использован мастерами при изготовлении нашего экипажа. С крышами зонтичного типа изображены кареты на рисунке голландского художника первой половины XVII века Яна ван де Вельде. Таким образом, воссозданная крыша соответствует общепринятым европейским стандартам XVII–XVIII веков.

Фрагменты кожи, сильно загрязненные, в нижней части кузова покрытые слоем дегтя, были пересушены и деформированы. Была проведена механическая очистка с промывкой различными растворителями с помощью тампонов. После очистки кожу пластифицировали и по возможности отпрессовывали. Многочисленные утраты восполнялись натуральной кожей, склейка производилась встык, с дублированием с тыльной стороны. После склейки новая кожа подвергалась косметической обработке мастикой на основе акриловой эмульсии и дополнительным тонировкам, после чего внешним видом она почти не отличается от старой.

Практическая работа на данный момент завершена, карета установлена в зале истории Нового Иерусалима. Но изучение истории экипажа и каретного дела в целом продолжается. Что мы знаем о нашей карете? В чем уникальность ее? Конструктивно карета близка к самым ранним образцам, хранящимся как в России, так и в Европе. В первую очередь это карета Бориса Годунова — посольский дар английского двора, и карета короля Испании и Португалии Филиппа. Оба экипажа датируются концом XVI — началом XVII века. Технологии изготовления также указывают на ранний период экипажного дела. Прямых аналогов нашей кареты в европейских коллекциях не выявлено. Возможно, это связано с тем, что в аристократических домах Европы хранили и передавали по наследству в первую очередь парадные, статусные экипажи, наш же относится к разряду рядовых, рабочих. Такими — скромными в отделке, зато прочными и легкими — пользовались для повседневных поездок. Впрочем, передвижение даже в таких каретах оставалось привилегией

⁴ См.: Recueil de planches sur les sciences, les arts liberaux et les arts méchaniques avec leur explication. Paris, 1769.

высших слоев общества. Возможно, и наша карета сохранилась только как вещественная память о патриархе.

В Европе же сохранились рисунки и живописные изображения подобных экипажей. Кроме вышеназванного рисунка ван де Вельде, датированного 1625–1630-ми годами, с названием «Две голландские открытые кареты», в книге Рудольфа Вакернагеля⁵ помещено изображение полотна голландского же художника Герарда тер Борха «Посольская карета Адриана Пау при въезде в Мюнстер» (1646). Картина — фиксация исторического момента: начала переговоров между Испанией и Нидерландами в Мюнстере, по итогам которых в 1648 году был заключен мирный договор. Адриан Пау — полномочный представитель Голландии на переговорах. Он знал художника и сам пригласил его в Мюнстер. Карета идентична нашей, отличается только в деталях. Главное: мы видим экипаж в движении. Упряжка — шестерка великолепных лошадей. Традиционно на передней левой — форейтор. Кучер на том месте, которое многие у нас не считают кучерским. Вход в карету закрыт защитной планкой и кожаным фартуком. Карета открытая, без дверей и каких-либо оконниц по бокам. Статус посла подчеркивает его охрана.

Итак, наш экипаж можно датировать первой половиной, а возможно и первой третью XVII века. Место изготовления определить сложнее. С уверенностью можно говорить о голландской школе каретостроения. Возможно, углубленное изучение особенностей технологических приемов изготовления и материалов поможет нам в поисках.

Несколько слов о терминологии. Появившийся в конце XVI века новый тип колесного транспорта — «подвешенный на ремнях» экипаж — в европейских письменных источниках обозначался словами *carotza*, *karosse*, *coach*, *kutsche*. В России в XVII веке современники тоже четко отличали ранее существовавшую колымагу от кареты, независимо, иноземной или изготовленной в местных мастерских⁶. Соответственно, и у нас нет никаких причин называть этот экипаж колымагой.

В заключение необходимо назвать всех, кто причастен к этой работе. Общее руководство осуществляет заведующая отделом реставрации И.Ю. Корчоха. За материально-техническое обеспечение отвечает

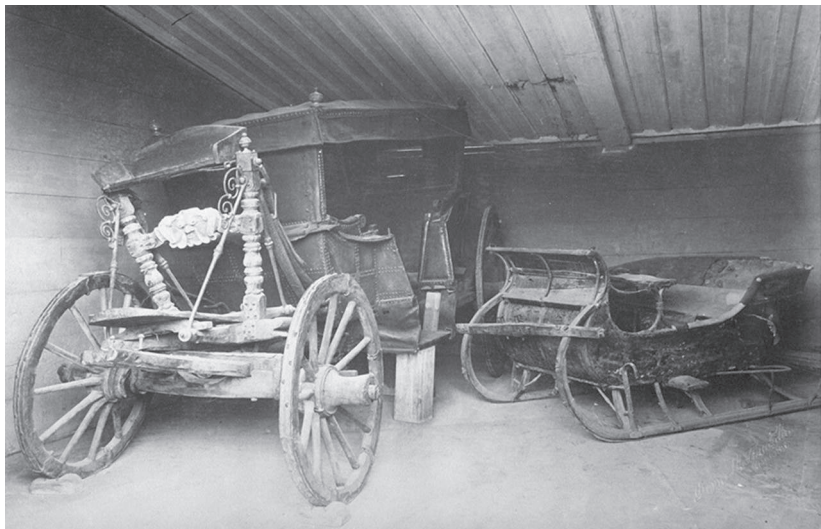
⁵ См.: *Wackernagel R. Staats und Galawagen der Wittelsbacher. Stuttgart, 2002.*

⁶ См.: *Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.*

ООО «Музейное наследие (руководитель А. Лялин). Реставраторы — А. Горданчук, М. Мартышкова, Е. Лихтенвайд, В. Ширяков, в качестве волонтера помогал С. Соболев. Активную работу по изучению истории кареты и каретного дела ведет научный сотрудник музея А. Линдина. Хотим выразить огромную благодарность всем, кто помогал нам: коллективу нашего музея, коллегам из других музеев, в первую очередь «Архангельское» и Государственного Исторического музея.

Неизвестный художник. Портрет патриарха Никона с клиром.
1660–1665 годы

Карета и возок. Начало XX века. Фотография

Воскресенский собор в довоенное время

Воскресенский собор после подрыва фашистами

Задняя ось с колесами и рамой. Начало реставрации кузова

Реконструкция крыши кузова

Отреставрированная карета в экспозиции

*Ян ван де Вельде. Две голландские открытые кареты.
Рисунок. Амстердам, 1625–1630 годы*

*Герард тер Борх. Посольская карета Адриана Пау.
Мюнстер, 1646 год*

II. Материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника (7 декабря 2025 года)

Любовь Козмина

К ИСТОРИИ ДОКУМЕНТА: ПРОШЕНИЕ А.П. ГАННИБАЛА НА ВЫДАЧУ ДИПЛОМА НА ДВОРЯНСТВО И ПОЖАЛОВАНИЕ ГЕРБА

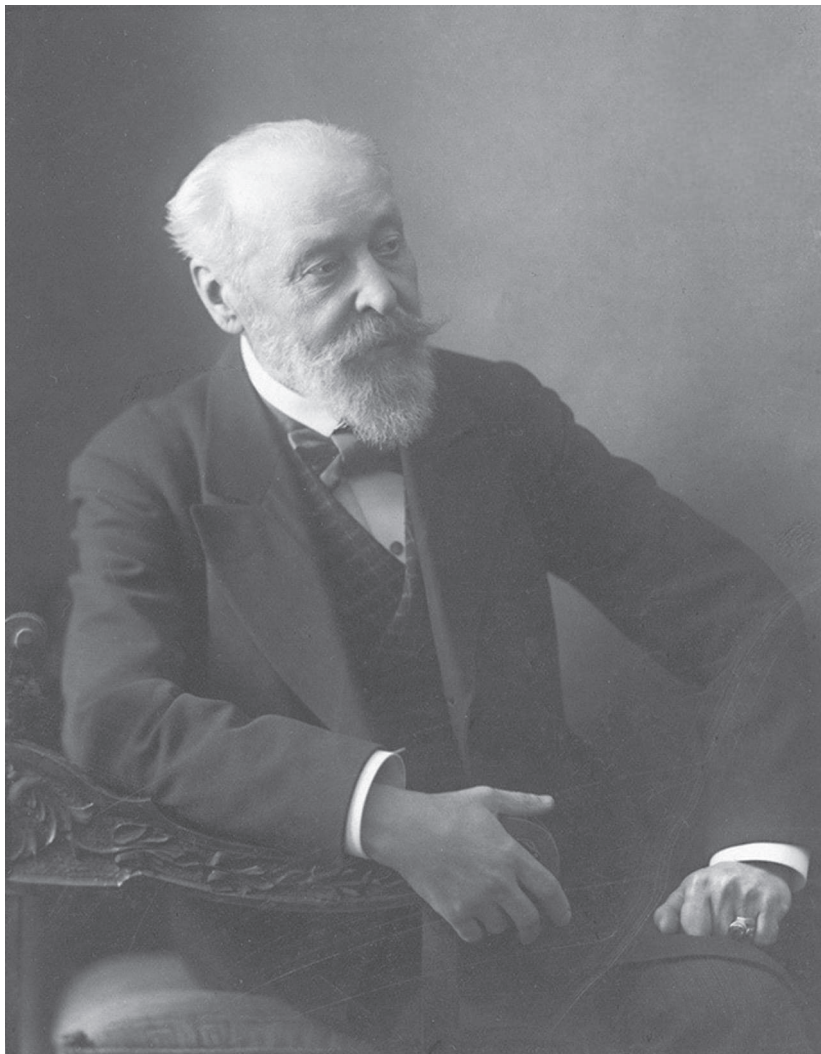
Означенный в нашем сообщении документ впервые был опубликован в 1891 году управляющим гербовым отделением Департамента герольдии Сената Александром Платоновичем Барсуковым (1834–1914) в историческом журнале «Русский архив», издаваемом Петром Ивановичем Бартеневым (1829–1912), под названием «Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала»¹. Поданное Ганнибалом прошение в Сенат Барсуков публиковал по подлиннику, хранившемуся в архиве бывшего Департамента герольдии Сената. Теперь этот архив Департамента герольдии (1757–1917) находится в комплексе фондов Российского государственного исторического архива (РГИА)².

В экспозиции «В деревне, где Петра питомец...» Музея-усадьбы Ганнибалов Пушкинского Заповедника представлена копия с копии на четырех листах, написанной рукой писаря, переписавшего отобранные В.А. Жуковским рукописи при разборе бумаг Пушкина после его кончины³. С этой копии, которая находится в рукописном отделе

¹ Барсуков А. Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала и денщика Петра Великого Андрея Козмича Древника // А. Барсуков. Русский архив. 1891. Т. 2. С. 101–102.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Кн. 39. Решенные дела Герольдмейстерской канторы. 1781 год. Д. 5. Л. 39, 40.

³ Текст прошения А.П. Ганибала «от «...» января 1742 года» написан рукой

*Управляющий гербовым отделением Александр Платонович Барсуков.
Российский государственный исторический архив (РГИА).
Ф. 1492. Оп. 1. Д. 9. Л. 1*

Института русской литературы (ИРЛИ) (Пушкинский дом) РАН⁴, художником-копиистом Юрием Васильевичем Клоповым сделана вручную на старинной бумаге музейная копия (ПЗ-НВФ-6091).

Следует особо отметить, что этот сохранный Пушкиным документ впервые введен в сценарий экспозиции Музея А.П. Ганнибала в 2001 году. Сюжет экспозиции репрезентирует литературно-биографические сближения пушкинского персонажа Ибрагима Ганнибала с его прадедом. Первоначально в авторской экспозиции С.С. Гейченко «Почтенный замок» Ганнибалов» 1977 года этот артефакт визуально не фигурировал. Среди представленных источников, освещающих процесс собирания Пушкиным документальных сведений о крестнике Петра Великого, «Немецкая биография» А.П. Ганнибала была в приоритете.

Подтверждением того, что Пушкин биографию прадеда получил от Петра Абрамовича Ганнибала, являлось его письмо от 11 августа 1825 года, адресованное П.А. Осиповой-Вульф в Ригу. Видимо, в продолжение разговора, предметом которого был Ганнибал, Пушкин сообщает своей тригорской собеседнице, что он рассчитывает «еще повидать двоюродного дедушку — старого арапа, который», по его предположению, «не сегодня-завтра умрет, а между тем» ему «необходимо раздобыть от него записки, касающиеся» его «прадеда». Ожидаемые Пушкиным «записки» трактовались как неоспоримое свидетельство того, что речь идет о «Немецкой биографии» Ганнибала. Отметим, что копия биографии, написанная на немецком языке готической скорописью, находилась среди разбираемых Жуковским бумаг вместе с сокращенным переводом, сделанным Пушкиным.

Однако исследования Н.К. Телетовой убедительно показали, что «Немецкой биографией» «старый арап» не располагал, и видеть этот документ Пушкин у него не мог. Знакомство с биографией прадеда увенчается успехом, когда он посетит в июле 1827 года в Новопятницком

писаря на четырех листах (412–415) тетради № 2395, причем листы согнуты в вертикальном направлении пополам, образуя столбцы, из коих правый исписан, тогда как левый оставлен незаполненным. Это прием, которым часто пользовался Пушкин и который здесь сохранил копиист. Текст перечеркнут карандашом, может быть, Жуковским, не включившим его в посмертное издание сочинений Пушкина. Вторая копия того же документа, написанная тем же почерком и по той же форме, находится в той же тетради на листах 506–509.

⁴ Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 244. Оп. 3. № 161. Прошение А.П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне.

двоюродного дядюшку, сына А.К. Роткирха и его жены Софьи Абрамовны, младшей дочери А.П. Ганнибала, — Ивана Адамовича Роткирха (1783–1832), у которого и хранилась сочиненная в 1786–1787 годах биография Ганнибала его отцом, когда Роткирх был управляющим в наследственном имении П.А. Ганнибала — Елице под Петербургом⁵.

Подкрепляя неоспоримые факты, мы в своих теоретических поисках допускаем, что П.А. Ганнибал во время встречи Пушкина со «старым арапом» в сентябре — ноябре 1824 года, при сбивчивости сведений о превратностях жизни отца, мог сослаться на имеющуюся более полную его биографию. Совсем забыть о ее существовании, судя по тексту его личных «Воспоминаний», он не мог. Скорее всего, «Биография» создавалась А.К. Роткирхом по просьбе Петра Абрамовича как доказательство родовитости Ганнибалов. Это было в то время, когда Екатериной II был издан закон об упорядочении дел русского дворянства («Жалованная грамота дворянству», 21 апреля 1785 года), который разграничивал «дворянство потомственное и службой приобретенное».

Впрочем, мы не будем останавливаться на наших дедуктивных методах, так как установленные факты и связи между ними более полно представлены в предшествующих работах и в частности в монографии «Петровское. Поэт и прадед»⁶. Скажем лишь только, что желанными «записками» могли быть «Воспоминания П.А. Ганнибала», писанные «старым арапом» по настоятельной просьбе Пушкина и также находившиеся в его разбираемых бумагах вместе с прошением Ганнибала на дворянство.

Нужно сказать, что XVIII век — это особый период в изменении общественного положения всех сословий Российского государства, и в том числе дворянства, которое эволюционировало от служилого (в Петровскую эпоху) до привилегированного (в царствование Елизаветы Петровны и Екатерины II) сословия. Принадлежность к дворянскому званию в допетровское правление закреплялась записью в «Бархатную книгу», заведенную в 1682 году при уничтожении местничества.

В 1722 году, 24 января, Петр I утвердил закон о порядке государственной службы — «Табель о рангах», состоявшую из расписания новых чинов по 14-ти классам, или рангам, и из 19-ти пояснительных пунктов к этому расписанию. Высшим был первый класс. По Табели

⁵ Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. СПб., 2007. С. 146.

⁶ См.: Козмина Л.В. Петровское: поэт и прадед. СПб., 2012. С. 53–59.

все чины подразделялись на три типа: воинские, статские (гражданские) и придворные. Воинские чины состояли из четырех разрядов (сухопутные, гвардия, артиллерийские и морские) и объявлялись выше соответствующих им по классу статских и придворных. Было введено разделение дворянства на потомственное и личное. Потомственное дворянство передавалось по наследству от отца и приобреталось: «по рождению» (по происхождению), в результате «монаршей милости», а также «по выслуге» (с 14-го ранга для военных чинов и с 8-го для гражданских). Благодаря Табели о рангах россиянин незнатного происхождения, выделившийся заслугами перед Отечеством на поле боя или же на гражданской службе, мог получить дворянство — личное или даже потомственное. Для военных чинов потомственное дворянство обеспечивалось с 12-го класса⁷.

Как видим, А.П. Ганнибал, согласно петровской Табели, к восшествию на престол Елизаветы Петровны уже по факту служивый дворянин: он офицер в чине подполковника, что соответствует пятому классу. Тогда возникает вопрос: с какой целью елизаветинский генерал-майор, произведенный в этот чин 12 января 1742 года, тотчас подает в Сенат на высочайшее имя челобитную (прошение)⁸ на выдачу Диплома на дворянство и пожалование герба?

Петровская «Табель о рангах», безусловно, не могла остаться неизменной. Заботясь о безупречности дворянского сословия, Елизавета Петровна сразу же по восшествии на престол своим указом от 31 декабря 1741 года повелела очистить среду дворянства от тех, кто получил недостойно чины обер-офицерские в военной службе и штаб-офицерские в гражданской в правление временщиков (т. е. двух предшествующих — Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны). Следовательно, дворянином надлежало считать только того, кто мог доказать

⁷ См.: Табель о рангах // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1976. Т. 25. С. 463–467; *Нефедов С.А.* Происхождение регулярного государства Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53–65; 2014. № 1. С. 31–40; № 2. С. 42–58; № 4. С. 43–50; № 5. С. 52–63.

⁸ Челобитная — особый вид документа, излагавшего просьбу или жалобу по гражданскому или уголовному делу. В то же время это и есть письменное прошение, индивидуальное или коллективное. Однако в XVIII веке термин «прошение» начал вытеснять термин «челобитная» в качестве наименования искового заявления, и только с 1780-х годов этот термин стал использоваться как самостоятельное название.

принадлежность к этому сословию. Исходя из этих требований, в подаваемых челобитных на дворянство проситель излагал развернутые сведения о своем происхождении, возрасте, чине, ступенях карьеры, особенностях службы, заслугах и нуждах. Примером этому и является прошение А.П. Ганнибала.

К тому же императрица продолжила закреплять успехи дворянства в сфере имущественного положения, даровав потомственным дворянам исключительное право на владение землями и крестьянами, лишив этой привилегии личное (служивое) дворянство. Только за первые десять лет правления Елизавета пожаловала около сорока тысяч душ. Особенно щедрые дарования получили гвардейцы, участники дворцового переворота 1741 года, и приближенные императрицы. В их числе оказался и А.П. Ганнибал, которому были оказаны милости двора после пятнадцати лет опалы вследствие придворных интриг.

С этого времени начинается продвижение его в чинах, пожалование ему земель, деревень, крестьян и проч. Н.К. Телетова не без основания полагает, что жалованную грамоту на наследственное владение землями Михайловской губы в Псковской губернии «Елизавета доставила лично Абраму Петровичу во время ее путешествия в июле 1746 года в Эстляндию и Рогоревикскую крепость, которою тогда распоряжался Ганнибал»⁹. Этим благоволением она закрепила императорский дар, имевший характер дополнительной милости.

Приобретший высокое покровительство, А.П. Ганнибал незамедлительно подал челобитную (прошение) в Сенат на высочайшее имя, чтобы закрепить за собой полученные чины и привилегии, так как он 12 января 1742 года стал крупным землевладельцем и обладателем пятисот шестидесяти девяти душ. Кроме того, чтобы зафиксировать историю рода, он претендовал на потомственное дворянство, передававшееся по наследству от отца. Такой привилегии было лишено служивое дворянство, хотя оно и имело право на пожизненное звание, полученное за собственные заслуги. Это было связано с системой пожалования дворянства и утверждением родового герба, которая была узаконена и формально регламентирована жалованной грамотой от самодержцев.

Выдача дипломов на дворянство и право на получение герба были введены Петром I, учредившим в 1722 году Герольдмейстерскую контору при Сенате (но гербы утверждал император). В задачу конторы

⁹ Телетова Н.К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 107.

входило составление гербов по правилам теоретической геральдики¹⁰. На пост герольдмейстера Петр определил графа Степана Андреевича Колычева (около 1660–1735), представителя древнего боярско-дворянского рода Колычевых. Помощником его в составлении гербов стал приглашенный Петром I в Россию «для отправления геральдического искусства» итальянец из Пьемонта граф Франциск Санти (1683–1758). Именно он, европейский генеалог, получивший образование в Париже, где изучал историю и науки, «близкие к генеалогии», является основоположником русской геральдики¹¹.

Подчинив сословие к этому особому ведомству, царь-реформатор приказал представить дворянам собственные гербы, отразив в них историю, традицию и идентичность определенного рода. Выданный диплом удостоверял возведение в дворянство, а наличие герба было визуальным подтверждением прав на потомственное дворянство и родовые титулы, что было способом награждения за заслуги перед Отечеством.

При Елизавете Петровне канцлера правительствующего Сената с 1740 по 1753 год находилась под управлением герольдмейстера Никиты Михайловича Желябужского (1701–1772). В качестве его советника в геральдическую деятельность с 1741 года был включен выдающийся ученый, математик, филолог-русист Василий Евдокимович Ададуров (1709–1780). Вот к этим вершителям социального благополучия дворян и поступило прошение А.П. Ганнибала.

¹⁰ Этот раздел геральдики регламентирует основные элементы герба: щит (являющийся его главной частью), шлем, корону, нашлемник, намет, щитодержатели, девиз, мантию и украшения вокруг щита; символику цвета и его условных обозначений, фигур, способов разделения и форм щита и прочее.

¹¹ Санти сочинил герб новой столицы — Петербурга, на котором якоря — морской и речной — позади скипетра обозначают Петербург как столицу и порт, проводя явную аналогию с гербом Ватикана. Оба являются «градами Святого Петра». К тому же Санти — автор гербов 137 российских городов. В помощь переводчикам Санти разработал «лексикон блазонский» — геральдический словарь. Некоторые из его работ попали в Знаменный гербовник (сборник знамен Российской империи). Основатель российской геральдики, как и крестник Петра I — А.П. Ганнибал, пострадал от всевластного А.Д. Меншикова в царствование Петра II, испытав, как и он, хлад Сибири, где пребывал до восшествия на престол Елизаветы. Указом от 28 августа 1742 года ему был возвращен придворный чин обер-церемониймейстера, а несколько позднее, в 1756-м, пожалован титул действительного тайного советника.

Согласно манифесту императрицы, для новопожалованных дворян, в частности, участников Лейб-компаний — гренадеров Преображенского полка, приведших Елизавету к власти, герольдмейстеру вменялось ускоренно «сделать гербы по апробированному рисунку, а которые есть из дворян и тем в гербы их прибавить сей новый герб, приготовить надлежащие дипломы к подписанию»¹². Первые дипломы гвардейцам Елизавета скрепила своей подписью 19 октября 1745 года. Из трехсот подготовленных канторой лейб-компанских гербов с надписью «За верность и ревность» было выдано двумстам двадцати гвардейцам. Остальные восемьдесят остались в числе ненагражденных — некоторые по причине смерти; другие, из числа потомственного дворянства, не представили сведений о родовых гербах, а большая часть за дерзость (в связи с чем они были сосланы или переведены в армию)¹³.

Нужно сказать, что жалованные грамоты, патенты, дипломы на дворянство и гербы, коим придавалось большое значение по сугубо имущественным правам дворян и их интересам, выдавались в качестве награды за заслуги в службе Елизаветы. Это было частью ее политики, направленной на улучшение положения дворянства и создание привилегированного сословия.

Однако прошение Ганнибала о выдаче Диплома на дворянство и пожаловании герба от «...» 1742 года¹⁴ осталось нерешенным: челобитная могла быть отложена по причине того, что герольдмейстер, как и его советник, не считал убедительной родовитость претендента на потомственное дворянство. Сомнения, как правило, вызывали больше всего именно те рисунки русских гербов, в изобразительном ряде которых использованы эмблемы западного образца пришедших иностранцев на русскую службу — в силу практически полной непроверяемости легенд и отсутствия достоверных данных и сведений¹⁵.

¹² Базарова Т.А. Дипломы лейб-компанцев в собрании архива СПбИИ РАН // Человек и власть в России XVII–XVIII веков. СПб, 2022 [Электронный ресурс: gis.spbiiran.ruacademia.eduotvet.mail.ruconsultant.ruromanovy.rhga.ru].

¹³ Там же.

¹⁴ А.П. Барсуков считал, что прошение А.П. Ганнибал подал в Сенат в феврале 1742 года; П.И. Бартенев — что в январе, вскоре после вышедшего указа Елизаветы Петровны от 12 января 1742 года на пожалование А.П. Ганнибалу земель в Псковской губернии.

¹⁵ См.: Борисов (Ильин) И.В. Родовые гербы России. М., 1997. С. 56; Мифология символа // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. К. Королев. М. ; СПб., 2006. С. 9.

К сожалению, в Герольдмейстерской конторе не сохранилось описание герба Ганнибала. Но по имеющемуся оттиску его печати на служебном письме 1742 года, адресованном магистрату города Ревеля¹⁶, явно прочитывается намерение А.П. Ганнибала получить не только звание потомственного дворянина, но и княжеский титул. Герб его составлен по европейским канонам: в центре щита, перевитого ветвями аканта, он поместил слона, на хребте которого почти в размер туловища уместил великокняжескую шапку; в нашламник определил одноглавого орла, под щит девиз, состоящий из пяти латинских букв: «FVMMO».

Прошение Ганнибала обнаружилось за два месяца до его кончины, то есть уже в правление Екатерины II. Герольдмейстер Департамента герольдии Сената А.А. Волков (1736–1788)¹⁷ вынес окончательный вердикт по этому давнему делу, зафиксировав его в журнале Герольдии 15 марта 1781 года: «По челобитной генерал-майора и Ревельскаго обер-коменданта Ганибала, о подтверждении его дворянства и о пожаловании ему диплома и Герба определено: как резолюцією Правительствующего Сената 1768 года Генваря 11-го велено: по сим делам Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда в Комиссии о сочинении проекта новаго уложения генеральное о том положение учинено будет, да и самый проситель Ганибал с 1742 года хождения по делу не имеет, почему и жив ли он неизвестно, для чего сие дело и отдать в архив»¹⁸.

И всё-таки что останавливало «заслуженного генерала императорской Русской службы» с тех пор больше не ходатайствовать о получении

¹⁶ Таллинский городской архив (ТГА). Ф. 230. Оп. 1. Ед. хр. BR 21. Л. 42. По оттиску печати художник П.А. Шакурин изобразил реконструкцию, рисунок которой представлен в Музее А.П. Ганнибала.

¹⁷ Драматург А.А. Волков в конце 1760-х отошел от активной литературной деятельности. В 1762 году был включен в комиссию по коронации Екатерины II. В мае 1765 года вышел в отставку в чине полковника и определился в статскую службу, сначала в Герольдмейстерскую контору, а позднее в Канцелярию строений государственных дорог. От канцелярии был выбран депутатом в Комиссию нового Уложения (1767). С 1773 года — статский советник, директор Императорского фарфорового завода. С 1777 по 1783 год руководитель Департамента герольдии при Сенате. См.: *Берков П.Н.* А. Волков, забытый писатель XVIII века (К истории формирования дворянской книги) // *Хроника Ленинградского общества библиофилов.* Л., 1931.

¹⁸ *Барсуков А.* Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина... С. 102.

диплома и родового герба? Какими принципами он руководствовался? Быть может, теми, что выражены в указе Петра I от 16 января 1721 года: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, и оные их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство»? Петр настойчиво подчеркивал, что одно лишь дворянское достоинство вследствие происхождения не дает еще никаких преимуществ «и что служба родине и заслуги перед ней делают человека выше и знатнее»¹⁹.

Но при всей сложности определяющих мотивов можно допустить, что «наперсник» Петра I потерял рвение в обретении желаемого статуса, скорее всего, из-за бюрократической системы ведения дел в Геральдической конторе. Чтобы официально закрепить герб и выдачу диплома на дворянство, требовалась весьма сложная и дорогостоящая процедура обращения к государственному герольдмейстеру. Представителю рода нужно было представить большой объем документов разного времени, подтверждающих это право: происхождение, заслуги рода, рисунок герба, засвидетельствованные генералитетом; переписки с местными (дворянское собрание) и центральными органами, выписки из писцовых книг, аттестаты о службе, патенты, жалованные грамоты и многое другое. Видимо, для Ганнибала, «пришельца» из Африки, хотя и «знатного тамошнего дворянства», это оказалось непреодолимым препятствием в его «новом отечестве».

Неутвержденный герб А.П. Ганнибал перенес на именную печатку — пользуясь ею с 1742 года, будучи обер-комендантом Ревельской крепости. Герб родителя был внесен и на личные печатки его сыновей.

В светлых сенях усадебного музея представлен выполненный из алебастра в обрамлении пилястр оттиск печатки старшего сына — Ивана Абрамовича Ганнибала, выдающегося полководца плеяды Екатерины II, строителя Херсона. Это единственная гербовая печатка, дошедшая до наших дней, которая находится в фондах Литературного музея Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН)²⁰.

¹⁹ Борисов (Ильин) И.В. Родовые гербы России. С. 49.

²⁰ Печатка после смерти И.А. Ганнибала (1735–1801) находилась у брата П.А. Ганнибала (1742–1826), а затем перешла к его потомкам: сыну Вениамину Петровичу Ганнибалу (1780–1839), от дочери которого, Марии Вениаминовны Коротовой (1802–1889), к внуку, Якову Владимировичу Коротову (около 1879–1935). Последними владельцами печатки были его дети — сын, Сергей Яковлевич Коротов (1908–1982), и дочь, Ксения Яковлевна Коротова

*Оттиск гербовой печати Абрама
Петровича Ганнибала. 1761 год.
Рисунок-реконструкция
П.А. Шакурина*

*Оттиск печати
Ивана Абрамовича Ганнибала.
Последняя четверть XVIII века*

Вырезанная неизвестным мастером в последние годы XVIII века на камне, оправленном серебром, с ручкой слоновой кости, печать ценна тем, что на ней хорошо видны все атрибуты герба и девиз — FVMMO. Те же символы и тот же девиз изображены и на рисунке П.А. Ганнибала, который хранится в Российском государственном историческом архиве²¹.

Такова история уникального артефакта-документа, обладающего особой социально-культурной ценностью как источник определенного периода в истории государства и как документ личного происхождения, который является кратким биографическим свидетельством «странной жизни» легендарного прадеда А.С. Пушкина, героя его исторического романа «Арап Петра Великого».

(1906–1980), от которой реликвия поступила в Пушкинский Дом 20 июня 1969 года. Печатка временно экспонировалась с 1977 по 2005 год в Музее Ганнибалов Пушкинского Заповедника.

²¹ А.С. Пушкин. Московские страницы биографии. М., 2000. С. 13.

Прошение А.П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня
Императрица Елизавет Петровна, Самодержица Всероссийская,

Государыня Всемиловитейшая.

Бьет челом Генерал-Маиор и Ревельский Обер-Комендант Авраам Ганнибал, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1. Родом я низайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города. В 706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Саве Владиславовиче волею своею в малых летах и привезен в Москву в дом блаженные и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого и крещен в православие греческого исповедания веру, а восприемником присутствовать изволил Его Императорское Величество своею высочайшею персоною и от того времени был при Его Императорском Величестве неотлучно.

2. По нескольких же летах по высочайше Его Императорского Величества милости послан я был для наук в чужие края и по всемиловитейшему Его Императорского Величества соизволению был в службе его королевского величества Французского в лейб-гвардии капитаном и потом после выехал в Россию и служил в лейб-гвардии в Преображенском полку в бомбардирской роте поручиком и во время той моей службы был в разных многих военных походах, баталиях и акциях безотлучно.

3. По кончине Его Императорского Величества и Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и Государя Императора Петра Великого с 730-го года служил в Инженерном Корпусе Капитаном, а в 1741 году определен в Ревельский Гарнизон Подполковником, а в нынешнем 1742 году по Всемиловитейшему Вашего Императорского Величества указу за верныя и беспорочныя службы пожалован в генерал-маиоры от армии и в Ревеле обер-комендантом и деревнями

Всемилоостивейшее награжден, а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было дворянство мое Вашего Императорского Величества Грамотою Всемилоостивейшее подтвердить и в память потомкам моим, в знак Высочайшей Вашего Императорского Величества милости, Гербом меня пожаловать.

Всемилоостивейшая государыня!

Прошу Ваше Императорское Величество о сем моем прошении решение учинить: генваря «...» 1742 года.

К поданию подлежит в Правительствующем Сенате. Прошение писал статс-конторы копиист Василий Власов.

*Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 244. Оп. 3. № 161.
Прошение А.П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне*

ПИСТОЛЕТЫ В ЭКСПОЗИЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

Экспозиция — «не только знание жизни и творчества А.С. Пушкина, не только музейный опыт, но высочайшая культура, включающая в себя и знание быта пушкинской поры»¹. В выпусках «Михайловской пушкинианы», посвященных методическим разработкам экскурсий, в перечне приоритетных экспонатов пистолеты не указываются, однако в методических замечаниях есть указания: «Показывая вещи, пользуясь воспоминаниями современников... нужно обобщить здесь рассказ об образе жизни поэта в деревне и его занятиях»².

Пистолеты являлись неотъемлемой частью дворянского быта. Из пистолетов стрелялись на дуэлях. Дуэль же, в комментариях к «Евгению Онегину» Юрия Михайловича Лотмана — «поединок, происходящий по определенным правилам парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорблением»³. «Русский дворянин XVIII — начала XIX века жил и действовал под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как верноподданный, слуга государства, он подчинялся приказу... Как дворянин... он подчинялся законам чести»⁴. «Взгляд на дуэль как на средство защиты своего человеческого достоинства не был чужд Пушкину»⁵.

Руслан Григорьевич Скрынников в книге «Пушкин. Тайна гибели» пишет: «Пушкин имел репутацию дуэлянта»⁶. Однажды, поясняя

¹ *Симакина Г.* Размышления по поводу искусства создания экспозиции в Михайловском // Михайловская пушкиниана. Вып. 71. Сельцо Михайловское, 2019. С. 35.

² *Лобанова Э., Узенева Ю.* «Поэта дом опальный». Методическая разработка экскурсии по Дому-музею А.С. Пушкина в сельце Михайловском (на основе Концепции резкспозиции Дома-музея А.С. Пушкина в сельце Михайловском И.Ю. Парчевской) // Михайловская пушкиниана. Вып. 83. Сельцо Михайловское, 2021. С. 52.

³ *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 2011. С. 529.

⁴ Там же. С. 530.

⁵ Там же. С. 532.

⁶ *Скрынников Р.Г.* Пушкин. Тайна гибели. СПб., 2004. С. 251.

свое поведение Владимиру Александровичу Соллогубу, поэт сказал, что он, как общественный деятель, находился в полной зависимости от света и светского мнения: «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться?»⁷

Яков Аркадьевич Гордин в книге «Право на поединок» приводит слова Пушкина д'Аршиаку из записей Соллогуба: «Вы, французы, очень любезны. Все вы знаете латынь, но когда вы деретесь на дуэли, вы становитесь в 30 шагах и стреляете в цель. Мы же, русские, — чем поединок без... [пропуск в записи Соллогуба], тем он должен быть более жестоким»⁸.

Пушкин готовил себя к дуэлям. Неслучайно ему понравилось наставление Потемкина, которое он выписал для себя: «Старайся испытать, не трус ли ты»⁹.

Виктор Михайлович Файбисович, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, искусствовед, в статье «Этикетка нуждается в обновлении» отмечает: «В лексиконе Пушкина слово «пистолет» оказывается куда более употребительным, чем другие предметы. «Словарь языка Пушкина» свидетельствует, что слово «пистолет» встречается 63 раза»¹⁰. Оно встречается в журнальных заметках, критических статьях, письмах, стихотворениях, в «Песнях западных славян», «Истории Пугачева», «Пиковой даме», «Выстреле», «Дубровском», «Капитанской дочке», наиболее часто — в главах романа в стихах «Евгений Онегин».

В пятой главе:

...Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего...¹¹

⁷ Скрынников Р.Г. Пушкин. Тайна гибели. С. 251.

⁸ Гордин Я.А. Право на поединок. Судьба русского дворянина. 1825–1837. СПб., 2008. С. 366.

⁹ Будылин И.Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М., 2008. С. 345.

¹⁰ Файбисович В. Этикетка нуждается в обновлении // Наше наследие: электронный журнал. 2014. № 109 [Электронный ресурс: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10909.php>].

¹¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах / А.С. Пушкин; коммент. Ю.М. Лотмана. СПб., 2017. С. 164.

А в шестой главе несколько раз:

Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженях попадал¹²...

Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик...¹³

...Он слуге велит
Лепажа стволы роковые
Нести за ним...¹⁴

Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток...¹⁵

...И каждый взял свой пистолет...¹⁶

...Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставаая наступать,
Стал первый тихо подымать...¹⁷

...Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет...¹⁸

Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой...¹⁹

¹² Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах. С. 175.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Там же. С. 182.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 186.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 188.

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений²⁰.

В стихотворении «Из письма к Вульффу» 1824 года:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета...²¹

Пистолеты являлись неотъемлемой частью жизни Александра Сергеевича Пушкина. В воспоминаниях современников поэта это отражено.

В Воскресенском имел место эпизод ссоры Пушкина с Павлом Исааковичем Ганнибалом, о котором, со слов матери, также рассказывал Лев Николаевич Павлищев: «Александр Сергеевич, только что выпущенный тогда из Лицея, очень его полюбил, что, однако, не мешало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову». «Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять... Павел Исаакович за ужином возгласил:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала;
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадил бал!

Дядя тут же, при публике, бросился ему в объятия»²².

Из «Воспоминаний о Бессарабии» Александра Фомича Вельтмана (поэта и писателя, лингвиста): «Верстах в двух от Кишинева есть

²⁰ Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах. С. 189.

²¹ Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 309.

²² Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Псков ; М., 2012. С. 66.

урочище посреди холмов... Здесь два раза «полевал» Пушкин... был свидетелем... и признаюсь, что Пушкин не боялся пули»²³.

Из «Воспоминаний о Пушкине» офицера Владимира Петровича Горчакова о дуэли с подполковником Семеном Никитичем Старовым: «Секунданты же решили примирить «сорящих» и устроили встречу в доме ресторатора Николети. «Я вас всегда уважал и потому принял ваше предложение», — сказал Пушкин. «И хорошо сделали, Александр Сергеевич, — отвечал Старов, — этим вы еще более увеличили мое уважение к вам, и я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете»²⁴.

Из воспоминаний военного и государственного деятеля Ивана Петровича Липранди: «...в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью... Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью... Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся как лед. На моем веку... мне случалось не только что видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком же положении, а подобной натуры, как у Пушкина в таких случаях, я встречал очень немного»²⁵.

Алексей Николаевич Вульф: «Пушкин... в те годы, что жил здесь в деревне, решительно был помешан на Байроне... А чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мной сажал пули в звезду!»²⁶

Историк, общественный деятель Михаил Иванович Семевский в книге «Прогулка в Тригорское»: «...Бывало, многие часы тем и занимаются, что хлопают из пистолетов Лепажу в звезду... на воротах»²⁷. Во время приезда Вульфа с Языковым «все трое... стреляли из пистолетов»²⁸.

Петр Парфенов, дворовый усадьбы, кучер: «...А не то дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, вот тут, за баней, да раз сто

²³ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. / под общ. ред. В.В. Григоренко и др. Т. 1. М., 1974. С. 280.

²⁴ Там же. С. 270.

²⁵ Там же. С. 316.

²⁶ Там же. С. 413.

²⁷ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине / вступ. ст., сост. и примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2008. С. 60–61.

²⁸ Там же. С. 100–101.

эдак и выпалит в утро-то»²⁹; «...охотиться не охотился: так всё в цель жарил»³⁰.

Семен Степанович Гейченко в письме Василию Михайловичу Звонцову 9 мая 1963 года: «Полным ходом ведутся раскопки пушкинского погреба около Домика няни, где, по свидетельству Парфенова, «Пушкин с утра жарил из пистолетов эдак раз по сто в день»³¹. Семен Степанович в книге «У Лукоморья» в рассказе «Михайловский пистолет Пушкина»: «...Калибр нашего пистолета — 13 мм. Этого же калибра свинцовые пули, которые были найдены внутри старых бревен Домика няни...»³²

Еще из воспоминаний Парфенова: «Жандарм торопил в дорогу, да мы все позамешкались: надо было в Тригорское посылать за пистолетами, они там были оставши; ну, Архипа-садовника и послали. Как привез он пистолеты-то, маленькие такие были в ящичке, жандарм увидел и говорит: «Господин Пушкин, мне очень ваши пистолеты опасны». — «А мне какое дело? мне без них никуда нельзя ехать; это моя утеха». Комментаторы отмечают недостоверность рассказа: в Тригорском об отъезде Пушкина в Москву узнали *post factum*. Из сообщения Парфенова следует, что у Пушкина имелись «маленькие» — то есть дорожные или карманные — пистолеты «в ящичке»³³.

Встречаются изображения пистолетов в черновиках поэта. Татьяна Григорьевна Цявловская в книге «Рисунки Пушкина» приводит шесть рисунков:

1) изображение пистолета с рукоятью, характерной для карманных и дорожных пистолетов, в черновой рукописи стихотворения «Позволь душе моей открыться пред тобою...» (1819)³⁴;

²⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 429.

³⁰ П. Парфенов // Рассказы о Пушкине, записанные К.А. Тимофеевым // Александр Пушкин: сайт [Электронный ресурс: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-55.htm>].

³¹ А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского Заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. Псков ; селцо Михайловское, 2002. С. 103.

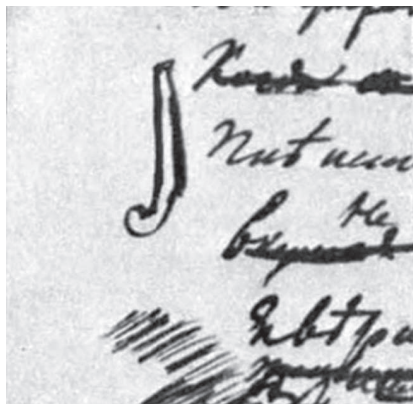
³² Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского Заповедника. Л., 1986. С. 294.

³³ Файбисович В. Этикетка нуждается в обновлении.

³⁴ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1987. С. 387 [Электронный ресурс: https://archive.org/details/1987_20250226/page/387/mode/2up].

Изображение пистолета с рукоятью, характерной для карманных и дорожных пистолетов, в черновой рукописи стихотворения «Позволь душе моей открыться пред тобою...» (1819)

Пистолет в черновой рукописи «Кавказского пленника» (1820)

2) пистолет в черновой рукописи «Кавказского пленника» (1820)³⁵;

3) третий пистолет в рукописях Пушкина нарисован в «первой кишиневской тетради» (на обороте 36-го листа), между строк переписываемых набело «куплетов на кишиневских дам» — «...Будь глупа, да хороша...» (1821)³⁶.

За 1828 год в рукописях Александра Сергеевича встречаются рисунки пистолетов:

4) в черновой рукописи повести «Гости съезжались на дачу»³⁷;

5) в черновой рукописи песни второй поэмы «Полтава»³⁸;

6) в черновой рукописи «Евгения Онегина» (строфы 11 и 12 из «Путешествия Онегина»)³⁹.

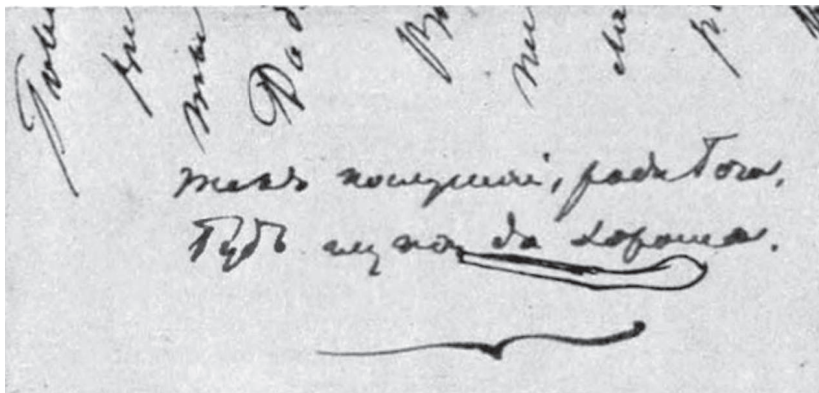
³⁵ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1987. С. 393 [Электронный ресурс: https://archive.org/details/1987_20250226/page/393/mode/2up].

³⁶ Там же. С. 397 [Электронный ресурс: https://archive.org/details/1987_20250226/page/397/mode/2up].

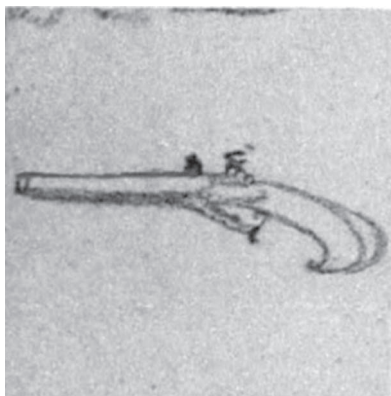
³⁷ Там же. С. 403. [Электронный ресурс: https://archive.org/details/1987_20250226/page/403/mode/2up].

³⁸ Там же.

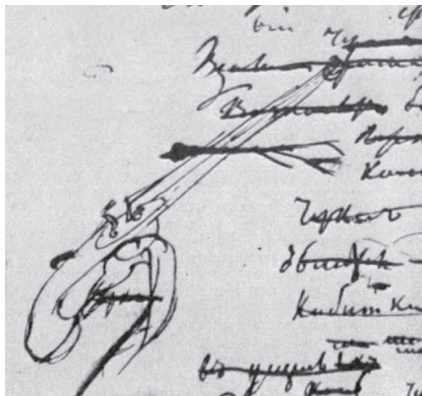
³⁹ Там же. С. 405. [Электронный ресурс: https://archive.org/details/1987_20250226/page/405/mode/2up].

Пистолет в рукописях Пушкина нарисован в «первой кишиневской тетради» (на обороте 36-го листа), между строк переписываемых набело «куплетов на кишиневских дам» — «...Будь глупа, да хороша...» (1821)

Рисунки пистолетов в черновой рукописи повести «Гости съезжались на дачу» и черновой рукописи песни второй поэмы «Полтава» (1828)

*Пистолет в черновой рукописи
«Евгения Онегина»
(строфы 11 и 12
из «Путешествия Онегина»)*

Виктор Михайлович Файбисович, вероятно, сомневался в попытках установить пистолеты. В статье «Этикетка нуждается в обновлении» за 2014 год Виктор Михайлович писал: «Несмотря на то, что пистолеты превратились для Пушкина в привычный предмет обихода, в его письменном наследии встречаются упоминания лишь двух оружейных фабрик — знаменитых мануфактур Лепажей в Париже и Кухенрейтеров в Регенсбурге. Культура английских оружейников осталась поэту неизвестна»⁴⁰. Уже в 2015 году Файбисович в статье «Изобра-

жения пистолетов в пушкинских рукописях» Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского дома за 2015 год приводит аналогии рисунков пистолетов пушкинских рукописей с пистолетами реальными, среди которых указаны и английские⁴¹.

Исходя из того, что у поэта пистолеты изображались в черновиках, упоминались в текстах, и современники поэта в воспоминаниях рассказывали о пистолетах и в целом об отношении Пушкина к дуэлям, его храбрости, — пистолеты составляли значимую часть жизни Александра Сергеевича Пушкина (как быта, так и творчества).

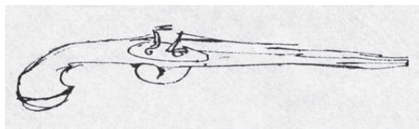
Сегодня в Михайловском в экспозиции Дома-музея в «Кабинете поэта» представлены два пистолета. Историю одного пистолета приводит Семен Степанович Гейченко в рассказе «Михайловский пистолет Пушкина» своей книги «У Лукоморья»: «О михайловском пистолете Пушкина, который после его смерти хранился в доме поэта вместе с другими личными вещами, сообщает газета «Псковские ведомости» за 1868 год.

⁴⁰ Файбисович В. Этикетка нуждается в обновлении.

⁴¹ Изображения пистолетов в пушкинских рукописях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2015 год [Электронный ресурс: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_2015/01_Файбисович.pdf 22.11.2025].

А. С. Пушкин. Пистолет.
В черновой рукописи песни второй поэмы «Полтава». Осень 1828.
РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 838, л. 54

А. С. Пушкин. Пистолет.
В черновой рукописи «Евгения Онегина» (строфы <11>
и <12> гл. «Странствие»). Октябрь 1829. РО ИРЛИ,
ф. 244, оп. 1, № 841, л. 117 об.

Пистолет из карманной пары с замком в ствольной коробке
и с отвинчивающимся стволом. Мастер Э. Бейт (E. Bate).
Великобритания, Лондон. Около 1775. Длина 20,3 см

Пистолет из сельской пары.
Мастер Т. Ричардс (T. Richards). Великобритания.
Бирмингем, Лондон. 1748. Длина 48,3 см

Иллюстрация: [http://lib2.
pushkinskijdom.ru/Media/Default/
PDF/ROPD/EROPD_2015/01_
Файбисович.pdf](http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_2015/01_Файбисович.pdf)

Иллюстрация: [http://lib2.
pushkinskijdom.ru/Media/Default/
PDF/ROPD/EROPD_2015/01_
Файбисович.pdf](http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_2015/01_Файбисович.pdf)

После отъезда Григория Александровича Пушкина в Вильнюс, накануне столетия со дня рождения Александра Сергеевича, пистолет был передан Псковскому Пушкинскому комитету для «Пушкинского уголка» в Михайловском. В 1911 году он экспонировался в восстановленном доме поэта. В 1918 году, при разгроме Михайловского, пистолет исчез и очутился в доме Клишова»⁴² (жителя деревни Воронич). Пистолет находился у него дома издавна, принадлежал раньше отцу. Во время Великой Отечественной войны пистолет был спрятан в подвале дома, отчего и покрылся сильно ржавчиной. Узнать что-либо от Клишова не удалось, так как в 1947 году тот уехал из Псковской области в неизвестном направлении⁴³. Этот пистолет поступил в заповедник из Пушкиногорского отделения милиции 11 октября 1947 года. В сопроводительной записке, приложенной к акту передачи, уполномоченный РО МВД Гаранин писал: «К имеющимся у вас историческим документам шлю старинный пушкинского образца пистолет. Если окажется для вас

⁴² Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 294.

⁴³ Там же. С. 292.

*Пистолет шомпольный, курковый (капсюльный)
(«михайловский пистолет Пушкина»). Середина XIX века. ПЗ-КП-307 О-1*

подходящим, храните в музее»⁴⁴. Гаранин сообщал, что пистолет был изъят у Клишова. В акте от 11 октября 1947 года: «...мы, нижеподписавшиеся научные сотрудники Заповедника Звагольская Е.Г., Грановская Н.И. в присутствии зав. библиотекой Сулеймановой составили настоящий акт в том, что для музейного хранения нами был принят в Пушкинский Заповедник из Пушкиногорского райМВД согласно сопроводительной записки нач. райМВД капитана Гаранина от 11/X — 47 г. на имя директора Заповедника Гейченко С.С. «пистолет шомпольный курковой одноствольный пушкинской эпохи с резной рукояткой и гравировкой на стали. Стальные части покрыты ржавчиной, конец рукоятки с утратой части резьбы»⁴⁵.

В 1949 году, по окончании восстановления дома-музея, пистолет был помещен в экспозицию кабинета как предмет, характерный для михайловского быта Пушкина. Семен Степанович писал в своем рассказе: «Некоторые посетители при осмотре кабинета и находящихся в нем вещей выражали сомнение в том, что пистолет такого типа мог быть у Пушкина. В связи с этим Заповедник обратился за консультацией к научным работникам Артиллерийского музея в Ленинграде. По мнению специалистов-оружейников, пистолет музея села Михайлов-

⁴⁴ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 294.

⁴⁵ Степанова Т. Музейные фонды Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 51. Сельцо Михайловское, 2010. С. 7.

*Пистолет шомпольный, курковый (капсюльный).
Середина XIX века. ПЗ-КП-1650 О-24*

ского действительно пушкинского времени»⁴⁶. В инвентарной карточке «ПЗ-КП-307 О-1 Пистолет шомпольный, курковый (капсюльный)» представлена информация с описанием пистолета. Из этой информации выделим дату создания (середина XIX века) и место создания (Германия или Франция, под знаком вопроса).

Теперь нужно вернуться к стихотворению Пушкина «Из письма к Вульфу», к строчкам «Погулять верхом порой, / Пострелять из пистолета». Говорится о пистолетах. Но о каких? Из рассказа Семена Степановича можно предположить, что невероятным образом пистолет поэта сохранился у Григория Александровича, но — один! Предполагая трепетное отношение Александра Сергеевича к пистолетам, такое представить сложно. Если же вновь обратиться к воспоминаниям кучера Парфенова, то пистолеты были маленькие (дорожные или карманные). Так какие же пистолеты могли быть у поэта в Михайловском? Дуэльные или карманные? Вопрос остается открытым.

Данные о втором пистолете из актов и других документов музейного поступления за 1966 год: в инвентарной карточке «ПЗ-КП-1650 О-24 Пистолет шомпольный, курковый (капсюльный)» указаны дата создания (середина XIX века) и место создания (Франция). В описи указано, что на казенной части ствола на верхней грани среди растительного орнамента золотой насечкой номер пистолета «2». Пистолет был

⁴⁶ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 292–293.

*«...на казенной части ствола на верхней грани среди растительного орнамента золотой насечкой номер пистолета «2».
Из инвентарной карточки пистолета*

передан Митрофаном Петровичем Щукиным, начальником Управления общественного порядка, проживающим в городе Опочке, в Опочечский краеведческий музей. С.С. Гейченко обращался к директору Опочечского музея с просьбой передать пистолет музею-заповеднику (письмо от 19 июля 1966 года): «Дирекция Пушкинского Государственного заповедника просит Вас о передаче старинного дуэльного пистолета, поступившего в Ваш музей от т. Щукина».

Решение о передаче приходит в ответном письме от 21 июля 1966 года: «Старинный дуэльный пистолет возвращен т. Щукину 21 июня 1966 года. От него Вы пистолет и получите. Опочка 21/VII 1966 г.»

В состав музейного фонда предмет был принят 13 сентября 1966 года (Акт ПП от 13.09.1966г. № 49).

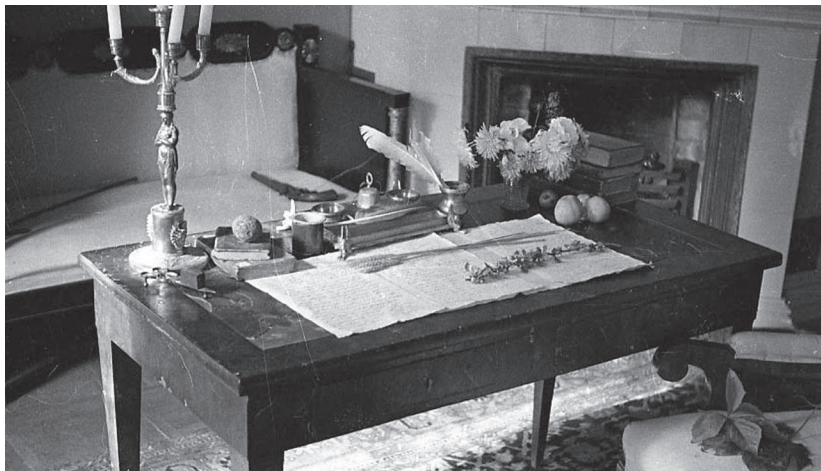
В топографической описи за 1967 год на листе 37 среди экспонатов в кабинете уже числятся два пистолета и ящик для пистолетов⁴⁷.

Всегда ли эти пистолеты находились в экспозиции? В путеводителе «Приют, сияньем муз одетый» (фотоальбом 1979 года) приводится фото с подписью: «Дуэльные пистолеты системы Лепажа». В путеводителе напечатано фото комплекта дуэльных пистолетов с принадлежностями в футляре поступления 1973 года, которые являются «лепажами», но не

⁴⁷ АПЗ-КП-4974. Л. 37.

*Пистолеты в экспозиции в 1970 году.
Дом-музей А.С. Пушкина. Кабинет. Ящик с пистолетами.
ПЗ-КП-16127 Нег-3937*

*Пистолет в экспозиции в 1960 году (находится на диване в правом углу).
Михайловское. Дом-музей. Кабинет. Письменный стол А.С. Пушкина.
Фотография В.Я. Шпинева. ПЗ-КП-14818 Нег-2628*

указаны как экспонировавшиеся в имеющихся топографических описях научного архива до реставрации дома-музея (описи за 1960, 1967, 1980, 1983, 1986, 1987, 1990, 1992 (с этого года на этажерке у северной стены), 1995 годы).

Пистолеты занимали большую часть в жизни Александра Сергеевича Пушкина, поэтому они являются неотъемлемой частью экспозиции кабинета. Но можно ли эти пистолеты называть пистолетами Лепаж? В описаниях пистолетов указана дата создания — XIX век. Место создания одного из пистолетов определено — Франция, а второго — Франция или Германия (под знаком вопроса).

На сайте Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации были просмотрены пистолеты и выбраны два наиболее схожих внешне и характеристиками: пистолет, период создания XIX век, и пистолет шомпольный первой половины XIX века.

Но они не атрибутированы как пистолеты Лепаж. Продолжив поиски в каталоге, задав запрос «Лепаж», мы получили 18 пистолетов, среди которых один представлял наибольший интерес: «Лепаж-Мутье (Мастер)», пистолет капсюльный (середина XIX века, Франция. Место нахождения: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей») ⁴⁸. Один из пистолетов, экспонируемых в Михайловском, внешне очень схож с ним.

О «лепажах» Пушкин мог узнать или от Вульфа (возможно, у Алексея Николаевича они были и произвели впечатление на поэта, как предполагал Семен Степанович Гейченко в своем рассказе), или Александр Сергеевич знал, что пистолеты Лепаж были удостоены высоких наград Промышленной выставки 1823 года. В годы ссылки в Михайловское Пушкиным в «Евгении Онегине» были написаны строки с упоминанием этого оружия.

Итак, ввиду того, что точно не определена принадлежность экспонируемых в «Михайловском» в Кабинете поэта пистолетов к «лепажам», корректнее говорить о них как о пистолетах «пушкинской эпохи», не забывая при этом о значении пистолетов в жизни и творчестве Александра Сергеевича Пушкина.

⁴⁸ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4699886>].

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ВОССОЗДАНИЯ ДОМА ВЫНДОМСКИХ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ «ТРИГОРСКОЕ»

Концепция развития Пушкинского Заповедника на 2025–2037 годы предполагает воссоздание господского усадебного дома в музее-усадьбе «Тригорское».

Новые данные об истории усадьбы Тригорское и условиях для возможного воссоздания усадебного Дома Вындомских приведены в исследовании Е.А. Ступиной¹: это сведения об истории усадьбы Тригорское, ее бытовании до перехода во владение Максима Дмитриевича Вындомского; уточнены родственные связи рода Вындомских.

В работе отмечается, что после смерти М.Д. Вындомского в 1768 году земли переходят наследникам, и А.М. Вындомский был только одним из наследников, а часть не принадлежащих ему земель он выкупает у родственников. Вдове М.Д. Вындомского Екатерине Федоровне досталась усадьба Тригорское, точнее, как пишут в отказных книгах 1771 года, «пустошь Слинкино, что ныне усадище Егорьевское». Она сразу же продала свою часть племяннику Николаю Андреевичу Вындомскому. Приводится текст прошения А.М. Вындомского об отказе за ним имения отца от 1 июня 1792 года: «Состоит за мною во Псковском наместничестве в Опочецкой округе в Егорьевской губе бесспорно отмежеванное движимое и недвижимое родителя моего покойного генерал-майора Максима Дмитриевича Вындомского имение... седьмая часть родительницы моей, село Егорьевское с деревнями, по купчей же писанной в Санктпетербургской крепостной конторе в прошлом 1777 году от подполковника Николая Андреева сына Вындомского». Из этого следует, что земли усадьбы Тригорское принадлежат А.М. Вындомскому с 1777 года, и с этого времени возможно начало обустройства усадьбы Тригорское.

¹ Ступина Е.А. К истории Тригорского: Вындомские и их недвижимость во второй половине XVIII века. По документам Государственного архива Псковской области // Михайловская пушкиниана. Вып. 107. Сельцо Михайловское, 2025. С. 25–41.

В соответствии с исповедными росписями² активные строительные работы могли вестись в Тригорском после 1780 года. Время появления усадебного дома можно отнести к промежутку с 1780 по 1792 год. Знание времени появления Дома Вындомских может быть использовано при работе в архивах при поисках материалов о доме или подобных господских домах этого времени. Е.А. Ступиной исследовано, что до 1762 года на месте усадьбы Тригорское находился сложившийся центр управления дворцовыми Воронежскими волостями: «Мы знаем, что на пустоши Слинкиной, которая позже стала усадьбой Тригорское, к 1762 году был построен «вновь» «управительской дом», была там колодничья изба, и, надо думать, другие необходимые для управления дворцовыми волостями постройки, которые отошли М.Д. Вындомскому вместе с пожалованными землями и крестьянами, и в отказных книгах 1771 года именовались уже «усадьба Егорьевское, с имеющимся... господским строением». Остается открытым вопрос, что изображено на межевом плане 1784 года — этот оставшийся от времен дворцовых волостей управительский комплекс или уже перестроенные или вновь выстроенные Вындомскими постройки новой усадьбы? ...Но что именно и когда в ней появилось по воле А.М. Вындомского, предстоит еще выяснить».

Действительно, пока неизвестно, на каком из фундаментов был построен или перестроен дом, в котором обитатели Тригорского жили вплоть до начала 1820-х годов. Но был ли Дом Вындомских перестроен из ранее находившихся здесь построек или выстроен заново, не столь принципиально.

Построенный в 1949 году Дом-музей А.С. Пушкина в Михайловском является признанным успешным опытом воссоздания утраченных мемориальных построек. И воссоздан он на месте ранее бывших здесь домов и их фундаментов (мемориального дома, дома Г.А. Пушкина, дома времен Колонии литераторов и дома 1937 года), возможно, измененных при перестройках и пострадавших при пожарах и особенно в годы Великой Отечественной войны при освобождении Михайловского.

Известно, что к 1792 году, когда А.М. Вындомский постоянно живет в Тригорском, господский дом уже существовал — в нем жила семья,

² Новиков Н.С. «...Русский барин — и винокур, и хлебосол» // Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007. С. 83–84.

находились известные нам библиотека и картины. И в звезду на воротах этого дома, гуляя с Вульфом по Тригорскому парку, стрелял Пушкин: «По другой стороне пруда стоял именно тот старый дом, который более 30 лет ждал перестройки, и, не дождавшись, сгорел; близ него — как рассказывает Алексей Николаевич — он, вместе с поэтом, бывало, многие часы тем и занимаются, что хлопают из пистолетов Лепажа в звезду, нарисованную на воротах»³.

Место расположения Дома Вындомских определено межевым планом 1784 года и результатами археологических исследований⁴: «На вершине среднего холма изучались остатки первого главного усадебного дома Вындомских... Были определены размеры дома в плане — 14,1 × 14,35 м. Судя по рельефу, постройка делилась на четыре помещения с печами, с продольным коридором... Не исключено, что нижний этаж был каменным. При Пушкине дом еще существовал. Его расположение следует признать особенно удачным в ландшафтной и парковой среде... Очевидно, здание имело форму куба... По бокам главного дома располагались образующие каре двора флигеля». Флигель к югу от главного дома имел размеры 36 × 9,6 м. Противоположный флигель имел размеры 34 × 9,6 м и пристройку размером 9,5 × 11 м. Судя по найденным фрагментам гладких изразцов и битой посуде, флигеля были жилыми.

В работе В.А. Агальцовой⁵ фундаменты в парке Тригорского отмечаются как место усадебного дома: «Этот дом с флигелями и службами становится организующей доминантой всего усадебного комплекса».

Не вызывает сомнения существование Дома Вындомских и место его расположения. Главным и значимым затруднением при воссоздании является отсутствие архивных данных о том, как он выглядел.

В предложениях комиссии Академии наук СССР, работавшей в Пушкинских Горах в апреле 1945 года под руководством А.В. Щусева, предложено «восстановить дом А.С. Пушкина, для чего составить

³ См.: *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское.

⁴ *Бирюков Ю.Б.* Итоги исследования археологических построек усадьбы Тригорское // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. Тригорский сборник. Пушкинские Горы, 1998. С. 19–21.

⁵ *Агальцова В.А.* О восстановлении и реконструкции парка в усадьбе Тригорское музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» // Лесной вестник. 1998. № 4.

проект со сметой его восстановления по сохранившимся фундаментам, рисунку усадьбы поэта, сделанному псковским землемером И. Ивановым в 1837 году, и воспоминаниям современников»⁶.

Фундаменты михайловского мемориального дома могли изменяться. Из воспоминаний действительно значимы только воспоминания И.И. Пущина, касающиеся описания кабинета Пушкина. Рисунок И. Иванова, сделанный в 1837 году, схематичен, на нем виден только южный фасад дома; изображение дома может отличаться от изображения мемориального пушкинского дома ввиду ремонта, проведенного там родителями поэта в 1829 году. При восстановлении крестьянских построек на территории усадьбы была использована типология. Всё это не помешало воссозданию Дома-музея и комплекса хозяйственных построек в Михайловском.

Наиболее обоснованным в этом отношении является опыт воссоздания Дома-музея Вульфов и Осиповых в Тригорском, когда были известны фотографии дома конца XIX — начала XX века, планы внутреннего его устройства, фотографии интерьеров. Интересен опыт воссоздания Георгиевской церкви, когда уточнения в проект воссоздания были внесены после проведенных археологических раскопок. Воссоздание усадебных построек в музее-усадьбе «Петровское» также является позитивным примером формирования мемориального пространства усадьбы.

Интересно, на чем основывался С.С. Гейченко, думая о воссоздании усадьбы Воскресенское?

Фундаменты Дома Вындомских сохранены и достоверны в части места их расположения, но должны быть дополнительно исследованы; практически отсутствуют воспоминания современников, рисунок Пушкина недостаточно информативен.

Является ли это препятствием к его воссозданию? Возможно ли использование типологии?

Критерии возможности воссоздания Дома-музея в Михайловском в основном приемлемы для воссоздания Дома Вындомских в Тригорском.

⁶ Кушниренко В. Академик Щусев в истории возрождения Пушкинского Заповедника в Михайловском // Блокнот — Молдова: сайт. Публ. 9.09.2024 [Электронный ресурс: <https://bloknot-moldova.ru/news/akademik-shchusev-v-istorii-vozhrozheniya-pushkins-1771380?ysclid=mlq6fnfxz621007070t>].

Главной мотивацией в пользу воссоздания Дома является то, что первые впечатления А.С. Пушкина летом 1817 года связаны со старым господским домом, где тогда жила П.А. Осипова со своей семьей. Именно тогда был сделан выбор Пушкиным Тригорского, окруженного множеством дворянских усадеб, с владельцами которых были дружны родители поэта, сделавшего его «поклонником свободы, веселья, граций и ума». В статье⁷ приводится мнение, что «в 1817 году новый дом еще отсутствовал, поэтому поэтические локации «липовые своды» и «скат тригорского холма» соотносятся с площадкой перед старым домом А.М. Вындомского. Третья глава романа «Евгений Онегин» написана в Одессе, но над строфами XXXII–XLI поэт работает в сентябре 1824 года в Михайловском⁸, когда он часто бывает в Тригорском. В работе В.Ю. Козмина⁹ приводятся сведения о том, что исследователь рукописей Пушкина С.А. Фомичев пришел к выводу: «Строфы... XVIII–XXI, а также последующие строфы (до XXVIII включительно) были дописаны... в Михайловском». И хотя традиционно «Домом Лариных» считается господский дом в «полотняной фабрике», домом, «с крыльца во двор и прямо в сад» которого прыгнула Татьяна, видится старый господский дом. Связь Дома Вындомских с творчеством Пушкина несомненна и должна быть отражена в музейном пространстве музея-усадьбы «Тригорское».

Археологические исследования территории усадьбы «Тригорское» подтверждают наличие десятков фундаментов строений XVIII–XX веков. После выявления фундаментов XVIII — первой трети XIX веков представляется целесообразным их воссоздание — с тем, чтобы приблизить облик усадьбы к мемориальному пушкинскому периоду.

Значительное увеличение туристического потока показало невозможность приема туристов только в Доме-музее Вульфов и Осиповых (возможности Дома-музея ограничены его пропускной способностью) и необходимость появления в музее-усадьбе дополнительных объектов экскурсионного показа, выставочных и концертных залов, мест проведения просветительных программ.

⁷ Козмин В.Ю. Литературная топография Тригорского // Пушкин в культуре: к 225-летию со дня рождения. Псков, 2025. С. 132.

⁸ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Л., 1991. С. 455.

⁹ Козмин В.Ю. «...А было мне тринадцать лет» (Из комментариев к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Пушкин в культуре: к 225-летию со дня рождения. С. 13.

Главной целью экспозиции предполагаемого к созданию в Доме Вындомских музея романа «Евгений Онегин» может быть раскрытие жизненных реалий жизни михайловского и тригорского периода, отраженных в романе «Евгений Онегин».

В экспозиции могут быть раскрыты следующие темы:

- дом А.М. Вындомского в рисунках Пушкина, археологических исследованиях, письмах и воспоминаниях;
- семейство Лариных и Вындомские — Вульфы — Осиповы (узнаваемые черты друзей Пушкина в главных героях романа);
- деревенское окружение Пушкина — Рокотовы, Пущины, Шелгуновы... в образах гостей на именинах Татьяны Лариной.

Возможно воссоздание кабинета Онегина и залы господского дома по тексту романа.

Безусловно, подход к воссозданию мемориального объекта должен быть обоснованным, осторожным и взвешенным.

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ФОТОГРАФИИ А.К. КРАСУСКОГО
(К ПУШКИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
«МИХАЙЛОВСКОЕ»)**

Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь не знакома,
Где можно в праздник отдохнуть!

А.С. Пушкин. Послание к Юдину. 1815

Имя Александра Константиновича Красуского (1854 — после 1908) хорошо известно в Пушкинском Заповеднике. По его фотографиям были восстановлены такие объекты, как: часовня в Савкине, часовня на месте явления Богородицы св. блаженному Тимофею, дома и малая архитектура садово-паркового комплекса музея-усадьбы «Петровское». Фото его работы послужили для воссоздания уголков парка усадьбы «Михайловское» и его окрестностей, использовались в период реконструкции музея «Мельница в Бугрове» (2000–2007) для проектирования крестьянских построек и уточнения расположения плотины и дороги в Бугрово через речку Луговку. Наиболее полный обзор работ этого автора опубликован в статье Е.А. Ступиной¹. Но потенциал его фотографий не до конца использован — еще возможны открытия и уточнения, и в особенности это касается жанровых фотографий, три из которых, ранее не опубликованных, будут рассмотрены в этой статье.

Красуский работал в разных жанрах: портрет, пейзаж, документальная фотография, архитектура, а также жанровая фотография. Это фотография с определенным сюжетом, создаваемая для передачи жизненных эпизодов и картин быта. Для их создания нужен авторский взгляд, что в полной мере демонстрируют рассматриваемые фотографии

¹ *Ступина Е.А.* Александр Константинович Красуский: к биографии автора фотографий из собрания Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 76. Сельцо Михайловское, 2019. С. 200–235.

А.К. Красуского. Все они практически одного размера: 127 × 178 мм (кадр 117 × 170 мм), 177 × 128 мм (кадр 169 × 118 мм) и 175 × 126 мм (кадр 172 × 118 мм).

Рассмотрим первое (*см. с. 135*).

Постановочное профессиональное фото, фотобумага, серебряно-желатиновый отпечаток, 175 × 126 мм, кадр 172 × 118 мм, черно-белый, начало XX века (до 1908 года).

Изображает группу детей из деревни Носово Опочецкого уезда Псковской губернии, идущих лесной дорогой. Запечатлены восемь детей 7–14 лет, которые представлены тремя группами. На первом плане в центре композиции самая высокая девочка в полосатой юбке, лет 12–13, одета в кофту до талии («казачок»), полосатую юбку или сарафанчик с надставленным воланом внизу. На ногах темная мягкая обувь, возможно, чуни или лапти. На голове светлый платок, подвязанный под подбородком, волосы зачесаны назад и собраны, вероятно, в косу. Взгляд сосредоточенный, глаза опущены вниз, выглядит скованно, возможно, из-за того, что правой рукой обнимает стоящую рядом подружку. В левой руке — светлая, вероятно, холщовая сумка, которую она прижимает к груди.

Вторая девочка стоит рядом, обернувшись назад, лица не видно. Подразумевается, что девочки шли, обнявшись, но вторая резко развернулась назад. При этом она не отпускает первую, обхватив ее левой рукой в районе талии. Одета в длинный, ниже колен, балахон, сарафан (либо юбку) со светлым передником («запоном»), украшенным по низу тесьмой, на голове светлый платок. У нее такая же сумка на лямках через плечо, на ногах либо кожаные полусапожки, либо поршни с узким носком. Эту группу возглавляет широко шагающий мальчик, лет шести, его фигура находится не в зоне резкости, поэтому есть небольшой эффект размытости изображения. Он одет в большой, с чужого плеча, кафтан и широкие порты. На ногах онучи с оборами и чуни, плетенные из веревочек. На груди квадратная холщовая сумка на лямках. Головной убор он держит в правой руке, поднятой над головой в знак приветствия. Прическа короткая, его волосы только начали отрастать. Мы знаем, что младших мальчиков часто полностью обривали летом из гигиенических соображений.

На втором плане — группа также из трех детей, мальчиков. Двое из них, как девочки на первом плане, находятся в телесном контакте, положив левые руки друг другу на плечи. В правых руках у обоих палочки,

которыми они весело размахивают, по-видимому, сражаясь ими. Одеты они в серые кафтаны длиной до колен, порты, на голове картузы. Один мальчик обут в лапти с онучами, а другой в поршни или чуни, виднеющиеся под брючинами. Третий мальчик в стороне присел, опершись на колени руками и отвернувшись. Он одет в белый балахон, брюки, на голове картуз, за спиной сумка на лямках.

Композиция этой постановочной фотографии тщательно разработана автором. Видна явная завязка первого и второго плана, прослеживается идея постепенного перехода взгляда зрителя через фигуры оборачивающихся детей к третьему, дальнему плану. Это похоже на переключку участников похода, которые аугаются, чтобы не потерять единства группы.

На третьем плане мы видим стоящего последним крупного мальчика и рядом маленькую, улыбающуюся девочку. Мальчик, видимо, старший, не принимает участия в игре, а наблюдает за порядком, заложив руки за спину. Одет в серый армячок и темные брюки, на голове картуз, через плечо белая сумка. Догоняющая остальных детей девочка одета в темный балахон, на голове белый платок, холщовая сумка через правое плечо.

Дети идут через местный хвойный лес с довольно буйной растительностью внизу. Судя по их одежде, это может быть ранняя осень. Со слов владелицы фото, ее бабушка, уроженка деревни Носово, вместе с другими детьми ходила в школу на Ворониче. На обратной дороге через лес их увидел пожилой барин из усадьбы Дериглазово и попросил позировать. Владельцы Дериглазова², как Ганнибалы и Пушкины, были прихожанами Воскресенской церкви на Ворониче, также и крестьяне окрестных деревень, а их дети, вероятно, ходили туда в школу. До революции почти в каждом приходе была церковно-приходская школа, четырех- или шестилетняя. Уроженец Опочецкого уезда Воронежской волости Владимир Федорович Волков 1898 года рождения писал: «До восьми лет жил, как все крестьянские мальчишки, на положении детей поля и улиц. В восемь лет был отдан в ближайшую святогорскую школу и учился в ней шесть лет»³. Школа при монастыре была открыта в 1885 году, в специально построенном для этого благоустроенном деревянном зда-

² Розов Н.Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Дериглазово. Кн. 2. Великие Луки, 2011. С. 197.

³ Михайлова Е.А. Руководители «Пушкинского уголка» в 1923–1925 годах // Михайловская пушкиниана. Вып. 68. Сельцо Михайловское, 2016. С. 140.

нии, с одновременным обучением и проживанием там 30–40 детей⁴. Школы в то время обычно начинали работу в сентябре, а на фото как раз изображена ранняя осень. Правда, возникает вопрос, почему дети ходили в Вороничскую школу, когда в самой усадьбе Дериглазово была школа. По воспоминаниям В.Д. Шелгуновой (Лачиновой): «И мы... шли крестным ходом до нашего имения, и там служился молебен и в доме, и в школе, и на семейной (дом для рабочих), и даже на скотном дворе, и все надворные постройки окроплялись святой водой»⁵. Может быть, здесь допущена абберрация памяти владельца фотографии, и дети шли из деревни Носово в школу в Дериглазове? Это вполне возможно. А после того, как усадьба была уничтожена в 1918 году⁶, дети стали ходить в школу на Ворониче.

Фото это постановочное, но производит впечатление живой, непосредственной картины. Видимо, Красуский долго наблюдал за детьми, прежде чем сделать этот снимок, который хорошо иллюстрирует рассказ из воспоминаний Веры Дмитриевны Шелгуновой (Лачиновой)⁷:

«...Поля, холмы, леса — то хвойные, где так чудесно было осенью собирать рыжики, то березовые рощи, где весной цвели целыми полянами душистые ландыши и где, набирая их большими охапками, всегда можно было спросить кукушку, сколько лет жизни или счастья еще осталось; озера, окруженные лесами, то большие, в несколько верст, то совсем крохотные, — вот природа тех мест⁸.

...Испокон веков повелось, что в воскресенье ребята соседней деревни получают по леденцу и прянику, но необходимым условием было, чтобы все Матреши, Вани, Акули были с чистыми мордашками и ручонками. И вот после завтрака идем мы целой компанией в лес, а там уже ждут умытые рожицы. «С утра раннего, барышни, уже ждут», — говорили бабы»⁹.

⁴ *Иоанн, игумен*. Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии. М., 2003. С. 76.

⁵ *Шелгунова В.Д.* Пушкинские места в 1990-х годах // Михайловская пушкиниана. Вып. 59. Сельцо Михайловское, 2013. С. 135.

⁶ Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). № 302 коп./док. С. 277–278 (л. 147).

⁷ Опубликовано в Париже в 1937 году в: Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Вып. 63. С. 242–244.

⁸ *Шелгунова В.Д.* Пушкинские места в 1990-х годах. С. 135.

⁹ Там же. С. 143.

Фото также может послужить иллюстрацией к статьям энциклопедии «Михайловское» — раздела «Бугрово» и раздела «Усадьбы».

Второе фото (*см. с. 139*) представляет сценку веселья детей.

Постановочное фото, фотобумага, серебряно-желатиновый отпечаток, черно-белый, 127 × 178 мм, кадр 117 × 170 мм, начало XX века (до 1908 года).

Сцена либо снята в «высоком ключе», либо же это фото находилось на свету долгое время — возможно, украшало интерьер дома — и поэтому выцвело. На фото на фоне бревенчатого дома на каменном фундаменте мы видим семерых детей, участвующих в празднике. На первом плане — танцующие девочка и мальчик, пустившийся вприсядку. Мальчик, делающий «коленце», изображен в профиль, одет в серый кафтанчик, брюки, заправленные в высокие сапоги. Одну руку он положил на талию, другую поднял вверх, держа в ней свой головной убор. Напротив улыбающаяся девочка, развернувшаяся в три четверти, одетая в темную рубашку (возможно, красную), рукава которой присборены у широких манжет, вероятно, на пуговицах. Серый (возможно, голубой) сарафан почти полностью закрыт светлым «запоном с грудкой» (туникообразным передником), традиционным для псковской девушки XIX — начала XX века¹⁰. Одну руку она подняла вверх, взмахнув светлым головным убором, другой подбоченилась. На ногах,двигающихся в плясовом движении, сапожки.

На втором плане мы видим в центре также мальчика и девочку. Подросток в центре, играющий на скрипке, одет в бешмет, брюки, заправленные в сапоги, на голове картуз с козырьком. С ним рядом стоит девушка, одетая в светлую из клетчатой (?) ткани рубашку с пышными рукавами со сборками у запястья. Низ рубахи с цветными оборками, сарафан и сверху «запон с грудкой» с карманом сбоку. Одну руку она положила на талию, другую — на локоть водящего смычком мальчика. По сторонам от них две фигуры: танцующего белобрысого мальчика в темном костюмчике с поднятой левой ногой и рукой, в которой головной убор, а с другой стороны — босой девочки, стоящей подбоченясь. Девочка одета в полосатую юбочку, рубашку с пышными рукавами, светлую душегрею на лямках не по фигуре и темный платочек.

Это Евдокия Матвеевна Матвеева 1900 года рождения, бабушка владелицы фотографии. Она родилась в бедной крестьянской семье 14 марта 1900 года, умерла 3 декабря 1977 года, всю жизнь проживала в деревне Носово. На фото Евдокии лет семь.

¹⁰ Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998. С. 89.

На третьем плане изображен мальчик в темной одежде, сидящий на козлах и играющий на дудочке.

Фото может быть интересно для иллюстрации энциклопедии «Михайловское» (раздел «Бугрово», к статьям «Жилище», «Одежда», «Праздники», «Игры», «Гудок»).

Третье фото (*см. с. 140*) — постановочное, но с большим элементом документальности. Этот черно-белый снимок наиболее сохранился. Фотобумага, серебряно-желатиновый отпечаток, 177 × 128 мм, кадр — 169 × 118 мм, начало XX века.

На фото, по словам владелицы, изображен момент игры в войну, возможно, «взятия крепости» из кучи расколотых дров, которую штурмуют одиннадцать мальчишек. Они изображены в разных позах и ракурсах, некоторые детали фигур смазаны, вероятно, из-за быстрого движения бойцов, одетых в подпоясанные плетеными поясами с кистями рубашки разных цветов и порты. Головные уборы разные, в основном картузы, но встречаются и валяная шапка, и соломенная шляпа. Двое мальчишек из нижнего ряда помогают встать упавшему, остальные карабкаются наверх. А наверху, на фоне облачного неба, с развевающимся флагом и палками в руках еще четыре мальчика. В центре — самый взрослый, очевидно, вожак, одет в верхнюю одежду, темную рубаху-косоворотку с вышитым воротом, подпоясан широким солдатским ремнем

с прыжкой. Возможно, он из другой социальной группы — ведь могло быть так, что ребенок из дворянской семьи, как Петруша Гринев, «жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками». Во многих народных играх принимали участие представители разных сословий, включая духовное и привилегированное общество. Даже сельские батюшки принимали участие в уличных мужских играх — рюхи, бабки, лапта и прочие¹¹. По словам владелицы фото, на нем также изображен брат Евдокии Матвеевны.

Фото может послужить иллюстрацией к разделу энциклопедии «Михайловское» «Игры». К примеру, была такая игра «С леса на лес»¹², при которой специально выбирается место, где много наваленного леса, бревен или досок. Кто-нибудь из игроков, по желанию или жребию, остается на земле водить, а остальные становятся на лесины, дрова или подобное, на которых их ловить нельзя по условиям игры. В процессе игры участники спрыгивают на землю и снова забираются или перебегают на другие лесины, а водящий старается их поймать.

В Пушкинском Заповеднике хранятся четыре фотографии Красуского, датированные 1906–1907 годами: «Михайловское. Мостик в парке», «Савкина горка», «Дорога у Маленца» и «Дом в Петровском»¹³. Хотелось бы пополнить коллекцию еще и этими фотографиями, но их владелица, Ольга Евгеньевна, не спешит расставаться с дорогими предметами, связанными с памятью о бабушке. По ее словам, «отец ее [бабушки] рано погиб, и мать одна растила детей, поэтому часто обращалась за помощью к дериглазовской барыне, а та отдавала ей старые вещи. Летом дети за деньги собирали землянику в лесу. По словам бабушки, барин любил фотографировать детей. А барыня приезжала в Носово и отдавала фотографии тем детям, которые принимали участие в фотосъемке». Так что, возможно, есть еще фотографии у потомков этих детей, нужно продолжать поиски. Со временем, надеюсь, все они займут достойное место в научном фонде Пушкинского Заповедника как иллюстрации той самой «пушкинской деревни».

¹¹ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки церковной этнографии. СПб., 2005. С. 378, 417.

¹² Русские игры для всех возрастов / сост. Н. Будур и И. Панкеев. М., 1999. С. 117.

¹³ *Плотникова Д.С.* «Пушкинский уголок»: из истории хранения культурных ценностей и создания музейных экспозиций в 1920-е годы // Михайловская пушкиниана. Сельцо Михайловское, 2016. Вып. 68. С. 153.

АЛТУН. 1918—1920 ГОДЫ

*По материалам Государственного архива
Псковской области (ГАПО)*

Алтун — усадьба княжеского рода Львовых, расположенная на живописном берегу озера, принадлежавшая им более 200 лет. Усадьба славилась своим богатством — великолепным господским домом, роскошью его интерьеров, картинной галереей, а также непривычными по тем временам удобствами — центральным отоплением, водопроводом, сантехникой, электричеством. Парк был разбит в английском стиле и украшен всевозможными парковыми затеями. Усадьба имела добротные хозяйственные постройки, конюшни и псарни. В начале XX века в имении работали винокуренный, кирпичный и черепичный заводы, ветряная и нефтяная мельницы, конный завод, в имении было развитое скотоводство и молочное хозяйство.

В 1917 году имение было покинуто хозяевами и, по многим сведениям, разорено. Но примечательна история о защите имения местными мужиками. Эта история хорошо описана в книге Владимира Федорова «Алтун заповедный».

Далее многие источники говорят о том, что усадьба была заброшена и господский дом пустовал в течение трех лет. Сведений нет, кроме одной публикации в «Псковском набате» 19 декабря 1920 года об открытии в Алтуне сельскохозяйственного техникума.

Однако это не так. С 1917 года в имении шла бурная жизнь. Усадьбу занимали несколько организаций, принадлежавших разным ведомствам, что добавляло драматизма в попытки построения взаимовыгодных отношений и определения границ ответственности «квартиросъемщиков».

Нефтяная мельница

По всей вероятности, первые удачные или неудачные попытки разграбления усадьбы были всё же пресечены, и хозяйство имения было принято новой советской властью. Об этом мы можем судить по сохранившемуся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) Акту

Алтунский замок

Нефтяная мельница

обследования алтунской мельницы. Датируется он 17 декабря 1918 года. Осмотр и опись имущества нефтяной мельницы производили инженер экономического отдела Петр Кудров, делопроизводитель подотдела производства Лев Минин, механик Павел Королев и мельник Карл Тамберг. По решению Псковского губернского совнархоза алтунская мельница, винокуренный и пивоваренный завод были переданы в ведение экономического отдела Новоржевского уездного совета в подотдел производства (ссылка на это решение есть в документах мельницы). По подробной описи с параллельной оценкой имущества можно судить о том, что хозяйство мельницы не было разграблено, а мельница находилась в неидеальном, но вполне рабочем состоянии.

Нефтяная (в некоторых источниках значится как паровая) мельница находилась на берегу пруда у дороги Святые Горы — Новоржев в кирпичном здании (сейчас остались лишь камни фундамента). На этой мельнице при Львовых мололи зерно крестьяне¹. При мельнице, в одном здании, имелось по описи жилое помещение, состоящее из двух комнат, кухни, прихожей и кладовой. Однако замечание, что крыша крыта наполовину, и другие обнаруженные документы дают право сомневаться в том, что оно было пригодно для использования (либо, если же это и использовалось, то вряд ли по прямому назначению).

С 1918 года в Алтуне работает почтовое отделение, общество потребителей, и появляется еще один хозяин: начинает работу Алтунский сельскохозяйственный учительский институт (именно так он именуется в переписке инстанций — в отличие от статьи 1920 года, где он упоминается как техникум). И именно между институтом и мельницей начинается противостояние.

Алтунский сельскохозяйственный учительский институт и страсти по механику Соловьеву

27 февраля 1919 года механик алтунской мельницы Соловьев написал письмо в Новоржевский уездный экономический отдел:

«Так как помещение, в котором я живу с семьей, необходимо для какой-то надобности Алтунскому Сельско-Хозяйственному Учительскому Институту, а потому прошу Экономический Отдел сделать надле-

¹ *Петров А.В.* Сельцо Алтун и его музей // Михайловская пушкиниана. Вып. 41. Сельцо Михайловское ; Псков, 2006. С. 110.

жащее распоряжение об отводе жилого помещения для меня или оставить меня на квартире, занимаемой мною в настоящее время.

При этом присовокупляю, Сельско-Хозяйственный Учительский Институт настоятельно требует, чтобы я покинул свою квартиру и удалился бы из села неизвестно куда именно. Я хотел было переехать ближе к мельнице и поселиться в одном из помещений, принадлежащих Почтовому Ведомству, но по наведенным справкам делопроизводителем подотдела Производства Почтовое Ведомство категорически отказало. Следовательно, я остался в критическом положении, а также в свою очередь и понесет полный убыток то учреждение, в котором я состою на службе»².

Слесарь Соловьев знал, чем зацепить руководство — убытками учреждению с намеком, что работать высококвалифицированный сельский служащий без жилья не сможет и не будет! Этот факт сработал как детонатор, и началась битва инстанций за жилье механика Соловьева, чьим главным обидчиком являлся Алтунский сельскохозяйственный учительский институт, что занимал все главные здания имения.

В ответ «агрессору» от отдела производства полетело требование:

«Ввиду поступившего заявления механика Алтунской нефтяной мельницы Ф. Соловьева Экономический Отдел предлагает Вам не выселять механика без ведома того учреждения, в котором он служит, а также просит вообще не вмешиваться не в свои функции, дабы не подрывать промышленности, которая и так находится в жалком положении. В противном случае, если наше предложение не будет выполнено, то во всяком случае будем считать тех лиц как не подчиняющихся Советской власти и с такими лицами будут разбираться Высшие власти.

Вместе с тем сообщаем, что после сношения с Уездным Земским отделом Вам будет сообщено дополнительно»³.

Вероятно, в ответ на это письмо институтом были предприняты попытки обороны через вышестоящие инстанции. Четвертого марта 1918 года уже Новоржевский уездный земельный отдел пишет в экономический отдел:

«В ответ на отношение Эко[но]мтдела от 27 февраля с.г. за № 1202 на имя Алтунскаго Сельско-хозяйственного училища Уземотдел сообщает экономическому отделу, что слесарь Соловьев

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 65.

³ Там же.

выселяется из двухэтажного дома в им[ение] Алтун не по инициативе Коллегии Сельско-хозяйственного училища, а по предложению Уездной комиссии, которая была командирована в имение Алтун для обследования всех помещений, находящихся в им[ении] Алтун, причем с согласия вышеуказанного акта комиссии с указанного дома должны быть выселены не только семья Соловьева, а все семьи, в нем помещаемые, которым комиссией и было указано помещение для проживания, и все проживающие в доме семьи уже переселились за исключением Соловьева, почему в силу всего вышеизложенного Уезмотдел, признавая подобное распоряжение Экономического Отдела как Правительственного учреждения не допустимым по какому-то голословному заявлению слесаря Соловьева давать подобные распоряжения Алтунскому Сельско-хозяйственному училищу с угрозами и с подобными лицами будет поступать но по закону.

На основании всего вышеизложенного Уезмотдел просит Экономический Отдел сделать распоряжение слесарю Соловьеву об очищении им в семидневный срок со дня объявления занимаемой им квартиры, при неисполнении же сего Уезмотделом будет доведено до сведения Уездного Исполкома».

Резолюция на документе говорит о том, что слесарь Соловьев вызывается в президиум для объяснений, о чем Соловьева официально извещает отдел производства. Потерять квалифицированного работника экономического отдела не мог, поэтому обратился в Посадниковский волостной совет с требованием «срочно дать помещение для механика Алтунской нефтяной мельницы Соловьева, в противном случае мельница вынуждена будет стать окончательно. Желательно было бы выселить частную квартирантку из занимаемого ей помещения при обществе потребителей и поместить туда механика Соловьева».

Скорее всего, жилье всё же было выделено, т. к. слесарь Соловьев не покинул Алтун и продолжил работу на мельнице. Его фамилия фигурирует и в последующих документах мельницы.

Сражение с институтом было проиграно, но война института и экономического отдела продолжалась. Из экономического отдела мельнику направляются требования «никаких инструментов и мельничных принадлежностей Алтунскому техникуму не выдавать» и изъять у них опись мельничного имущества. Такое же требование посылается и в сам техникум (институт). Также идет полномасштабная битва документов за всё имущество винокуренного и пивоваренного заводов, которое

тоже принадлежит экономическому отделу, пресекаются попытки его изъятия другими претендентами.

Как долго мельница проработала, пока сложно сказать, но бумаги по работе мельницы встречаются до конца 1919 года — о передаче денег, вырученных за помол зерна, о выделении поперечной пилы для резки дров на мельнице. Упоминается мельница и в описи 1920 года.

Детская колония и Новоржевское огородное хозяйство

В 1920 году Учительский сельскохозяйственный институт был переведен в другое место, а его имущество по описи было передано детской колонии, которая была создана в Алтуне, и Новоржевскому огородному хозяйству Псковской губернской продовольственной комиссии Петроградского военного округа. Огородное хозяйство занималось производством и сбором провианта для армии.

Сохранилась опись передаваемых Огородному хозяйству зданий, даны пояснения по необходимому ремонту зданий и помещений.

К акту приложен рапорт заведующего Огородным хозяйством, из которого ясно, что остальные здания занимает Детская колония, которая подчиняется Новоржевскому отделу народного образования. Заведующий сетует на нехватку зданий и помещений, просит ходатайствовать о переводе Детской колонии в имение Бардово, где им готовы предоставить помещения.

«В настоящее время в колонии уже находится 30 чел. детей в возрасте от 12-ти лет, и в будущем будет прибавляться, то с их стороны возможны всякие ущербы по Огородному хозяйству, как то: поломка деревьев и порча посеянных продуктов, что и было... в нынешнем году»⁴. Заведующий Огородным хозяйством сетует, что лучшие помещения заняты колонией, а им достались помещения, в которых выбиты все стекла, негде разместить рабочих и канцелярию, негде готовить пищу.

В рапорте дается краткая опись всего имущества имения Алтун на 1920 год: три фруктовых сада, земли под огородом четыре десятины, пахоты 17 десятин, лугов 18 десятин, одно озеро, два пруда, три неисправных колодца. Из зданий — без всякой обстановки новый и старый барские дома, дом бывшего управляющего, сгоревший винокуренный

⁴ Акты передачи земель и построек села Алтун огородному хозяйству // ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 4.

завод, громадный спиртовой подвал с хранилищами спирта, дома для бывших акцизных чиновников, сарай, подвалы, конюшня для 30 лошадей с помещением для кучеров, оранжереи с помещениями для садовников и подвалами для овощей, птичник, скотный двор, амбар, гумно, паровая и ветряная мельницы.

Огородное хозяйство и детская колония просуществовали в Алтуне тоже совсем недолго. С 1926 года в Алтуне был открыт санаторий рабочих Московско-Белорусской железной дороги, а с 1937 года размещался Дом инвалидов. В годы Великой Отечественной войны при отступлении немецких войск в 1944 году был взорван дворец и сожжена ветряная мельница.

Сейчас в имении ведется уход за уцелевшими элементами усадебного парка, открыты гостиница и ресторан, валунные здания приспособляются под кустарное производство алкоголя, развивается индустрия гостеприимства. На Алтунском озере оборудован пляж, причал; озеро является излюбленным местом летнего отдыха для местных жителей и туристов.

Литература

Акт обследования Алтунской мельницы // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 65.

Акты передачи земель и построек села Алтун огородному хозяйству // ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 4.

Никифоров В.Г. Из истории сельца Алтун и его владельцев // В.Г. Никифоров. Земли родной минувшая судьба. История усадеб «Пушкинского уголка» и судьбы их обитателей / Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М., 2001. С. 35–48.

Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы / авт.-сост. Н.Г. Розов. Сельцо Михайловское ; Псков, 2008. С. 136–140.

Петров А.В. Сельцо Алтун и его музей // Михайловская пушкиниана. Вып. 41. Сельцо Михайловское ; Псков, 2006. С. 105–113.

Уездный город Н и его окрестности. Путеводитель по Новоржевскому району Псковской области. СПб., 2013. С. 48–68.

Федоров В. Алтун заповедный. Псков, 2016. С. 47–61.

Юрьева И.Ю. Забытые пушкинские усадьбы Псковской области // Русская усадьба. Вып. 1. М. ; Рыбинск, 1994. С. 113–115.

ИСТОРИЯ ВОДЯНОЙ МЕЛЬНИЦЫ В ДЕРЕВНЕ АМЕЛИНО НОВОРЖЕВСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. XX ВЕК

Водяные мельницы — это целый мир, где всё подчиняется особым правилам, законам, нормам, где научный подход соседствует с мифическими представлениями о сверхъестественных силах. Этот мир велик и прекрасен, звук работающей мельницы и шума воды завораживает. Роль мельницы и мельника во все времена была значительной — хлеб всегда считали святым, а мельника в народе уважали за мастерство, знания и умения, необходимые в мельничном деле. Мельник знал про мельницы всё — от определения места для мельницы до настройки мельничного оборудования.

По воле судьбы в 2020 году мне выпал случай стать хранителем бугровской мельницы, окунуться в этот огромный «мельничный омут». А в 2023 году от моей бабушки, Галины Васильевны Дмитриевой, я узнал, что мой прапрадед, Константин Васильевич Васильев 1899 года рождения, был мельником на мельнице в деревне Амелино Новоржевского района. «Бывают странные сближенья», — писал А.С. Пушкин. Так и история моей семьи, дело жизни моего деда нашли свое продолжение в моей работе в Пушкинском Заповеднике.

*Карта Ф.Ф. Шуберта (1872 год) с деревней Амелица (Амелино)
на берегу озера Милья*

Исторические сведения об амелинской мельнице интересны для осознания места мельницы в жизни крестьянина в XX веке. В истории бытования амелинской мельницы просматриваются общие исторические параллели с бугровской мельницей.

Документов о времени постройки мельницы найти не удалось. Однако, по воспоминаниям местных жителей, мельница работала уже в начале XX века. Ученик Выборской средней школы Новоржевского района Псковской области Андрей Климчук под руководством преподавателя Светланы Алексеевны Макаровой, учителя математики и физики, провел большую исследовательскую работу и написал доклад «Старая мельница» еще в 2008 году¹. В работу вошли воспоминания местных жителей, документы советского периода о мельницах в окрестностях деревни Выбор.

По воспоминаниям местных жителей мельница в деревне Амелино на реке Верхнице была построена до 1918 года. Иван Федорович Федоров 1918 года рождения вспоминал: «Первый мельник был из Прибалтики, местные жители называли его «чухонец», по имени Александр». Ольга Степановна Ефимова, также 1918 года рождения, рассказала, «что и сына мельника звали тоже Александр». На мельнице мололи зерно, а в другой половине чесали шерсть. После революции мельник, продав мельницу местному жителю Кондратию за золотые монеты, уехал из этих мест вместе с семьей и с Н.И. Цвеновым, священником из Выбора. Продавая мельницу, он приговаривал: «Я бегу, и ты побежишь»². Слова оказались пророческими — в 1930-е годы семья Кондратия была раскулачена и выслана. Об этом рассказала правнучка Кондратия Людмила Ивановна Ткаченко.

Такая судьба постигла практически всех мельников. После революции, в период коллективизации с 1928 по 1933 год мельники как крупные собственники, эксплуататоры чужого труда и притеснители бедноты были лишены избирательных прав и имущества, некоторые были выселены за пределы района или в Сибирь. Именно в это время был сослан в Сибирь и владелец бугровской мельницы Павел Кошелев.

¹ Старая мельница: исследовательская работа Андрея Владимировича Климчука, ученика Выборской средней общеобразовательной школы Новоржевского района (руководитель Светлана Алексеевна Макарова, учитель математики и физики). Рукопись. Материалы предоставлены С.А. Макаровой.

² Там же.

*Карта РККА. 1930 год. Деревня Амелино
со знаком водяной мельницы в виде шестеренки*

Мельница в Амелине по мощности схожа с мельницей в Бугрове. Их можно назвать малопроизводительными. Так, в Бугрове на речке Луговке в 1911–1912 годах числится мельница с разностью падения воды в одну сажень (одна сажень — 213 см), которая имеет две турбины по 10 лошадиных сил; при ней шерсточесалка³. На мельнице в Амелине разность падения воды в 1,5 аршина (1,5 аршина — 106,68 см), на одной турбине в пять лошадиных сил⁴. Про турбину есть пояснение — «своей работы».

С характеристиками «своей работы», «местного производства» мельницы в документах Псковской области встречаются часто. Эти турбины системы Жонваля производились на турбиностроительном заводе братьев Эдуарда и Альберта Тиме. Завод был вторым в России и вырабатывал турбины для мельниц, фабрик и электростанций. «Фирма

³ Сведения о количестве промышленных заведений, действующих при помощи водяной силы, в губернии. 7 декабря 1911 — 15 февраля 1912 года // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 366.

⁴ Там же.

братьев Тиме существовала с 1867 года, но особую известность стала приобретать после того, как в 1889 году, в добавление к уже существующей мельнице на реке Великой, оборудовали в селе Захино Опочецкого уезда турбиностроительный завод»⁵. Именно с появлением собственного турбиностроительного производства связано резкое увеличение количества водяных мельниц в уездах Псковской области. Этому способствовали относительно низкая цена на турбины, специальные кредиты банка, простота установки, обслуживания и эксплуатации, возможность использования этих турбин даже на маловодных реках.

В 1912 году для подготовки к Международной выставке Альберт Тиме издал рекламный буклет о заводе⁶, где подробно описывались преимущества турбины Жонваля, ее конструкция (где и как она монтировалась, как подавали воду на турбину, каким образом турбина приводила в движение жернова), стоимость турбины.

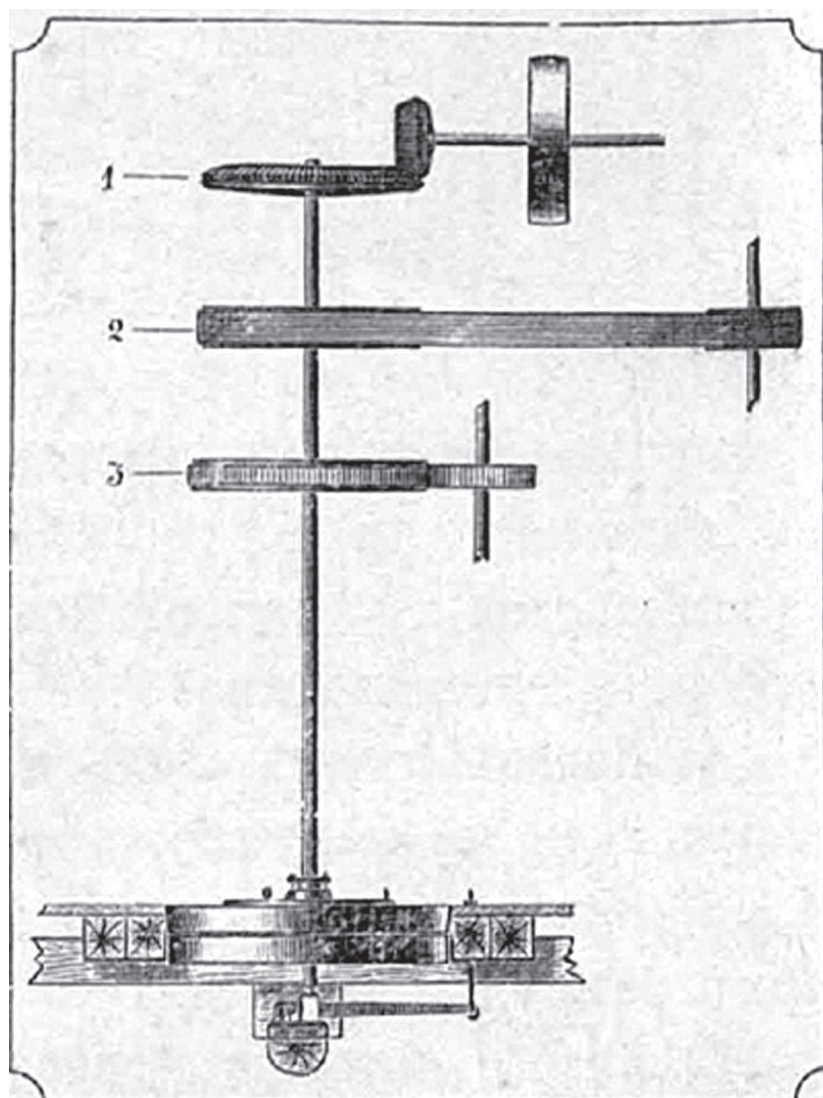
До конца XIX века в России для устройства водяных мельниц использовалась конструкция с водяным колесом. В конце XIX — начале XX века на смену им пришли водяные турбины. Турбины системы Жонваля обладали рядом преимуществ, которые делали их более предпочтительными, особенно в условиях, характерных для России.

В нашей местности часто встречаются небольшие перепады высот — от трех до десяти футов. При этом воды достаточно, и подтопы случаются нередко. Именно для таких условий турбины системы Жонваля подходят наилучшим образом. Они малочувствительны к подтопу, их установка и уход за ними крайне просты. При этом коэффициент полезного действия при малых падениях не уступает аналогичным характеристикам турбин других систем.

Стоимость замены колеса мельницы на турбину системы Жонваля составляла 2 250 рублей. Деньги немалые, но известны случаи, когда мельница, перестроенная на турбину системы Жонваля, окупала расходы в первый же год. Это происходило потому, что она вырабатывала больше продукции, чем прежде, и покрывала затраты на переустройство. А все остальные преимущества турбины оставались в плюсе.

⁵ Филимонов А. Турбиностроительный завод братьев Тиме и его судьба // «Хлебом царствуем!»: материалы проекта Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Сельцо Михайловское, 2020. С. 121–122.

⁶ См.: Тиме Альберт Альбертович. Турбиностроительный завод А. Тиме : гор. Опочка Псковской губ. Остров, [1912]. 45, [2] с. : ил., табл.

Кроме того, турбина Жонваля гораздо прочнее турбин других систем. При аккуратном обращении она могла служить более 20 лет без всякого ремонта.

Расчеты показывали, что турбина давала от 70 до 80 процентов полезного действия. Для сравнения, простое деревянное подливное колесо, если оно правильно устроено, дает всего 35 процентов полезного действия.

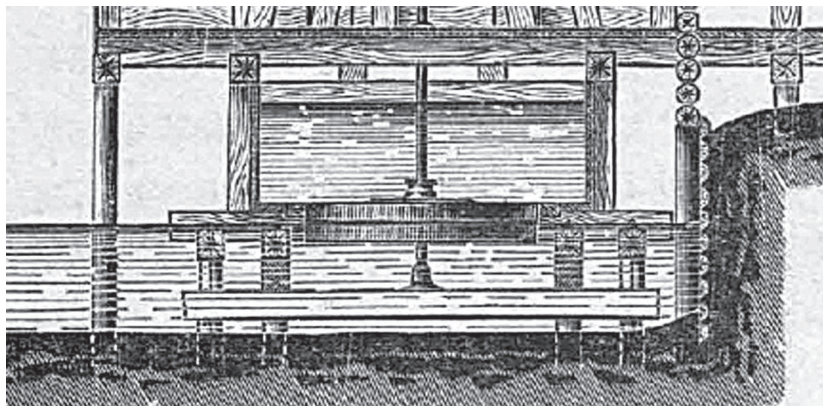
Еще один плюс турбины системы Жонваля — она не намерзает зимой. Она вращается быстро и позволяет избежать громоздкой передачи.

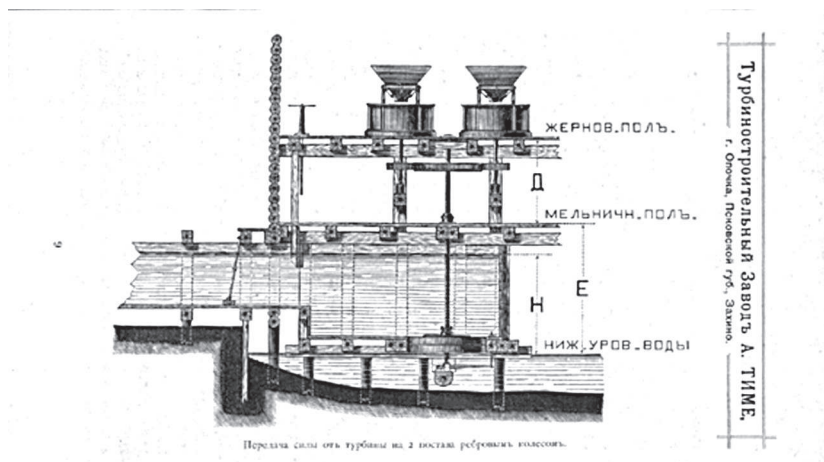
Турбина Жонваля состояла из двух горизонтальных колес, расположенных друг над другом. Верхнее колесо неподвижно и служит направляющим, нижнее — бегун.

Оба колеса имели изогнутые лопатки, расположенные по радиусу. Криволинейность лопаток бегуна противоположна форме лопаток направляющего колеса. Такая структура обеспечивала эффективную работу турбины.

Для установки турбины на месте водяных колес строили прочный дощатый ларь. Этот ларь соединялся со скрыней — отводным каналом, направляющим воду при перекрытии русла реки во время работы мельницы.

В полу ларя вырезали круглое отверстие, соответствующее диаметру турбины. В него вставляли и закрепляли направляющее колесо. Под ним размещался бегун, зафиксированный на вертикальном валу. Вал стоял на особом бакаутовом подпятнике. Подпятник помещают в чугунную коробку с плитой, оснащенной рычагом и винтом.

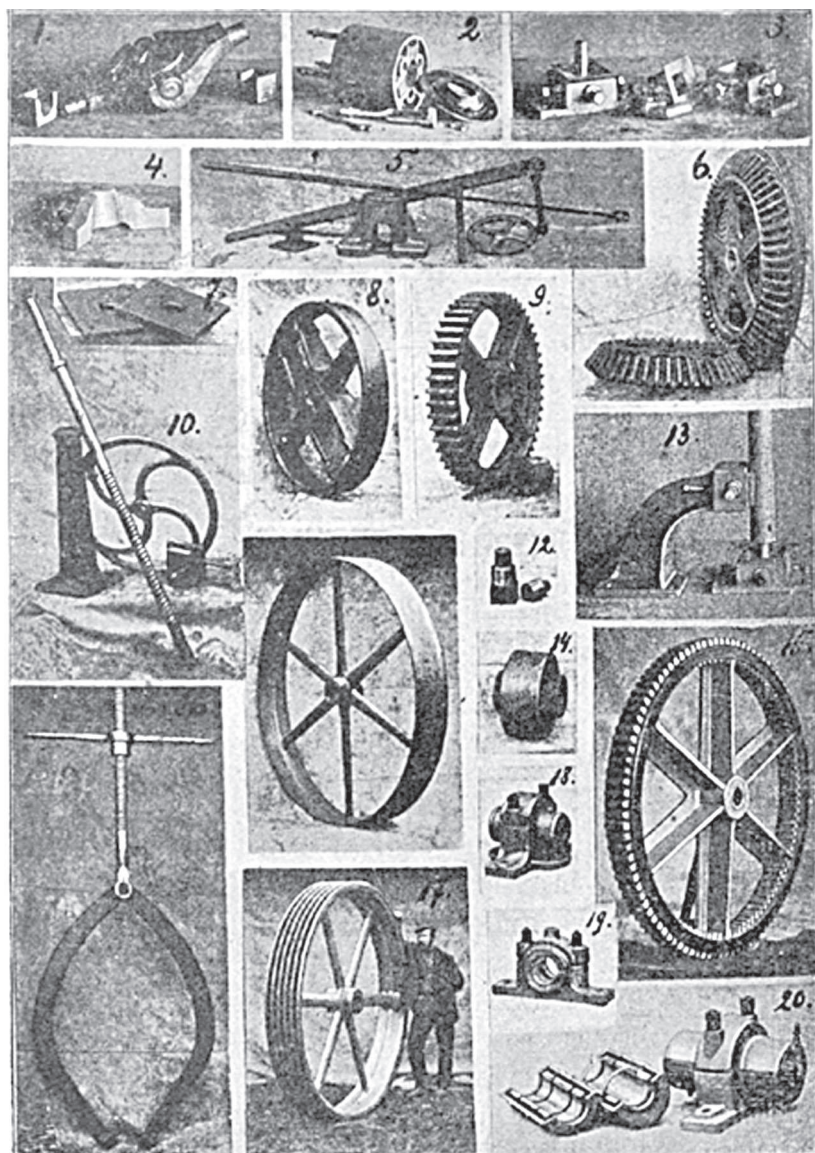
Вода для турбины подавалась так: когда плотину закрывали, вода из реки направлялась в специальный резервуар (скрыню). По каналу она поступала в ларь турбины. Затем вода проходила через лопатки верхнего колеса, приводя в движение бегун.

Для нормальной работы важно, чтобы скрыня была глубокой и широкой. Это позволяло воде свободно поступать в ларь и поддерживать одинаковый уровень воды в водоеме и ларе во время работы.

Сила от турбины передавалась на жернова через специальное колесо и шестерни. Жернова должны были стоять прямо над турбиной в мельничном амбаре. Но часто турбину ставили за стеной амбара, и тогда силу передавали на жернова с помощью горизонтальных ремней.

Кроме самих турбин на заводе братьев Тиме изготавливались мельничные принадлежности. В проспекте дан полный список с ценами. При необходимости завод предоставлял услуги не только по монтажу и ремонту оборудования, но и полной замене мельничного колеса на турбину.

Для замены мельничного колеса на турбину необходима была определенная мельничная система — подливное колесо и отводной канал (скрыня). Исходя из того, что к 1911 году на мельнице в Бугрове и в Амелине были установлены турбины, мельничная система к тому времени имела эти конструктивные особенности, либо мельницы были построены заново и сразу оснащены турбинами.

Мельница в Амелине работала до Великой Отечественной войны.

После войны мельница в Амелине была восстановлена и продолжала успешно работать. Согласно сведениям из Всесоюзной переписи мелкой промышленности, на первое января 1945 года «в деревне Амелино на реке Верхнице числится водяная мельница с турбиной, которая подчинялась колхозу «Красное Селюгино» Огородниковского сельского совета. Пропускная способность в сутки 10 центнеров»⁷.

В фондах архивного отдела администрации Новоржевского округа сохранились сведения о работе мельницы в деревне Амелино с 1953 по 1958 год, принадлежавшей сельскохозяйственной артели «Селюгино» Выборского сельского совета Новоржевского района Псковской области. В годовом отчете за 1953 год у артели в графе «Подсобные предприятия» числится всего мельниц — одна, водяных — одна. В 1955 году на мельнице планировался размол муки 75 центнеров, постоянно работающих колхозников — один человек, трудодней — 640. В 1956 году запланировано уже 750 центнеров муки. В 1957 году артель «Селюгино» от работы подсобных предприятий, в том числе и от мельницы, получила доход в сумме 14 490 рублей.

1 марта 1958 года на общем собрании членов колхоза «Селюгино» слушали доклад председателя колхоза И.М. Александрова о ремонте мельницы «Амелино». Собрание постановило: «Отремонтировать мельницу, на месте провести капитальный ремонт». В этом же году, 27 июля, собрание постановило: «Председателю колхоза Александрову И.М. подобрать рабочую силу по ремонту, сделать по всем правилам техники». Для этого в производственно-финансовом плане на 1958 год был запланирован капитальный ремонт мельницы. Работы были начаты 15 мая и завершены уже через месяц, 15 июня. Работникам была начислена 1 000 трудодней, для ремонта были закуплены материалы на 12 500 рублей.

В годовом отчете за 1958 год артель получила доходов от подсобных предприятий, в которые входили водяная мельница и три кузницы, 9 204 рубля.

На 1959 год в приходной-расходной смете было запланировано получить доход от подсобных предприятий, в том числе и от мельницы, 5 000 рублей.

⁷ Цит. по: Старая мельница: исследовательская работа...

Фамилия, имя, отчество главы семьи Васильев Константин Васильевич Дата вступления 1935

Член какого колхоза (индивидуальное хозяйство) Новая жизнь Специальная профессия

Поряд. №	Фамилия, имя, отчество (полностью)	Отношение к главе к. семье	Пол	Год в месяц рождения	Национальность	Гражданственность	Последующие изменения	В какой школе учиться в настоящее время	Опыт работы в учебе в 1944 г.	Опыт обр. населения в 1945 г.	С. П. И. С. О. К. Ч. Л. З.		
											10	11	
1	Васильев Константин В.		м.	1899	рус.							Специальность в сельском хозяйстве и вне сельского хозяйства	Место работы и в каком виде работает
2	Мария Лукич		ж.	1898	рус.								Место работы и в каком виде работает

Запись в похозяйственной книге

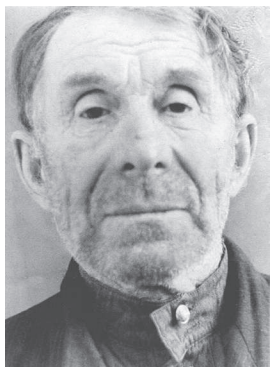
С 1944 по 1957 год мельником на мельнице в Амелине работал Константин Васильевич Васильев, 1899 года рождения, проживающий в деревне Байкино. Сведения об этом есть в похозяйственных книгах исполнительного комитета Выборского сельского совета депутатов трудящихся Новоржевского района Псковской области за 1944–1945 год. «Член колхоза Новая-жизнь с 1935 года, специальность в сельском хозяйстве и вне сельского хозяйства — мельник, место работы и в качестве кого работает — Амелино, мельник»⁸.

Семья у Константина Васильевича Васильева была большая — жена Мария Лукинична (1898 года рождения) и семеро детей: сыновья Иван Константинович (1920), Павел Константинович (1928), Александр Константинович (1932), Алексей Константинович (1940) и дочери Евдокия Константиновна (1925), Зинаида Константиновна (1930), Валентина Константиновна (1934).

Семья жила в деревне Байкино, неподалеку от деревни Амелино, в избе, которую построили в 1944 году. В 1945 году к ней пристроили хлев для скотины, в 1948 году — баню. 27 ноября 2021 года я вместе со своей бабушкой съездил в деревню Байкино, увидел сохранившийся дом моего прапрадеда, руинированные остатки водяной мельницы.

Последней хозяйкой этого дома была Анастасия Павловна Васильева, жена одного из сыновей моего прапрадеда Александра Константиновича. Но встретиться с Анастасией Павловной нам не удалось: ее к себе в Санкт-Петербург забрала дочь, а через год, в 2022-м, Анастасии Павловны не стало.

⁸ Похозяйственные книги исполнительного комитета Выборского сельского совета депутатов трудящихся Новоржевского района Псковской области за 1944–1945 год // Архивный отдел администрации Новоржевского муниципального округа. Ф. 88. Оп. 3. Д. 3, 7, 10, 14, 71.

*Мельник,
Константин Васильевич*

*Жена,
Мария Лукинична*

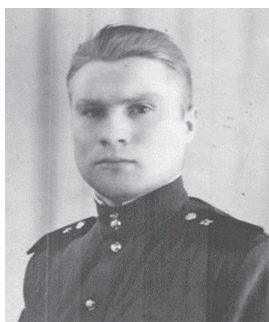
*Сын
Павел*

Дочь Зинаида

Сын Александр

Сын Алексей

Сын Иван

Дочь Евдокия

Дочь Валентина

Дом мельника в деревне Байкино

В этот день я посетил место бытования мельницы в деревне Аме-
лино, обнаружил остатки фундамента, место плотины и скрыню, по
которой поступала вода на турбину.

Руины мельницы, скрыни, плотины в Амелине

Литература

Сведения о количестве промышленных заведений, действующих при помощи водяной силы, в губернии. 7 декабря 1911 — 15 февраля 1912 года // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 366.

Сельскохозяйственная артель «Селюгино» Выборского сельского совета Новоржевского района Псковской области // Архивный отдел администрации Новоржевского муниципального округа. Архив 3. Д. 1, 3, 4, 6.

Похозяйственные книги исполнительного комитета Выборского сельского совета депутатов трудящихся Новоржевского района Псковской области за 1944–1945 годы // Архивный отдел администрации Новоржевского муниципального округа. Ф. 88. Оп. 3. Д. 3, 7, 10, 14, 71.

Старая мельница: исследовательская работа Андрея Владимировича Климчука, ученика Выборской средней общеобразовательной школы Новоржевского района (руководитель Светлана Алексеевна Макарова, учитель математики и физики). Рукопись. Материалы предоставлены С.А. Макаровой.

Тиме Альберт Альбертович. Турбиностроительный завод А. Тиме : гор. Опочка Псковской губ. / Тиме Альберт Альбертович. Остров: Типография Фуфаевой, [1912]. 45, [2] с. : ил., табл.

«Хлебом царствуем!»: материалы проекта Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Сельцо Михайловское, 2020.

**ЛИСТОВКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В КОЛЛЕКЦИИ
«ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»
ОСНОВНОГО ФОНДА ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА**

Документальный фонд Пушкинского Заповедника включает несколько коллекций. Одна из них — «Документы и воспоминания участников Великой Отечественной войны»¹. В основном это записи воспоминаний и очерки об оккупации и освобождении пушкинских мест участников освобождения и местных жителей. Также здесь имеются фотоматериалы об освобождении, об участии ветеранов в празднованиях 9 мая и памятных праздничных мероприятиях 12 июля — дня освобождения Пушкиногорского района от немцев. В этой коллекции хранятся вырезки из старых газет по военной теме, описания боевых путей воинских подразделений, военные карты, списки советских воинов, погибших при освобождении Пушкиногорского района, отчеты-воспоминания Федора Николаевича Минеева, председателя Совета ветеранов 12-й инженерно-саперной бригады, принимавшей участие в разминировании Пушкинского Заповедника, командира саперной роты в 1944 году, и Петра Михайловича Киманова, первого секретаря Пушкиногорского райкома партии в 1943–1944 годах, одного из руководителей местного подпольного и партизанского движения. Здесь же хранится рукописная опись музейного имущества, отправленного немцами из Михайловского в Германию в феврале 1943 года, сделанная управляющим музея в то время Кузьмой Афанасьевым.

Среди документов этой коллекции — листовки военного времени.

Советская листовка «Вернем Родине нашу национальную святыню...» с призывом освободить пушкинские места от фашистов датируется XX веком, без точного указания года². Но, судя по содержанию,

¹ Коллекция была представлена хранителем на XVII научно-музейных чтениях памяти С.С. Гейченко «...Дни мрачных бурь, дни горьких искушений». Культура в эпоху потрясений XX века» 13–16 февраля 2014 года. См.: Михайловская пушкиниана. Вып. 64. Сельцо Михайловское, 2015.

² №№ ПЗ-КП-4679/82-85-ДВОВ. В коллекции имеется четыре экземпляра листовки.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

**Вернем Родине нашу национальную святыню—
места, где жил Пушкин!**

ВОИНЫ НАШЕГО СОЕДИНЕНИЯ!

В своем стремительном наступлении, освобождая от немецко-фашистских захватчиков все новые и новые районы, громя ненавистного врага, уничтожая его и продвигаясь все дальше на Запад, мы теперь дошли до мест, особенно дорогих сердцу каждого советского человека.

Пушкинские Горы, село Михайловское, село Тригорское—эти места навеки связаны с бессмертной памятью великого русского национального поэта Пушкина.

Здесь на протяжении долгого времени жил поэт, здесь писал многие лучшие свои произведения, здесь покоится прах пламенного патриота земли русской.

Село Михайловское—родная усадьба Пушкина, где он часто жил, где особенно тесно соприкасался с народом. В селе Михайловском Пушкин провел, в частности, время с 1824 по 1826 год, здесь написал ряд глав романа «Евгений Онегин», трагедию «Борис Годунов», поэму «Цыганы» и другие замечательные произведения.

Хранит память о Пушкине и село Тригорское, где он часто бывал. Много-много раз дорога Михайловское—Тригорское видела Пушкина—задумчивого, погруженного в глубокую думу о любимой Родине, о народе русском.

Под стенами монастыря в Пушкинских Горах—могила поэта...

Навеки священны эти места для русского сердца.
Как любил их Пушкин!

*Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз,—писал поэт.*

Немцы надругались над памятью великого гения нашей литературы. Доходят вести, что в своей злобной ненависти ко всему русскому, они разоряют, грабят и оскверняют священные для нас Пушкинские места. Так они делали всюду: в Ясной Поляне с усадьбой Льва Толстого, в Клину с домом Чайковского, в Тихвине с домом композитора Рим-

ского-Корсакова, так они осквернили и разграбили в Таганроге домик Чехова, в Старой Руссе—дом, где жил Достоевский.

Все эти города уже возвращены нашей Родине. Очередь—за Пушкинскими местами.

Пушкин! Какому советскому человеку не дорого это имя? На нем воспитывались и его любили поколения лучших наших людей, наши деды и наши отцы, мы сами и наши дети.

Пламенный патриот Пушкин верил в наш народ, в его силу и отвагу, в то, что из любой беды он выйдет и любого врага одолеет. В сознании силы и могущества нашего народа поэт горделиво восклицал:

*Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? иль от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля,
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов;
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

Вперед же, воины нашего ссоединения! Много немецких мерзавцев уложили уже мы «в полях России, среди нечуждых им гробов». Продолжим наше святое солдатское дело здесь, в местах, овеянных гением великого поэта. Отомстим немецко-фашистским варварам, надругавшимся над памятью Пушкина!

Не может больше наша национальная святыня—могила Пушкина находиться в поганных немецких руках!

Вернем Родине и Пушкинские места—и пойдем дальше на Запад, на полный разгром и уничтожение врага, посягнувшего на жизнь и свободу нашего народа!

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ, ТОВАРИЩУ!

ПЗ-КП-4679/83, 95-21308

это период освобождения Пушкиногорского района от немцев, т. е. 1944 год.

Физические характеристики. Материал: бумага. Техника: печать типографская. Размеры — один лист 20 × 13,1 см. Сохранность: потеряность, загрязнение, потемнение бумаги, пятна на оборотной стороне — сохранность очень хорошая.

В тексте особо выделяются лозунги и призывы вернуть Родине национальную святыню. Вступительная часть — описание пушкинских мест Михайловского, Тригорского, Святогорского монастыря, мест, связанных прежде всего со ссылкой поэта 1824–1826 годов. Упоминаются наиболее значимые произведения поэта, написанные им в этот период. Перечисляются уже освобожденные и возвращенные Родине места, связанные с жизнью и творчеством великих русских писателей и композиторов, за этим следует призыв освободить разоренные и оскверненные фашистами пушкинские места. Упоминается, что сам Пушкин был патриотом и верил в русский народ, в его силу и могущество, что подтверждает очень мощное гражданское стихотворение поэта 1831 года «Клеветникам России», наполненное любовью к Отечеству, болью за Отечество. Фрагмент его приводится в листовке и, безусловно, является самой сильной частью текста.

В суровые дни Великой Отечественной войны советское руководство все возможные силы бросало на защиту от врага. При помощи испытанных средств влияния на массы патриотического характера, таких как листовки и плакаты, культивировался дух сплоченности, к отпору призывался каждый человек, на борьбу поднимался весь народ. Слово советской пропаганды разоблачало ложь пропаганды немецко-фашистской, будило в каждом человеке чувство неугасимой ненависти к врагу и мобилизовывало силы всего народа, организовывало людей на усиление помощи фронту, укрепляло боевой дух, призывало отстаивать Родину во что бы то ни стало. Действительно, это были очень мощные инструменты агитации. Данная листовка — один из важных, ярких, глубоких и даже трогательных примеров призыва к действиям, напоминания о чувстве собственного достоинства, патриотизме, любви к своему народу и наследию своей страны.

Также в коллекции имеется еще один очень необычный и редкий документ, который значится в инвентарной книге как «гитлеровская листовка»³.

³ ПЗ-КП-4679/21-ДВОВ.

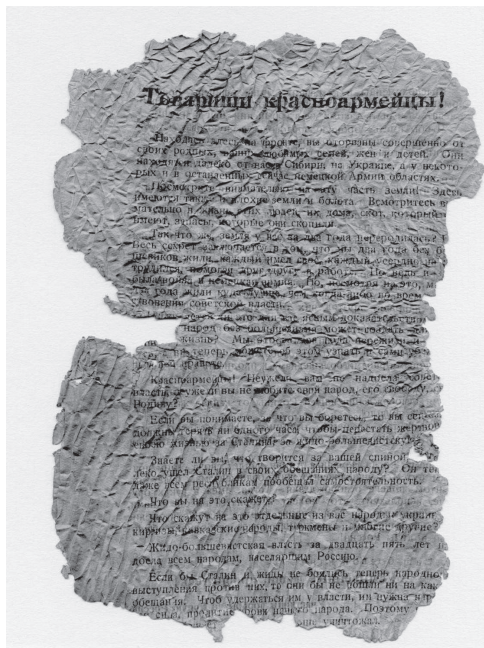
Это провокационная листовка 1944 года, обращенная к населению оккупированных территорий и воинам Красной армии с призывом бороться со сталинским большевистским режимом, используя военное время. Была найдена, как значится в инвентарной книге, при расчистке фундамента дома Ганнибалов в Петровском детьми. Поступила в Заповедник 10 июля 1965 года.

Физические характеристики. Материал: бумага. Техника: печать типографская. Размеры: один лист, примерно 17,5 × 11,5 см. Сохранность: документ находится в руинированном состоянии, частично истлел: сильное разрушение и потемнение бумаги, бумага значительно испорчена сыростью, имеются многочисленные утраты, следы ожога, очень сильная помятость. Датировка — 1944 год⁴.

Текст листовки изобилует стилистическими и орфографическими ошибками вследствие плохого перевода. Общее краткое содержание с учетом утрат и ошибок:

Товарищи красноармейцы!

Находясь здесь на фронте вы оторваны совершенно от своих родных, ваших любимых семей, жен и детей. Они находятся далеко от вас в Сибири, на Украине, а у некоторых и в оставленных сейчас немецкой Армией областях.

⁴ Скорее всего, не 1944, а 1943 год: в тексте есть фраза «два года без большевиков».

Посмотрите внимательно на эту часть земли! Здесь имеются также и плохие земли и болота. Всмотритесь внимательно в жизнь этих людей, их дома, скот, который они имеют, запасы, которые они скопили.

Так что же, земля у нас за два года переродилась? Нет. Весь секрет заключается в том, что мы два года без большевиков жили, каждый имел свое, каждый усердно [утрата] трудился, помогая друг другу в работе. [утрата] Но, несмотря на это, мы два года жили куда лучше, чем когда-либо во время существования советской власти.

Не является ли это для нас самым ясным доказательством [утрата] что народ без большевизма может создать для себя лучшую жизнь? Мы это за два года пережили, и [утрата] и вы теперь можете об этом узнать и сами убедиться в нашей правоте.

Красноармейцы! Неужели вам не надоела советская власть, неужели вы не любите свой народ, его свободу, свою Родину?

Если вы понимаете, за что вы боретесь, то вы сейчас не должны терять ни одного часа, чтобы перестать жертвовать своею жизнью за Сталина, за жидо-большевистскую власть.

Знаете ли вы, что творится за вашей спиной, как далеко ушел Сталин в своих обещаниях народу? Он теперь даже всем республикам пообещал самостоятельность.

Что вы на это скажете?

Что скажут на это отдельные из вас народы: украинцы, киргизы, кавказские народы, туркмены и многие другие?

Жидо-большевистская власть за двадцать пять лет надоела всем народам, населяющим Россию...»

[Далее — большая утрата — нижняя часть листа с текстом отсутствует.]

Немецко-фашистская пропаганда использовала самые разнообразные формы информационно-психологического воздействия на вооруженные силы и гражданское население противника. Главными из этих форм являлись: устная, радио-, кино- и печатная пропаганда. В ходе Великой Отечественной войны основной формой воздействия на военнослужащих Красной армии и гражданское население стала пропагандистская печать. В сфере ее распространения были и территории временно оккупированных областей. Самой эффективной формой пропаганды являлись монолистные печатные издания, в первую очередь, листовки. С 1939 по 1945 год немецкими пропагандистами было изготовлено и распространено на фронтах около 5 млрд экземпляров листовок.

Пропагандистское распространение их производилось немцами с целью стимулирования бойцов Красной армии к «спасительному» получению статуса советского военнопленного или дезертирству, позже предлагалось пополнить ряды многочисленных коллаборационистских формирований. Зачастую они также являлись так называемыми «пропусками» (*Passierschein* или *Ausweis*) — документами, гарантирующими сохранение жизни.

Результат агитации в первую очередь зависел от тяжести военной ситуации на фронте. Ряд исследователей отмечал эту форму пропаганды как самую эффективную.

Тексты листовок, как правило, сочиняли сами немцы, сотрудники пропагандистских служб. Они изобиловали неудобоваримыми немецкими остротами и шутками, были безграмотно переведены на русский язык, выпускались в колоссальном количестве, тогда как качество их оставляло желать лучшего, и по стилю, и по содержанию. Тому пример — текст данной листовки.

Среди общей массы листовок особо выделялись так называемые «власовские» и антисемитские.

К Русскому освободительному движению известного генерала Власова, который пошел на сотрудничество с немецким командованием, наша листовка отношения не имеет. Зато здесь явно присутствует антисемитская тема, которая иногда действительно иногда находила отклик у солдат советской армии: здесь присутствует утверждение, что большевизм и еврейство одно целое, и то, и другое подлежит уничтожению; используются разные приемы — от самых примитивных лозунгов до призыва начать активные антисоветские действия.

Прямого приказа об уничтожении гитлеровских листовок во время войны не существовало, но это было частью общей политики борьбы с вражеской пропагандой, которая запрещала иметь любые материалы противника. Уничтожение листовок производилось по факту, так как их наличие уже расценивалось как преступление против дисциплины и идеологической безопасности. Ответственные за сбор листовок солдаты собирали их и сжигали. Действовала политика, направленная на полное уничтожение любых вражеских материалов. Хранение такой литературы было запрещено и строго наказывалось, дело часто заканчивалось расстрелом военнослужащего, сохранившего листовку; гражданские лица также наказывались за их чтение и хранение. Это могли быть репрессии и даже расстрелы. Известен факт, что

ленинградское радио регулярно передавало списки расстрелянных за хранение таких листовок.

Подобные материалы были очень серьезными элементами вражеской пропаганды, и их уничтожение являлось неотъемлемой частью общей идеологической борьбы с нацизмом. Никаких отдельных специальных приказов на этот счет не требовалось. Известный приказ № 227 «Ни шагу назад!»⁵ вводил строгие меры за проявление трусости и подрыв доверия к командованию, что также косвенно означало необходимость борьбы с вражеской пропагандой.

Скорее всего, немецкую листовку из коллекции «Документы и воспоминания участников Великой Отечественной войны» тоже пытались сжечь, т. к. имеются явные следы очень сильного ожога. Можно с большой долей вероятности предположить, что она была засыпана землей, скорее всего, во время взрыва, и таким образом сохранилась, хотя и с большими утратами, пролежав в земле более 20 лет, до того момента, когда была найдена как редкий артефакт немецкой военной пропаганды.

Представленные документы использовались в выставочной работе. И советская, и немецкая листовки принимали участие в выставке «Прошли войска. Хвала и честь героям...» в Пушкинском Заповеднике в 2014 году.

⁵ Приказ «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» (или в просторечии «Ни шагу назад!») — приказ № 227 народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 года [Электронный ресурс: <https://history.ru › articles › prikaz-227-ni-shagu-nazad>].

**ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДОМА ТУРИСТА В ДЕРЕВНЕ ВОРОНИЧ
С 1947 ПО 1950-Е ГОДЫ**

*По материалам научного архива
и библиотеки Пушкинского Заповедника*

Пушкиногорская туристическая база Псковского туристско-экскурсионного управления ВЦСПС (Дом туриста) неоднократно являлась объектом изучения разных исследователей. В публикациях Л.Н. Назаровой, Е.А. Гавриловой, А.О. Коржова, Т.Б. Ивановой представлены сведения о зарождении, создании и экскурсионно-туристической деятельности учреждения с 1930-х до 1941 года. Возрожденная после Великой Отечественной войны Пушкиногорская туристическая база в деревне Воронич продолжила активно жить и развиваться в последующие годы. Настоящее исследование охватывает период восстановления и деятельности Дома туриста с 1947 по 1950-е годы.

В январе 1937 года, незадолго до столетней годовщины со дня смерти А.С. Пушкина, в деревне Воронич был открыт Дом туриста¹. Он разместился в доме бывшего священника Воскресенской церкви, где, начиная с 1936 года, уже была открыта первая экскурсионная база. Свою работу по приему и обслуживанию экскурсантов, приезжающих ежегодно в Пушкинский Заповедник со всех концов Советского Союза, Дом туриста продолжал вплоть до начала Великой Отечественной войны. О тех трагических днях вспоминала Зоя Михайловна Иванова — ветеран войны и труда: «Войну я встретила на туристической базе в деревне Воронич, тогда наш поселок был в Калининской (Тверской) области, здесь отдыхали школьные работники. Я в то время была старшей пионервожатой средней школы имени А.С. Пушкина. Все отдыхающие сразу же после сообщения о начале войны уехали домой»².

¹ *Иванова Т.Б.* Страницы истории Пушкиногорской турбазы ВЦСПС 1936–1940 годов. По материалам архивов // Михайловская пушкиниана. Вып. 70. Сельцо Михайловское, 2018. С. 204.

² *Яковлев С.Д.* Свет поэзии и тени прозы. Штрихи к портрету Пушкинского государственного заповедника. Ч. 2. Тихвин, 1995. С. 4.

Немецко-фашистская оккупация Пушкинских Гор 1941–1944 годов стала переломным моментом в жизни всего района. Огромный урон был нанесен культурным и историческим объектам Пушкиногорья, удар пришелся по всем районным учреждениям. Тяжелое наследие оставили гитлеровцы. После освобождения поселка от немецко-фашистских захватчиков 12 июля 1944 года, в освобожденных районах по заданию Пушкинского Дома побывал известный литературовед Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, хорошо знавший эти места по довоенным временам. Увидев поселок вновь, он вспоминал: «Зрелище, открывшееся перед нашими глазами, глубоко нас потрясло. Цветущий в недавнем прошлом городок почти целиком разрушен. Разрушен не во время боя, а разрушен в канун отступления, разрушен с методической систематичностью, исключительно ради того, чтобы «сорвать злость», чтобы «напакостить»³. Только обугленные коробки зданий Дома Советов, аптеки и некоторых других напоминали о том, что здесь был районный центр⁴. Здание туристической базы в деревне Воронич было сожжено⁵, уничтожены находившиеся при ней скверы, оборудование спортивных площадок и лодочной станции⁶.

Уже в 1947 году развернулись работы по восстановлению Дома туриста. В одном из номеров газеты «Псковская правда» от 23 августа того же года сообщалось: «Главное здание, где будут размещены комнаты для приезжих, гостиная и столовая уже готовы, идет внутренняя отделка помещений. Одновременно возводятся: постройка для кухни, веранда и складские помещения»⁷. «К 12 июня 1949 года (к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина) Ленинградским туристическим управлением Дом туриста был открыт вновь»⁸, — отмечает А.О. Коржов. Архивный документ, на который ссылается автор статьи, к сожалению, не указывает точной даты открытия возрожденной турба-

³ Яковлев С.Д. Свет поэзии и тени прозы. Штрихи к портрету Пушкинского государственного заповедника. Ч. 2. С. 14.

⁴ Савыгин А.М. Пушкинские Горы. Л., 1978. С. 6.

⁵ Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). 5844 (архив н/музейной части). Л. 6.

⁶ Дом туриста в пушкинских местах // Псковская правда. 23.08.1947.

⁷ Там же.

⁸ Коржов А.О. Экскурсионно-туристическая деятельность в Пушкинском Заповеднике (1911–1940-е годы). Историческая справка // Михайловская пушкиниана. Вып. 32. М. ; село Михайловское, 2004. С. 217.

зы. Однако в публикации от 12 мая 1948 года читаем: «Коллективом строителей во главе с директором базы П.А. Шевачевым была поставлена задача — завершить восстановление дома и сдать его в эксплуатацию к 6 июня»⁹. Уже к маю 1948 года в основном была завершена реставрация здания, продолжались работы по отделке комнат для приезжих, столовой и кухни, оборудованию волейбольной площадки, разбивке сквера, подготовке к строительству лодочной станции на реке Сороти, «для чего уже было закуплено семь лодок и яликов»¹⁰. Сотрудниками Заповедника был разработан подробный план экскурсий по пушкинским местам.

После семилетнего перерыва 1 июля 1948 года, как сообщала одна из статей газеты «Псковская правда» того же года, туристическая база в деревне Воронич была открыта вновь¹¹. Еще до открытия Дома туриста Ленинградское туристское бюро ВЦСПС (бульвар Профсоюзов, 19) приступило к продаже путевок, которые предусматривали срок пребывания на турбазе 10 дней¹². Расположенная близ Тригорского парка турбаза служила прекрасным местом отдыха, где приезжающие могли познакомиться с историческими местами, связанными с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, совершить походы и водные прогулки, пользуясь новой лодочной станцией.

С момента открытия туристическая база в деревне Воронич была подготовлена к приему от 75 до 100 отдыхающих, но в разгар летнего сезона 1948 года, «по сравнению с тем же довоенным периодом, число экскурсантов сократилось»¹³. Дом туриста, как отмечал в статье методист базы Б.С. Гловацкий, «был заполнен наполовину»¹⁴. Данный факт привел к тому, что уже в 1948 году в туристском управлении был поставлен вопрос о закрытии учреждения. Это объясняется многими причинами: большими трудностями проезда до Пушкинских Гор из-за уничтоженной во время войны железной дороги, отсутствием на туристической базе машин, нерегулярной работой автобуса, высокой

⁹ Иванов В. Весна в Заповеднике // Псковская правда. 12.05.1948.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гловацкий Б. Дом туристов не может быть закрытым // Псковская правда. 1948. № 115.

¹² Туристские путевки в пушкинские места // Псковская правда. 5.06.1948.

¹³ Гловацкий Б. Дом туристов не может быть закрытым.

¹⁴ Там же.

стоимостью путевки в сравнении с ценой довоенного периода¹⁵. Туристам, желающим познакомиться с заповедными пушкинскими местами, приходилось преодолевать сложный путь. Приезжающим из Москвы было необходимо трижды пересаживаться с поезда на поезд, а из Острова добираться до Пушкинских Гор на попутных машинах. Высокая стоимость путевки была обусловлена тем, что главное туристско-экскурсионное управление установило стандартную цену путевок для всех баз, не учитывая местных условий. Фактически продукты для турбазы закупались не на месте, а доставлялись, как замечал в статье методист турбазы Б.С. Гловацкий, «на машине из Ленинграда, несмотря на то, что в Псковской области их можно было закупить по более низким ценам». «В результате вместо довоенной цены 240 рублей путевка стоит 360 рублей, и не на две недели, как раньше, а на 10 дней»¹⁶.

Открытие Дома туриста летом 1948 года было делом государственного значения и стало особенно важно в преддверии отмечавшегося в 1949 году 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина. В сложившихся условиях дальнейшее существование туристической базы было под угрозой. Перед главным туристско-экскурсионным управлением ВЦСПС стояла непростая задача — устранить существующие недоработки и не допустить закрытия учреждения. О планах и принятых мерах по улучшению пребывания отдыхающих в Доме туриста в путеводителе 1949 года отмечалось: «В недалеком будущем будет закончено восстановление железнодорожной станции Тригорская. В настоящее же время экскурсанты и туристы, направляющиеся в Пушкинский Заповедник, следуют до станции Остров Ленинградской железной дороги, откуда автобусом едут до Пушкинских Гор — деревни Воронич»¹⁷.

Большая ответственность по недопущению закрытия учреждения легла и на руководство турбазы, которое сталкивалось с разными сложностями в работе, например, отсутствием на базе достаточного количества топлива, слабой организацией закупок местных продуктов. Постепенное разрешение существующих проблем по улучшению пребывания и обслуживанию отдыхающих положительно сказывалось на деятельности Дома туриста, что подтверждают записи в книге отзывов и пожеланий туристической базы. Несомненно, учреждение отдыха нуждалось

¹⁵ Гловацкий Б. Дом туристов не может быть закрытым.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: По пушкинским местам. Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1949. М., 1949.

в дальнейшем развитии. О недостатках в работе базы и перспективных задачах писал в публикации 1952 года С.С. Гейченко:

«1 200 экскурсий, сто тысяч посетителей — таков итог летнего экскурсионного сезона 1952 года в Пушкинском Заповеднике. Эта цифра ко многому обязывает всех нас, работников культурного фронта.

Внимательно изучая итоги сезона, мы со всей откровенностью должны сказать, насколько вырос культурный уровень наших посетителей! Если несколько лет тому назад нашему экскурсantu и туристу было достаточно пояснения экскурсовода, то сейчас он требует и большой иллюстрированной книги о Пушкинских Горах, могиле Пушкина, Михайловском и Тригорском, хорошей красочной репродукции вместо обычной открытки с видом исторических памятников. Если раньше посетитель приезжал в Пушкинские Горы со станции Остров на попутной машине, то сейчас к его услугам автобусы и такси, всё чаще и чаще он появляется на своей собственной машине. Но завтра и этого будет недостаточно. Он мечтает об автомобильном сообщении между Михайловским и Пушкинскими Горами, Пушкинскими Горами и Тригорским.

Широкой известностью пользуется пушкиногорский Дом туриста. Кто только в нем не побывал... Но многие, прибывшие сюда по путевкам ВЦСПС, были глубоко разочарованы, увидя вместо ожидаемого образцового культурного дома довольно неуклюжее здание и несколько палаток, приютившихся возле него.

Дом туриста находится в деревне Воронич. Подъездные пути к нему крайне плохие. Весь комплекс зданий ютится на маленьком клочке земли. Стихийно возникший много лет тому назад на базе земель колхоза имени А.С. Пушкина, находящийся в центре колхозных владений, Дом туриста лишен возможности какого-либо перспективного развития.

Пора советским и партийным организациям района подумать о переносе Дома на новое место, о расширении его территории с таким расчетом, чтобы можно было по-настоящему создавать при Доме такие необходимые культурные мероприятия, как палаточный городок, павильоны для культурно-массовых мероприятий, площадки для игр, солярий, аллеи и многое другое»¹⁸.

Значительные изменения в деятельности Пушкиногорской туристической базы произошли в 1955 году, когда была пущена в ход новая электростанция, смонтирован мощный радиоузел, проведена

¹⁸ Гейченко С. Новые задачи // Пушкинский колхозник. 21.09.1952.

телефонная связь, новинками политической, художественной и спортивной литературы дополнена библиотека, расширен палаточный городок, благоустроена территория, заново отремонтирована лодочная станция. В этом же году увеличился и штат турбазы, который был «укomплектован квалифицированными инструкторами по туризму, опытными экскурсоводами и культработниками, а также врачом»¹⁹. Кроме этого, в одной из статей газеты «Псковская правда» 1955 года сообщалось: «Новый комфортный 30-местный автобус будет встречать туристов на станции Остров. Составлен продуманный план экскурсионной, туристической и культурно-просветительной работы. Значительно расширен район путешествий. Если в прошлом [1952] году проводились только двух-трехдневные туристические прогулки по окрестностям, то нынче разработан новый водно-пешеходный маршрут, расстоянием в 190 км. Он проходит по Псковской и Великолукской областям и знакомит с живописными и историческими местами, древними русскими городами — Островом, Новоржевом, Опочкой. Поход на лодках по реке Сороти и дальше пешком до озера Алё в Великолукской области доставит туристам не только здоровый отдых, но и большое эстетическое наслаждение. Туристы побывают в местах, где в XVI веке проходила граница Псковской земли с Литвой и Польшей и где наши предки не раз отстаивали свою независимость от иностранных захватчиков. Отдыхающие посетят памятные места партизанских районов, откуда народные мстители наносили внезапные удары по фашистским захватчикам, побывают в передовых совхозах, колхозах и МТС. Все туристы совершат экскурсии в Михайловское, Тригорское, Петровское, на могилу А.С. Пушкина, Савкину горку»²⁰.

Эти мероприятия по организации отдыха туристов проводились только в период летнего экскурсионного сезона. Так, в 1953 году Дом туриста проработал с 1 июня по 10 сентября. Но, несмотря на такой непродолжительный период работы, уже к 1954–1955 годам турбаза стала пользоваться широкой известностью, привлекая людей разных профессий из многочисленных уголков нашей страны. В публикации 1959 года отмечалось: «Огромной популярностью среди туристов Советского Союза пользуется маршрут по пушкинским местам. Пушкиногорская туристическая база, расположенная в непосредственной близости

¹⁹ *Хамармер И.* Начался туристский сезон // Ленинский путь. 10.06.1955.

²⁰ *Хамармер И.* Туристское лето // Псковская правда. 8.06.1955.

от Пушкинского Заповедника, всегда бывает переполнена, а в нынешнем году, когда отмечается 160 лет со дня рождения А.С. Пушкина, все путевки проданы на весь сезон еще ранней весной. Учитывая огромный интерес трудящихся к пушкинским местам и большой спрос на путевки, Центральное туристско-экскурсионное управление из года в год расширяет пропускную способность турбазы»²¹. В 1956 году стоимость путевки на Пушкиногорскую туристическую базу ВЦСПС составила 255 рублей на 10 дней и 510 рублей на 20 дней²². Важно отметить, что почти все путевки трудящиеся получали на льготных условиях за счет средств социального страхования.

О пропускной способности Дома туриста и ежегодном количестве проживающих в нем можно судить по статистическим данным, которые приводятся в публикациях 1940–1950-х годов. После восстановления, в 1948 году, туристическая база могла принять от 75 до 100 отдыхающих²³, а к 1959 году число мест было увеличено до 250²⁴. Сравнительный анализ статистики количества проживающих на туристической базе с 1948 по 1959 год показывает динамику значительного увеличения туристического потока. Если в 1952 году по туристическим путевкам «Пушкиногорская база приняла за летние месяцы 500 туристов»²⁵, то в 1959 году за тот же срок число отдыхающих по путевкам увеличилось до 2 249 человек²⁶.

Началу каждого экскурсионного сезона на турбазе предшествовала значительная подготовка к приему посетителей и работа по улучшению обслуживания проживающих. Для этого руководством турбазы принимались следующие меры: ремонт комнат, подготовка каркасов для палаток, обустройство территории. Коллектив Дома туриста устраивал многодневные походы и лодочные путешествия, пешеходные и вело-прогулки, вечера игр и танцев в Тригорском парке, киносеансы. К услугам отдыхающих предоставлялись газеты, книги, шахматы, шашки, лото, домино.

²¹ *Шпинева В.* Со всех концов страны // Ленинский путь. 14.06.1959. № 71.

²² См.: По пушкинским местам. М., 1956.

²³ Дом туристов // Пушкинский колхозник. [...]1948.

²⁴ *Шпинева В.* Со всех концов страны.

²⁵ *Хамармер И.* Туристское лето.

²⁶ *Русаков В.* На пушкиногорской туристической базе // Ленинский путь. 5.06.1960.

Заметную помощь руководству Дома туриста в подготовке к летнему сезону оказывали Пушкинский Заповедник, райпотребсоюз, райкомхоз. Такое сотрудничество было необходимо в реализации основной задачи туристической базы — «широкого ознакомления трудящихся с жизнью и творчеством Пушкина и, в особенности, с его жизнью в Михайловском»²⁷. В осуществлении этой задачи большую роль сыграли сотрудники музея-заповедника во главе с директором С.С. Гейченко. На производственном совещании, состоявшемся в Заповеднике в 1952 году, отмечалось: «При составлении плана работы на 1953 год Пушкинскому Заповеднику необходимо предусмотреть некоторые мероприятия, направленные на совместное (силами Заповедника и Дома туриста) обслуживание культурных запросов экскурсантов и туристов, прибывающих к нам ознакомиться с пушкинскими памятниками: организация и проведение экскурсий, разработка новых экскурсионных тем и маршрутов, тем лекций и бесед, пушкинских вечеров и литературных альманахов, пушкинских выставок и уголков, а также такие мероприятия, как благоустройство дороги, соединяющей Дом туриста и с. Михайловское, устройство велосипедной станции в с. Михайловском и прочее»²⁸.

Благодаря совместной работе с Пушкинским Заповедником ежегодно на туристической базе велась культурно-просветительная работа: на территории базы сотрудники музея читали лекции и доклады, проводили экскурсии по усадьбам и к историческим памятникам в их окрестностях. В качестве примера приведем сообщение В.Я. Шпинева, методиста Дома туриста, об итогах летнего экскурсионно-туристического сезона 1953 года, с которым он выступил на производственном совещании научных сотрудников музея-заповедника 6 ноября: «Дом туриста работал с 1 июня по 10 сентября. Всего в Доме туриста побывало 796 человек по путевкам ВЦСПС и самостоятельных туристов 104 человека. Срок пребывания каждого туриста 2–3 недели и месяц. Экскурсии проводились на основе методических разработок, рассмотренных и утвержденных совещанием научных сотрудников Пушкинского Заповедника весной 1953 года на следующие темы: «Михайловское. Дом-музей и Домик няни», «Михайловское. Усадьба Пушкина и парк», «Тригорское», «Петровское», «Святогорский монастырь и могила А.С. Пуш-

²⁷ *Хамармер И.* Начался туристский сезон.

²⁸ Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). № 99. Л. 4.

кина», «По историческим местам Заповедника (Савкино и прочее)»²⁹. В проведении экскурсий принимали участие «сотрудники Пушкинского Заповедника и временные экскурсоводы товарищи Францкевич и Грановская»³⁰.

«Кроме того в 1953 году практиковались автобусные экскурсии в Псков — Печоры — Изборск — четыре экскурсии, в Пушкиногорский плодопитомник — одна. В помощь туристам был организован туристский кабинет, в котором находились планы области, района, фотографии и другие документальные данные о хозяйственной и культурной жизни района. В кабинете проводились вступительные и заключительные беседы с туристами. Здесь же читались лекции и доклады на политические, культурно-исторические и литературные темы. За отчетный период было прочитано 24 лекции. Значительная часть была прочитана научными сотрудниками Пушкинского Заповедника, в том числе лекции на темы: «Пушкин — великий национальный поэт», «Пушкин и Арина Родионовна», «Михайловское в жизни и творчестве Пушкина» и другие»³¹.

По предложению С.С. Гейченко на совещании было принято решение:

«1. Просить методиста Дома туриста товарища Шпинева В.Я. составить заявку на темы лекций и экскурсий научных сотрудников и направить их в дирекцию заповедника до 1 января 1954 года;

2. Просить дирекцию Дома туриста приготовить фотомонтаж о работе Дома для помещения в экспозицию Дома-музея Пушкина в с. Михайловском (заключительная комната, в которой сосредоточены материалы по пропаганде Пушкина в Пушкиногорском районе);

3. Рекомендовать дирекции Дома туриста изготовить большой плакат «Пушкиногорский Дом туриста» и поместить его на видном месте в Пушкинских Горах в 1954 году»³².

Совместно с Пушкинским Заповедником коллектив турбазы вел подготовку к празднованию юбилейных пушкинских дат, проводились занятия-консультации с экскурсоводами Дома туриста, здесь же систематически устраивались литературные вечера, при участии музея-заповедника свежими материалами пополнялся пушкинский уголок

²⁹ АПЗ. Н/а. № 121. Л. 3–4.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 3.

³² Там же.

учреждения. По инициативе С.С. Гейченко в помощь экскурсantu и туристу Пушкинский Заповедник ежегодно печатал «массовым тиражом краткие путеводители по пушкинским местам»³³. Псковиздат, Ленизо и издательство «Советский художник» массовым тиражом систематически выпускали открытки с видами заповедных мест.

В 1950-е годы туристическая база в деревне Воронич стала значимым объектом по пропаганде пушкинского наследия, популяризации заповедных мест, оваянным гением поэта. «Широкую известность» Дом туриста получил благодаря выгодному расположению близ заповедных мест, а также своей активной деятельности. Разнообразные виды отдыха, предоставляемые уже к 1959 году, — автобусные и пешеходные экскурсии, лекции, доклады, пушкинские вечера, многодневные походы и лодочные путешествия, пешеходные и велопрогулки, вечера игр и танцев, киносансы — объединяли людей разных профессий и поколений. Здесь отдыхающие имели возможность не только познакомиться с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, окружением поэта, древней историей заповедных мест, но и получить практические навыки походной жизни с помощью инструкторов: умению ориентироваться на местности по топографической карте, быстро поставить походную палатку, приготовить пищу на костре. Мало знакомые друг с другом перед походом, туристы возвращались с маршрута крепким сплоченным коллективом и еще долго помнили о днях, проведенных вместе в живописных заповедных местах.

³³ Гейченко С.С. Пушкинский Заповедник Псковской области // Пушкин: исследования и материалы. М. ; Л., 1958. Т. 2. С. 482–485.

*Воронич. Разрушенная церковь и кладбище. 1944 год.
Из фондов Пушкинского Заповедника*

*Дом туриста ВЦСПС в деревне Воронич. Конец 1940-х годов.
Фото А. Ф. Романова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

*Дом туриста ВЦСПС в деревне Воронич. Конец 1940-х годов.
Фото А. Ф. Романова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

*Вид на Сорочь с городища Воронич. 1949 год.
Фото А.С. Шарова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

*Городище Воронич. 1949 год.
Фото А.С. Шарова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

*Экскурсия у «Дивана Онегина» в Тригорском. Июнь 1953 года.
Фото В.Е. Валдайцева. Из фондов Пушкинского Заповедника*

*С. Михайловское.
Группа экскурсантов
на центральной дорожке
усадьбы.
Июнь 1959 года.
Фото Ф.И. Овсянникова.
Из фондов Пушкинского
Заповедника*

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВЕЛЕЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Ценностью каждого музея являются экспонаты. Музейный предмет, как и человек, имеет свою необычную историю и судьбу. Предметы быта и интерьера, вещи ручной работы способны рассказать о жизни людей много лет назад. Бережно хранившиеся и передаваемые из поколения в поколение, они имеют большое историческое значение. Их изучение помогает наглядно воссоздать образы прошлого, увидеть взаимосвязь исторических и культурных явлений, проследить общность традиций и выделить особенности их проявления.

Музейная коллекция Велейского краеведческого музея пополняется благодаря неравнодушным людям, которые безвозмездно приносят в музей предметы, ставшие невостребованными в современной жизни, но представляющие собой определенную культурную, историческую или краеведческую ценность.

Оказываясь в краеведческом музее, посетители возвращаются к народным истокам. Большое внимание экскурсанты проявляют к национальному костюму как уникальному объекту культурного наследия.

В Велейском краеведческом музее хранятся разнообразные предметы декоративно-прикладного народного творчества — образцы тканей ручной работы, предметы гардероба, аксессуары и фотографии, на которых можно увидеть образцы традиционной русской одежды.

Порой узнать точную историю предмета не представляется возможным. На момент выявления вещей, представляющих интерес для этнографических коллекций, владельцы, как правило, уже ушли из жизни, а их дети и внуки обычно могут сообщить историю вещи не точно.

Особый интерес для посетителей представляют старинные женские головные уборы, два из которых были переданы в дар музею в 2007 году Натальей Станиславовной Морозовой-Колесник.

Наталья Станиславовна живет в Санкт-Петербурге. Каждое лето она приезжает в Пушкиногорье. При посещении Велейского краеведческого музея Наталья Станиславовна обратила внимание на представленные в коллекции музея предметы русского традиционного костюма. Она приняла решение передать из личного собрания в дар Велейскому

*Наталья Станиславовна
Морозова-Колесник.
Из семейного архива
Н.С. Морозовой-Колесник*

краеведческому музею нарядную девичью повязку и каргопольский кокошник. Головные уборы перешли Наталии Станиславовне по наследству от ее двоюродной бабушки, Магдалины Андреевны Новиковой (Конради).

По словам Наталии Станиславовны, существуют две версии появления в семье этих предметов женского гардероба.

По одной из них Магдалина Андреевна была очень дружна со своим старшим братом Сергеем Андреевичем Конради, который, будучи известным горняком-геологом, оставил значительный след в освоении Камчатки и Шпицбергена. В начале первого десятилетия XX века Сергей Андреевич

работал на Русском Севере. Он занимался поисками и разведкой месторождений на территории Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний. В некоторых экспедициях его сопровождала Магдалина Андреевна. Ее интересовали жизнь, быт и культура народа, заселявшего северные губернии. Возможно, эти головные уборы были приобретены ею во время таких поездок.

Вторая версия появления головных уборов в семье Конради связана непосредственно с Первой мировой войной. Магдалина Андреевна была сестрой милосердия, много передвигалась с фронтами и, интересуясь уникальными вещами, могла обратить внимание на необычные предметы женской одежды. М.А. Конради была доброжелательной, оказывала медицинскую помощь не только раненым, но и гражданскому населению. В качестве благодарности ей могли подарить эти головные уборы.

Обе версии могут соответствовать действительности.

Праздничные головные уборы, переданные в дар Велейскому краеведческому музею Наталией Станиславовной, поистине уникальны. В семье их ценили за красоту, бережно хранили и передавали из поколения в поколение.

*Магдалина Андреевна Новикова (Конради).
Из семейного архива Н.С. Морозовой-Колесник*

Поступивший в музей кокошник носили в Каргопольском уезде Олонецкой губернии Российской империи.

Кокошник — праздничный головной убор молодой замужней женщины. В старину он был самой важной частью женского костюма. Его носили только с нарядами из дорогого покупного шелка или парчи. Впервые кокошник надевали сразу после венчания: снимали с головы перевязку, расплетали девичью косу, заплетали две косы и надевали кокошник. Поверх обязательно повязывали платок — это делали так, чтобы передняя и боковые части оставались на виду. В таком уборе голова замужней каргополки казалась как бы закрытой шлемом, открытым оставалось одно лицо.

Каргопольский кокошник — удивительное по своей красоте и неповторимости произведение мастериц-кокошниц. Он обильно украшен жемчугом. Этот самоцвет издавна символизирует счастье, красоту, любовь и богатство. На протяжении тысячелетий люди верили, что у жемчуга есть целебная и магическая сила. Жемчуг всегда считался

Каргопольский кокошник. Фото Н.А. Алексеева

символом верности, любви и преданности. Верили, что он укрепляет отношения между супругами и бережет от сглаза.

«Эпитет «жемчужный» в русской народной поэзии был одним из наиболее любимых. «Жемчужной» называлась в песнях роса — вестник ясной летней погоды, столь необходимой для крестьянина. «Жемчужными» были девичьи слезы. Само отношение к жемчугу как к материалу уже определяло его место в жизни русского человека. Жемчуг должен был украшать всё то, в чем сказались сокровенные поиски прекрасного у русских людей. Это национальное понимание красоты, непосредственно связанной с человеком, воплощалось прежде всего в costume, особенно в женском»¹.

Головной убор, переданный в Велейский краеведческий музей Натальей Станиславовной, представляет собой твердую конструкцию с выдающимся вперед очельем и спускающейся на лоб поднизью.

¹ См.: Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма [Электронный ресурс: <https://wysotsky.com/0009/196.htm>].

Состоит кокошник из трех основных деталей. Часть надо лбом называется очелье, к нему также относятся боковые пауши, которые закрывают уши. Вторая часть — донце. Третья — задник.

Каждая часть головного убора оформлена как самостоятельная деталь. Основная и подкладочная ткани сшиты между собой «кованным» швом и «через край», внутри головного убора — плотный картонный каркас. Подкладка из розового ситца.

Передняя часть с боковыми наушниками богато расшита жемчугом, колотым перламутром, бисером и стеклярусом. Жемчужная и золотная вышивка выполнена с использованием элементов растительного орнамента. Центр очелья украшен круглой розеткой, выложенной из перламутровых плашек.

Рельефный узор очелья кокошника образован за счет жемчуга (бисера, буса, перламутра), высаженного в старинной технике жемчужного шитья по настилу-бели — крученого нитяного шнура. Затейливо выложенная бель определяет форму орнамента очелья.

На паухах-ушках под слоем нашитого бисера-перламутра один слой бели, в центральной части очелья, там, где расположена солнечная розетка из перламутровых плашек, в основании три слоя крученого шнура, один поверх другого. Поэтому розетка выступает, и край кокошника превращает ее в выступ-рог.

На лоб и виски спускается короткая поднизь из перламутровой рубки в один ряд.

Вышивка очелья и задника сделана в технике «сажение по бели» мелким речным жемчугом, перламутровой рубкой, бисером, бусом (бус — это золотный и серебряный шнур). Также использованы крупный и средний жемчуг, перламутровые плашки и бусины.

Справа и слева от центра очелья находятся небольшие, прикрывающие виски, наушники (пауши). В центре — изображение шестилучевой розетки в обрамлении завитков и стилизованных геометрических фигур, выложенных белью и золотной нитью. Пауши по краю украшены мелким белым бисером.

Задник кокошника сшит из галуна, к которому пришито донце из льняного холста прямоугольной формы с металлическим шитьем и небольшими фрагментами позумента. Украшен шитьем из уложенных в прикреп металлических нитей на льняные нити «бели». Шитье с растительным трехчастным узором обведено двумя и тремя рядами скрученных металлических нитей.

На заднике с помощью бели вышит узор из цветов-розеток, украшенных бисером и перламутровыми плашками.

Донце кокошника плоское, имеет грушевидную форму, богато вышито золотной нитью, декорировано цветочными узорами. Вышивка выполнена холодными нитями, что повышает «достоинство» убора. Стоил он очень дорого из-за материалов и сложности работы.

«Далеко не каждая женщина могла иметь высаженный жемчугом кокошник со спадающей на лоб поднизью — «подницей». В XVIII веке стоимость такого кокошника составляла тысячу и более рублей, а в некоторых уездах доходила и до семи тысяч (хорошая лошадь, к примеру, стоила всего лишь десять рублей). Более бедные семьи заказывали «бусовые» кокошники, расшитые бисером. Жемчужные и бусовые кокошники шили мастерицы-«наметчицы», выполнявшие работу на заказ. Часто ее выполняли на дому у заказчика, из его материала, и жили на хозяйских кормах, а за работу — «высадку жемчугом» — брали деньги»².

Еще один головной убор, переданный в дар Велейскому краеведческому музею Наталией Станиславовной, — праздничный головной убор, девичья повязка, предположительно, Нижегородского уезда.

«Повязка — девичий и женский головной убор.

В качестве девичьего головного убора повязка была известна на всей территории расселения русского народа, как в Европейской России, так и в Сибири. Ее конструктивный тип был един для всего этого пространства.

Повязка надевалась на темя или лоб, а затем завязывалась тесемками под косой на затылке. Сзади к повязке пришивались две лопасти из шелка или парчи на подкладке или привязывались длинные разноцветные ленты, спускавшиеся по спине»³.

Повязку могли надевать на любое праздничное торжество. Она служила не просто украшением, но и символом перехода: головным убором, что надевали на девичник, в ритуале прощания с девичеством, в обряде расплетания косы. И в самый трепетный момент, под венцом, невеста представляла в нарядной повязке.

Нижегородская повязка укреплена на плотной основе из нескольких слоев бумаги, с изнаночной стороны подшита хлопчатобумажной

² См.: Кислуха Л.В. Народный костюм Русского Севера в собрании Архангельского музея изобразительных искусств. М., 2006.

³ См.: Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998.

Нарядная девичья повязка. Фото Н.А. Алексеева

тканью. Она сшита из двух частей, верхняя часть выполнена из золотого галуна и позумента, нижняя налобная украшена по очелью объемным орнаментом, выполненным в технике «сажение по бели», и расшита колотым перламутром с вкраплением жемчуга, стеклянных бусин с подложкой из цветной фольги. По нижнему краю убора выполнена бисерно-перламутровая поднизь в два ряда: первый — из мелкого, переливчатого бисера, второй — из плоских перламутровых плашек. Край очелья обрамлен узорной поднизью в виде фестонов, расшит половинчатым жемчугом, бисером и стеклянными бусинами, образующими орнамент из пяти круглых розеток. Нижний край украшен галуном и ажурной жемчужно-бисерной поднизью из пяти круглых фестонов. Ленты-завязки выполнены из малинового штофа.

Головной убор занимал значительное место в жизни человека, являясь не только элементом одежды, но и отражением исторических изменений и стилей. Он играл важную роль в праздничном наряде, придавал девушке или женщине не только элегантность, но и особую стать.

В семье Н.С. Морозовой-Колесник головные уборы, передаваемые по наследству от далеких предков, хранили, словно фамильные драгоценности. Неудивительно, что они дошли до наших дней в хорошем состоянии. Для небольшого музея села Велье предметы гардероба, переданные Наталией Станиславовной и являющиеся реликвиями минувшей эпохи, стали бесценными экспонатами. Для посетителей очное знакомство с головными уборами второй половины XIX — начала XX столетий является возможностью прикоснуться к предметам старинного мастерства, где в каждом стежке и изгибе таится дыхание ушедших веков, а сквозь пелену времени проступает изысканная красота и неповторимое очарование русской моды.

Автор выражает благодарность Ирине Викторовне Егоровой, начальнику отдела массовых мероприятий, за профессиональные советы, внимание к деталям, помощь в написании работы.

III. Гость «Михайловской пушкинианы»

Никита Ладыженский

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАВРИИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЛАДЫЖЕНСКОГО

Очерк

Жизнь офицера русской императорской армии регламентировалась высочайшими приказами, и даже 25 лет службы с переездами от Варшавы до Хабаровска и от Санкт-Петербурга до Одессы можно уместить на двух страницах. Но что получится, если попытаться заглянуть за строчки официальных документов? Потомок старинного дворянского рода, боевой офицер, художник, историк, военный теоретик, философ, человек, знакомый с сыном поэта Григорием Александровичем Пушкиным и с маршалом Климентом Ефремовичем Ворошиловым; монархист по убеждениям, признавший необратимость революции большевиков и необходимость начинать жизнь заново, ибо власть меняется, а Россия остается; человек, стремившийся к максимально возможной независимости и при этом всегда собранный, ироничный и спокойный, потому что весь распорядок домашней жизни в семье с детства приучил его к самодисциплине и ответственности за свои слова и поступки...

При составлении очерка были использованы официальные документы военного ведомства Российской империи, материалы из Государственного архива Псковской области (ГАПО), архива Института русской литературы (ИРЛИ РАН), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА); отрывки из воспоминаний генералов — барона А. Будберга, А. Лукомского, Н. Орлова, Ф. Рерберга; из работ А. Кирхнера, А. Маковкина, Л. Модзалевского, а также материалы из семейных архивов Вревских и Ладыженских.

*Александра Борисовна
Ладыженская (Вревская)*

«Родился 13 ноября 1865 года. Вероисповедания православного. Из потомственных дворян. Образование получил домашнее». (Здесь и далее курсивом даны выдержки из «Краткой записки о службе... от 15 мая 1907 года».)

Родился в Санкт-Петербурге. Отец — Михаил Евграфович Ладыженский (19.10.1840–1910), последний из потомков одной из ветвей рода Ладыженских, включенный в «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, представлял 19-е колено от основателя рода. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета служил третьим переводчиком в департаменте

внутренних сношений в Министерстве иностранных дел, а с 1865 по 1867 год — младшим помощником производителя дел в земском отделе Министерства внутренних дел. Мать — урожденная баронесса Александра Борисовна Вревская (21.08.1840–7.06.1899). Венчались они в Николаевской церкви Вревского погоста Островского уезда Псковской губернии 5 февраля 1865 года. В семье было четверо детей: Гавриил, Борис, Михаил и Софья. Михаил умер в раннем возрасте. До 1868 года семья проживала в Санкт-Петербурге по адресу Клинский проспект, дом 16, квартира 18, а затем переехала в усадьбу Тягуши Порховского уезда Псковской губернии — имение, основанное Иваном Никифоровичем Ладыженским в первой трети XVIII века на реке Шелони и принад-

лежавшее в то время Евграфу Семеновичу Ладыженскому. С 1869 года Михаил Евграфович служил в Порховском уезде участковым мировым судьей и состоял гласным земского собрания.

Как вспоминал Гавриил Михайлович, отец был человеком вспыльчивым, с детьми почти не занимался, а требовал только тишины и дисциплины. Во время трапезы, в столовой, не полагалось детской болтовни или разговоров со старшими. Семейная жизнь родителей не сложилась, и около 1873 года они расстались. Неудивительно, что наиболее яркие из детских воспоминаний — это поездки летом к матери, под присмотром «дядьки» — Осипа. В Голубове царил строгий порядок, но никто никого не угнетал своим характером. Детям исподволь внушалась мысль о том, что надо постоянно контролировать свои поступки и думать, как себя вести, в зависимости от обстановки. Так вырабатывались основы самодисциплины.

Интересно, что обе бабушки Гавроши — Евпраксия Николаевна Вревская (Вульф) и Елизавета Александровна Ладыженская (Сушкова) были знакомы с Александром Сергеевичем Пушкиным. От последней ему достался альбом с автографом великого поэта. Елизавета Александровна была знакома и с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, Петром Андреевичем Вяземским, писала статьи, переводила с английского. В числе опубликованного — книжка под названием «История в дюнах. Сказка Андерсена, пересказанная в стихах двум милым мальчикам, Гавриньке и Борюшке Л.»

* * *

«В службу вступил в 6-й гусарский Клястицкий полк рядовым, на правах вольноопределяющегося III разряда 7 августа 1882 года».

В тот год все кавалерийские полки империи реформировывались в драгунские, и 6-й гусарский превратился в 18-й драгунский Клястицкий 18 августа. Но еще до этого, 14 августа, Гавриил был откомандирован на учебу в Елисаветградское юнкерское училище. Как вольно-определяющийся III разряда, он должен был при поступлении держать экзамены по общеобразовательным предметам. Лучшие зачислялись в младший класс и проходили двухгодичное обучение, а более слабые в подготовительный класс и обучались три года. И хотя по документам Гавриил был зачислен 1 сентября 1882 года юнкером в младший класс, перевели его в старший класс только 3 августа 1884 года,

т. е. через два года. В промежутке — 2 ноября 1883 года — он был произведен в полковые унтер-офицеры.

«Окончил курс в Елисаветградском кавалерийском юнкерском училище по II разряду и был произведен в эскадрон-юнкера 5 августа 1885 года, а 18 августа прибыл в полк».

Окончившие курс в училище по I разряду производились в офицеры в последнюю треть текущего года, но только на имеющиеся вакансии, возможно, даже в другой полк. Окончившие по II разряду производились позже, и Гавриил получил первое офицерское звание в кавалерии — корнет — 23 марта 1886 года.

К этому периоду жизни относятся события, описываемые в письме Гавриила Михайловича одному из основателей Пушкинского Дома Борису Львовичу Модзалевскому:

«...Именье моего деда барона Вревского — Голубово находилось в 18 вер[стах] от с. Михайловского Пушкиных и Тригорского, принадлежавшего пожизненно тетке моей С.Б. Вревской до 1918 года. С тех пор как я себя помню, я почти ежегодно ездил в Голубово и соседние имения, принадлежавшие моим родственникам, между ними и к Павлу Федоровичу Карпову в Вечи, находившиеся на полпути между Голубовом, Тригорским и Михайловским.

Лучшие воспоминания моего детства и молодости, да и более позднего времени, связаны с этими местами.

Однажды, кажется, около Рождества 1887 года, я был тогда корнетом одного из кавалерийских полков и, по обыкновению, гостил в Голубове, П.Ф. Карпов пригласил меня съездить в Михайловское к Пушкиным, с которыми до этого я не был знаком.

Мы заехали сначала к нему в Вечи, где пообедали, и только под вечер отправились дальше.

Помню, была лунная ночь, немного мело и белые волокнистые облака быстро проносились по небу.

Мчатся тучи, вьются тучи
Невидимкою луна
Освещает снег летучий
Мутно небо, ночь мутна...

В офицерском пальто и холодных сапогах я порядочно-таки промерз, когда мы ехали окрестностями Михайловского; переехали мост

через Сороть, поднялись на ее левый берег и, миновав старый хвойный лес, сливающийся с парком, «приятном задумчивых дриад», въехали во двор усадьбы.

Вот и длинный деревянный дом, без всякой архитектуры и довольно дряхлый, помнивший поэта. Налево от него избушка няни Пушкина.

Как приятно вылезти из саней, расправить затекшие ноги и спину и войти в теплую светлую переднюю. Уют старого помещичьего дома сразу охватил нас. В следующей — биллиардной — нас встретил Григорий Александрович.

Он был среднего роста, хорошо сложенный и сухой темный шатен с небольшой бородой, ясными глазами и голосом, иногда срывающимся на крикливые ноты; он говорил отрывисто и четко тем барским говором, который часто слышался в гостиных высшего общества.

В противоположность невзрачной внешности дома внутренность его поразила меня роскошью, красотой и вкусом обстановки. Уют старых барских усадеб соединялся здесь с красотой богатых столичных квартир.

Конечно, больше всего меня интересовал сам хозяин, тем более что сразу бросалось в глаза его сходство с отцом, особенно нос, глаза и, мне казалось, голос и манеры.

Судя по биографиям поэта, по воспоминаниям о нем Вревских и Осиповых и особенно по вышедшим недавно письмам о Пушкине, собранным Вересаевым, в которых так явно обрисовывается весь его характер, я думаю, что этот младший сын поэта не только внешностью, но и характером был очень похож на отца.

Те же живость, подвижность, здоровая нервность, быстрая восприимчивость и отзывчивость, жизнерадостность, пожалуй, такая же страстность.

У таких людей, даже не обладающих особым душевным даром, внутренняя и внешняя жизнь всегда интенсивна и богата содержанием. В обществе они привлекательны и интересны.

К сожалению, я не помню теперь подробностей этого знакомства и могу передавать только общее впечатление. Не помню отчетливо и внешность его жены и падчерицы, которая только на минуту показала нам, «как мимолетное виденье».

Тут же гостил сын нашей порховской помещицы Волков, обладавший огромными музыкальными способностями и наполеоновским профилем.

Вскоре после этого он увез «Мато» — так звали падчерицу Пушкина — при романтической обстановке, ночью, подъехав на тройке к саду.

Я привожу здесь этот эпизод только потому, что и Волкова и Мато я ни до, ни после этой встречи никогда больше не видел.

Григория Александровича я, раз или два, видел после этого первого знакомства на охоте, которую он очень любил и где живость его характера сказывалась еще больше.

Вскоре я уехал на службу в Восточную Сибирь и в течение нескольких лет не посещал нашу милую Псковщину. Михайловское за это время было продано, и Пушкины уехали в Виленскую губернию.

Но что пройдет, то будет мило.

1/XI 1926 г.»

* * *

«Командирован в Варшаву для держания предварительного экзамена на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба — 18 июня 1889 года.

Командирован в Петербург для держания приемного экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба — 14 августа 1889 года.

По выдержании экзамена зачислен в академию — 3 октября 1889 года».

До 1888 года «родной» полк был расквартирован в городе Липно (Варшавский военный округ). На первом этапе поступления сдавались письменные экзамены по тактике, истории, географии и русскому языку, которые проводились при штабах военных округов. Как объясняет генерал Александр Лукомский в своих воспоминаниях, «чтобы не пропускать с выдачей прогонных денег офицеров, которые под предлогом держания экзамена в академии хотели бы просто прокатиться на казенный счет в Петербург». На втором этапе сдавались устные экзамены по строевым уставам, артиллерии, фортификации, математике, военной администрации, политической истории, географии, черчению, русскому и иностранному языку. До 1892 года в академию на младший (теоретический) курс принималось 50–60 человек ежегодно.

Все выпускники академии, оставившие воспоминания, отмечают, что учеба в академии требовала огромных усилий и была перегружена теорией. В летний период занятия продолжались «в поле», где проводились полуинструментальные и глазомерные съемки.

«Поручиком — 2 февраля 1890 года.

Отчислен из академии по невыдержании переводного экзамена — 24 февраля 1890 года.

Командирован для держания приемного переходного экзамена на поступление в старший класс Николаевской академии Генерального штаба — 2 августа 1891 года.

Зачислен в старший класс академии — 1 ноября 1891 года.

Штабс-ротмистром — 25 марта 1892 года».

По окончании старшего курса можно было, выдержав переходной экзамен, продолжить обучение на дополнительном курсе, где каждый из офицеров должен был выполнить три самостоятельных работы; две из них — рассматривая примеры из отечественной и зарубежной военной истории и третью — на решение стратегическо-тактического задания. Участь в академии, Ладыженский жил на Мойке, против нынешнего Дома связи, позже на Фонарном.

«По окончании курса наук в академии по I разряду назначен на службу в Варшавский военный округ — 25 марта 1893 года.

За отличные успехи в науках в Николаевской академии Генерального штаба произведен в ротмистры — 20 мая 1893 года».

Успешно закончившие трехлетний курс обучения получали право на причисление к Генеральному штабу и по старшинству полученных средних баллов выбирали для себя штабные вакансии в военных округах. Лучшими в выпуске 1893 года были Николай Данилов и Абрам Драгомиров, закончившие с медалями.

В своих воспоминаниях барон Алексей Будберг, окончивший академию в 1895 году, пишет: «Для меня стало ясно, что практическое значение нашей военной академии сводилось к тому, что она своими существенными и обязательными привилегиями неудержимо влекла к себе всё наиболее способное, честолюбивое и одаренное из десятков тысяч молодых офицеров нашей армии, отсортировывала их на способность хорошо учиться, затем тяжелым искусом приучала их к срочной, отчетливой и ответственной работе на самые разнообразные темы и в конце концов выпускала в ряды Генерального штаба отлично натасканных, везде ценных и всюду приветствуемых исполнителей. Недаром создавалась в армии и в стране поговорка, что «моменты» (как насмешливо называли офицеров Генерального штаба) годятся на любое дело, вплоть до назначения их архиереями или акушерами. Это очень зло, но верно характеризовало нашу академию и результаты ее работы».

«Переведен в Генеральный штаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба 6-й пехотной дивизии — 4 апреля 1894 года.

Назначен старшим адъютантом 5-го армейского корпуса — 7 июня 1894 года.

Назначен старшим адъютантом штаба помощника командующего войсками Варшавского военного округа — 8 ноября 1894 года.

Прикомандирован на годичный срок командования эскадроном 11 сентября 1895 года».

Штаб 6-й пехотной дивизии располагался в Остроленке, примерно в 90 км от Млавы. Штаб 5-го армейского корпуса и штаб помощника командующего войсками Варшавского военного округа по заведованию кавалерией округа располагались в самой Варшаве.

Цензовое командование эскадроном Ладыженский проходил с 17 октября 1895 по 22 октября 1896 года в «родном» полку, квартировавшем в Млаве.

Высочайшим приказом № 167 от 2 июля 1896 года должность помощника командующего войсками Варшавского военного округа была упразднена, из 13-й и 14-й кавалерийских дивизий создавался кавалерийский корпус, а штаб помощника переименовывался в штаб кавалерийского корпуса. Позднее этот корпус стал именоваться первым.

11 февраля 1896 года Гавриилу Михайловичу был пожалован орден св. Станислава III степени — младший в иерархии орденов империи, за выслугу лет в определенном чине.

6 декабря 1897 года старший адъютант штаба 1-го кавалерийского корпуса Ладыженский производится в чин подполковника с назначением старшим адъютантом штаба Приамурского военного округа.

Чтобы попасть в Хабаровск, где размещался штаб округа, из центральной России можно было доехать по железной дороге (на начало 1898 года) до Оби, а далее двигаться на лошадях по Сибирскому тракту на восток до станицы Сретенской. Антон Павлович Чехов так отзывался об этой дороге: «Сибирский тракт — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете... Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью. И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация!»

От Сретенской летний путь продолжался на пароходе по воде рек Шилки и Амура, а зимний — по льду тех же рек. Альтернативный вари-

ант — по железной дороге до Одессы, далее морем, регулярным рейсом на пароходе общества «Доброфлот» до Владивостока через Стамбул, Каир, Суэцкий канал, Аден, Коломбо, Сингапур, Нагасаки. Такое плавание продолжалось около двух месяцев. От Владивостока до Хабаровска в 1898 году уже можно было доехать по железной дороге.

«Командирован на шесть месяцев к 24-му драгунскому Лубенскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства — 27 апреля 1900 года».

Лубенский полк входил в состав Одесского военного округа и квартировал в Кишиневе. В это время на Дальнем Востоке активизировались военные действия, спровоцированные китайскими вооруженными формированиями ихэтуаней. Борьба велась фактически против всех иностранцев. В мае 1900 года восставшие осадили иностранные представительства, в том числе русское, в Пекине. Для освобождения дипломатических миссий была сформирована коалиционная группа войск из высадившихся на восточном побережье Китая десантов Японии, России, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Австро-Венгрии и США, которая двинулась к Пекину.

После объединения ихэтуаней с правительственными войсками география военных действий значительно расширилась. Начались военные действия в Маньчжурии против строителей и охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги.

11 июня последовало высочайшее повеление на приведение в военное положение войск Приамурского военного округа. Для защиты Харбина — узлового пункта строящейся магистрали формировались и отправлялись в Маньчжурию различные отряды: из Забайкалья, из Благовещенска, из Хабаровска.

17 июня следует назначение Гавриила Михайловича штаб-офицером для поручений при штабе Приамурского военного округа. Возможно, он уже двигался в Кишинев и добрался только до Сретенской, где его настигло новое назначение. В это время в станице формировалась группа из местных и прибывающих с запада по железной дороге войск для отправки на поддержку Благовещенска.

В работе «1900–1901. Военные действия в Китае» составитель генерал-майор Н.Р. Овсяный упоминает Гавриила Михайловича в следующем контексте: «Последнему эшелону пришлось иметь на пути дело с китайцами на пристани Мохо, где собралось до 400 китайских солдат в сопровождении вооруженных жителей. Лишь только головной

пароход эшелона подошел к пристани, как был встречен тремя залпами из-за приспособленных к обороне дров. Дрова были немедленно разбиты орудийным выстрелом, а на берег спущен, под начальством генерального штаба подполковника Ладыженского, десант из 1 ½ роты Читинского и батальона Сретенского полков. Десант выбил китайцев из селения близ пристани и очистил его от китайцев: последние бежали. Мохо было зажжено».

В работе редактора-издателя «Амурской газеты» Александра Кирхнера «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» отмечается: «Прибывший 18 июля в город [Благовещенск] подполковник Ладыженский прикомандирован к Амурскому казачьему полку на должность помощника [командира] полка по строевой части... 19 июля, перед вечером, около пяти часов, на балконе губернаторского дома, обращенном к Сахалину [китайское поселение на противоположном (правом) берегу Амура], собрался военный совет. На совете присутствовали: начальник Благовещенского отряда генерал-лейтенант К.Н. Грибский, помощник командующего войсками Квантунской области, назначенный начальником боевой части войск при взятии Сахалина генерал-майор Суботич, начальник военных инженеров в Хабаровске генерал-майор Александров, начальник штаба Благовещенского отряда Генерального штаба капитан Самойлов, офицеры Генеральн[ого] штаба: подполковник Будберг, подполковник Ладыженский, капитан Запольский и капитан Богданов и кроме того начальник артиллерии инженер-полковник Шефер, командир Амурского казачьего полка полковник Печенкин, председатель войскового правления полковник Волковинский и исполняющий обязанности коменданта отряда войсковой старшина Сотников».

Операция по захвату Сахалина началась в ночь на 20 июля и завершилась к середине дня, как пишет Кирхнер, «почти без потерь с нашей стороны».

Следующим объектом для захвата стал богатый китайский город Айгун, находящийся на берегу Амура в 40 верстах ниже Благовещенска.

Кирхнер приводит текст телеграммы, отправленной в Хабаровск командующему армией Гродекову:

«Вчера, 22-го июля, Айгун взят после упорного боя. Китайцы разбиты, взято много орудий, пороховые склады. С нашей стороны убитых нет, раненых немного... Отряд Сервианова выдвинут по Цицикарской дороге на один переход...

Ком. отряда Грибский».

Участники военного совета в Благовещенске 19 июля.

*Сидят: второй слева генерал-майор Суботич,
третий — генерал-лейтенант Грибский.*

*Третий слева в заднем ряду — подполковник барон Будберг,
пятый справа — подполковник Ладыженский*

Барон Алексей Будберг описывает этот эпизод несколько иначе: «Взятие» состоялось, причем в этот день китайцы не оказали никакого организованного сопротивления, так как войска и значительная часть населения ночью бросили Айгун и быстро покатались на юг по дороге на Мерген».

И далее по поводу «отряда Сервианова» из телеграммы Грибского:

«При этом Грибский отозвал меня в сторону [подполковник Будберг был начальником штаба в отряде Сервианова] и спросил, насколько Сервианов отвечал такому назначению, на что я откровенно доложил, что, будучи очень заботливым командиром части, Сервианов — специалист железнодорожник — очень мало понимал в военном деле и по характеру мало подходил к должности начальника преследующего отряда, требующего способности к порыву, самостоятельности и безбоязненного принятия смелых и даже рискованных решений... Я позволил себе указать на прибывшего в этот день под Айгун начальника штаба войск Забайкальской области генерала Ренненкампа... произведшего на всех очень сильное впечатление стремительным пробегом верхом

из Благовещенска и последующим участием в перестрелке с китайцами в роли простого бойца и отличного стрелка».

В примечании барон Будберг указывает, что «случайный вопрос Грибского положил начало всей последующей боевой карьеры Ренненкампа». Сам Алексей Павлович предпочел 24 июля получить новое назначение, а начальником штаба отряда для преследования китайских войск был назначен подполковник Ладыженский.

Как отмечает участник событий, в ту пору хорунжий казачьего полка, Александр Маковкин, «сформирован был летучий отряд из Нерчинских: 1-й и 2-й сотен и полусотни 3-й сотни, только что сгрузившейся с парохода, 4-й и 5-й сотен Амурцев и 2-х орудий отдельного Забайкальского артиллерийского дивизиона».

Первая серьезная стычка отряда с китайскими войсками произошла у деревни Эйюр 25 июля. Потери казаков по Маковкину: 12 убитыми, 28 ранеными, а также ранено было 27 лошадей. По поводу этого боя «Разведчик» в № 519 писал: «...Генерал Ренненкампф называет как особенно отличившихся хорунжего Вертопрахова, есаула Токмакова, подпоручика артиллерии Егорова и генерального штаба подполковника Ладыженского».

Следующее серьезное испытание ожидало отряд на перевале через Малый Хинган. Вот как описывает эти события Маковкин:

«28 июля, не доходя четырех верст до Хинганского перевала, наши разезды были встречены ружейным огнем, а затем, когда отряд подошел версты на две, то и орудия загрохотали из окопов. Отряд втянулся в узкую долину, огражденную по сторонам высокими горами, а впереди перевалом Малого Хингана, поросшим лесом; вправо и влево от нее отходило несколько узких долин. Для рекогносцировки позиции противника, усиленной окопами, генерал-майор Ренненкампф приказал: с фронта действовать двум орудиям и 5-й сотне Амурского полка. 4-й Амурской обрекогносцировать левый фланг; 2 ½ сотням Нерчинцев, под командою начальника штаба отряда подполковника Ладыженского, обойти правый фланг позиции противника.

Колонна подполковника Ладыженского, двигаясь в обход, без дорог, по лесистым горам с болотистыми лощинками, шла поодиночке, большею частью ведя лошадей в поводу; выйдя на гору против фланга позиции, сотни спешили, по плохо видимым между деревьями участкам китайской позиции сделали несколько залпов, а затем продвинулись вперед. Завязалась оживленная перестрелка. Вправо слышалась

канонада нашего артиллерийского взвода и ответные выстрелы китайских орудий. Но вот донесение от левого дозора о появлении китайцев у нас слева, и действительно, сотни очутились под перекрестным огнем, всё более усиливавшимся. Затем обнаружился обход с тыла. Не видя за лесом врага, а судя о нем по направлению пуль и тревожась за коноводов, есаул Токмаков, за отсутствием при сотнях подполковника Ладыженского, отдал приказание отступать...

Имеющимися силами начальник отряда считал невозможным борьбу с этим многочисленным противником в горах, с отрядом в 300 шашек, а потому, вернувшись в деревню Сыджа, оставался с 29 июля по 2 августа на биваке, в ожидании Сретенского полка.

...В час ночи [3 августа] в глубокой тишине двинулась обходная колонна подполковника Ладыженского в составе двух батальонов и 6-й сотни Амурцев; беззвучно протянулась колонна в ночном мраке мимо «Орлиного гнезда», оставив одну роту у ее подошвы.

В 4 часа утра наша артиллерия с грохотом выехала на позицию, и лишь левофланговое орудие поднялось на горку, грянул страшный взрыв, и в воздух взлетело две ездовых и четыре лошади, разорванные на куски; радостное настроение китайцев от удачно взорванного фугаса улеглось после первых же выстрелов нашей артиллерии; через ½ часа уже неприятельские орудия молчали, и наша батарея перенесла свой огонь на левый их фланг, куда китайские стрелки отступили, выбитые из передового окопа. Стройными линиями цепей и поддержек двинулись батальоны на перевал, не обращая внимания на свои потери от слившихся в сплошной рев неприятельских выстрелов. Но вдруг их огонь сразу затих; из ложементов защитники бросились к лесу. Из-за леса, с горы в тылу китайцев донеслись отдаленные раскаты «ура»; то обходная колонна ударила на их резервы и обоз».

Дальнейший путь отряда к Цицикару проходил практически без сопротивления. У Маковкина читаем: «...Бросив пехоту позади, имея несколько незначительных стычек, конный отряд, сделав более 100 верст за два дня, уже 5 августа, утром, занял город Мерген... 7 августа в Мерген прибыла пехота с полусотней 3-й сотни, последняя далее следовала уже с конным отрядом».

В последующие дни китайские власти неоднократно присылали парламентаров с целью договориться о мирной сдаче Цицикара. 15 августа отряд Ренненкампа вступил в брошенную китайцами столицу провинции.

После встречи близ Цицикара отрядов генералов Орлова и Ренненкампа, 24 августа была получена телеграмма от 19 августа с новыми приказами командовавшего войсками округа Гродекова. Согласно этому приказанию Ренненкампа выступал в Бодунэ с 9 ½ сотнями и шестью орудиями, а Орлов приступал к обеспечению линии строящейся железной дороги и к устройству этапов.

Во время недолгого пребывания в Цицикаре произошел следующий эпизод, упомянутый в воспоминаниях барона Будберга: «...Очень дорогой аккордеон, поднесенный Шеу [цицикарский цзянь-цзюнь] китайскими золотопромышленниками и игравший китайские арии (над нотным валом аккордеона сидели сделанные из золота и цветных камней жуки и мушки, за ножки которых цеплялись штифты вала; сбоку стояли миниатюрные фигуры танцовщиц, бивших острыми носками туфель по набору серебряных колокольчиков), погиб в Нонни [река], брошенный туда по приказу Ренненкампа, который окончательно извелся на своего начальника штаба, подполковника Ладыженского, овладевшего этим аккордеоном и заводившего его днем и ночью, не давая этим никому спать».

Из заметки сотника Николаева в журнале «Разведчик» № 535: «Получив разрешение выделиться вперед, конный отряд Ренненкампа делает форсированное движение на Бодунэ, зная, что противник должен захватить переправу реки Сунгари при впадении в нее реки Нонни. Для этого генерал выделяет... дивизион, еще на марше, и приказывает захватить переправу. Подполковник Павлов 125 верст делает в 20 часов... переправляет три взвода на берег противника... и обеспечивает нашему отряду переправу. Было трудно, река была в полном разливе 5 верст ширины... В это время, ночью, генерал со своим начальником штаба подполковником Ладыженским и мною появляется на переправе, переправляемся трудно на правый берег [Нонни], утром 29 августа с большими усилиями, опасностью переправляемся через Сунгари... Быстрым движением, не дожидаясь переправы главных сил, отдав приказание переправившимся войскам двигаться на рысях, со взводом в голове колонны и имея при себе 45 казаков, шесть офицеров и присоединяется на пути 2-я сотня... в 8 часов вечера вступает в город Бодунэ».

Двигаясь дальше в том же темпе, генерал Ренненкампа 10 сентября в 7 часов утра вступил в Гирин. С занятием Гирина военные действия в Северной Маньчжурии в основном были закончены.

Еще 25 июля приказом № 268 по военному ведомству было предписано образовать 2-й Сибирский армейский корпус и сформировать управления пехотных бригад, входящих в него. Штаб-офицером при управлении 1-й резервной Сибирской бригады 1 августа был назначен подполковник Ладыженский. Местом формирования управления бригады была указана Чита.

Новым начальником штаба в отряде Ренненкамппа стал подполковник Александр Александрович Павлов. Он не был выпускником академии, зато был выдающимся кавалеристом. Вот что писал о нем начальник Хайларского отряда генерал Орлов в своих воспоминаниях: «Подполковник Павлов [после представления начальнику отряда] ушел, пристроился к чайному столу, и слышно было, как он рассказывал, что добрался сюда по летучей почте, переменяя лошадей на казачьих постах, что его собственные лошади идут далеко позади, что вещей при нем никаких нет, а только то, что на нем надето, что под Красным Селом на скачках он только что взял приз в 4 000 рублей. Начальник отряда, засыпая, думал: «Как же это так, выехал он из Читы 11 августа, сегодня 16-е, значит, он ехал всего с небольшим пять дней и притом чуть не половину пути верхом, а ведь тут целая тысяча верст. Молодец! Для начала это не дурно; как, должно быть, ему хочется спать, а те его еще расспрашивают разные пустяки».

Высочайшим приказом от 11 февраля 1901 года штаб-офицеру при управлении Сибирской пехотной бригады генерального штаба подполковнику Гавриилу Ладыженскому был пожалован орден св. великомученика и победоносца Георгия IV степени с формулировкой: «За рекогносцировку правого фланга неприятельской позиции 28 июля 1900 года под Хинганом, с большой опасностью сопряженной. Эта рекогносцировка решила план атаки в ночь со 2-го на 3-е августа левого фланга противника, результатом чего было полное поражение неприятеля».

18 апреля 1901 года Ладыженский вновь прикомандировывается на шесть месяцев к 24-му драгунскому Лубенскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства. На этот раз он добрался до Кишинева и был назначен помощником командира полка по заведованию хозяйством 11 мая 1901 года. Прослужил в полку до 10 ноября 1901 года. На Дальний Восток Ладыженский больше не вернулся, еще 17 мая он был назначен штаб-офицером при управлении 54-й пехотной резервной бригады. Бригада дислоцировалась в Пензе

и входила в состав Казанского военного округа. 5 декабря начальником бригады был назначен генерал-майор Орлов, который до этого командовал Хайларским отрядом и упоминался выше.

«За отличие по службе произведен в полковники — 26 ноября 1901 года.

14 февраля 1902 года последовал высочайший приказ о пожаловании Ладыженскому «за отличия в делах против китайцев» ордена св. Анны III степени с мечами и бантом.

Начальником штаба 7-й кавалерийской дивизии — 24 февраля 1903 года.

Начальником штаба 11-й кавалерийской дивизии — 21 сентября 1905 года».

В 1903 году на посту начальника штаба 7-й дивизии Ладыженский сменил соученика по академии Абрама Драгомирова. Штаб 7-й дивизии располагался в Ковеле Волынской губернии. В Русско-японской войне 1904–1905 годов дивизия участия не принимала. Штаб 11-й дивизии располагался в Дубно той же губернии. 20 ноября 1905 года последовал высочайший приказ о пожаловании ордена св. Станислава II степени.

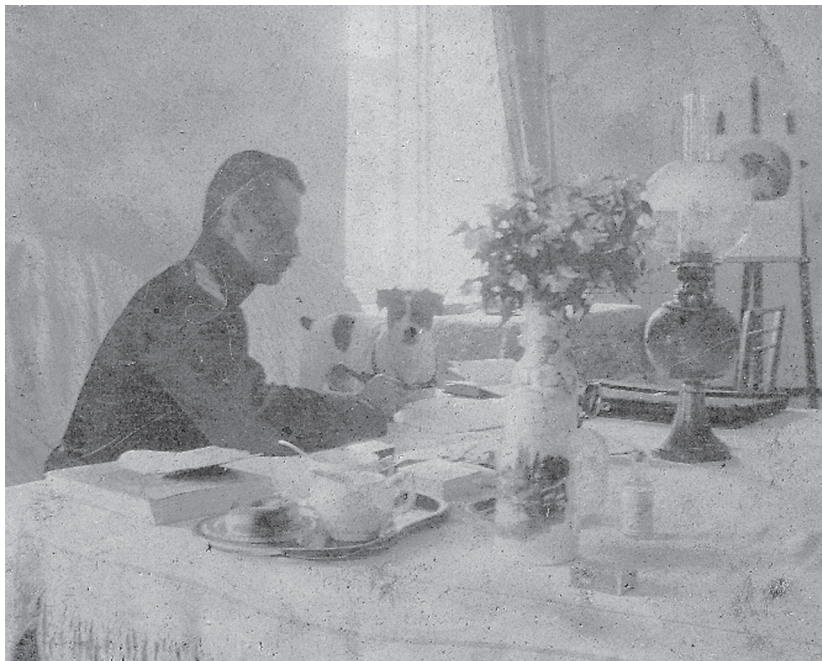
В 9 и 10 номерах журнала «Военный сборник» за 1906 год была напечатана статья Ладыженского «О командном составе армии и системе его подбора».

«Командиром 2-го драгунского Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка — 11 мая 1907 года».

Это вожделенный для каждого офицера момент, когда он получает в командование самостоятельную боевую часть. Размещался полк в Ржеве и в 1907 году отмечал свое двухсотлетие. За долгую историю полка имя его неоднократно менялось. Был он и конно-гренадерским, и кирасирским, и карабинерным, а в декабре 1907 года был переименован из 2-го драгунского в 1-й уланский.

Впрочем, командование полком продолжалось недолго. 19 сентября того же года Гавриил Михайлович был произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и с пенсией. В воспоминаниях его сына Гавриила Гавриловича приводится следующее объяснение ухода со службы: «Кто-то из высоких военных или придворных чинов позволил себе сделать ему замечание, касающееся лично отца (после парада, принимаемого императором, полковник изволил изрядно выпить). «Ах, мое поведение не нравится! Подаю в отставку!»

И там же далее:

Гавриил Михайлович Ладыженский. 1910 год

«После 25 лет военной службы, с переездами от Варшавы до Хабаровска и от Санкт-Петербурга до Одессы, отец мечтал о жизни в своем имении, ближе к земле и природе, что соответствовало его индивидуальности, характеру, стремившемуся к максимально возможной независимости. Природа, хозяйство, книги, живопись могли полностью обеспечить его духовные потребности и уходили вглубь веков — к семейным традициям.

Жизнь в Санкт-Петербурге с 1907 по 1910 год, после отставки... Поездки летом к родственникам в Голубово и Александрово Псковской губернии к Вревским и в Малинники Тверской губернии к Панафидиным не создавали чувства оседлости и внутреннего удовлетворения, что усугублялось отсутствием семьи. Женившись в 1910 году, отец решил осуществить свою мечту — вернуться к милой сердцу помещичьей жизни».

Живя в Петербурге, Гавриил Михайлович опубликовал в «Военном сборнике» № 10 за 1908 год статью «Тактическая подготовка

*Мария Мартыновна Бумбе-Ладыженская.
Работа Г.М. Ладыженского*

офицеров кавалерии» и участвовал в работе военно-исторической комиссии по составлению истории Русско-японской войны.

Один из официальных членов этой комиссии и соученик Ладыженского по академии Федор Рерберг в своих воспоминаниях пишет: «Описание этих двух операций... было поручено уже впоследствии, незадолго до окончания работ комиссии, причем «Набег на Инкоу» взялся описывать один добровольный историк, состоявший тогда в отставке генерал-майор Лодыженский, описавший также действия на Сахалине и в районе Владивостока...» Эти эпизоды включены в IX том издания

«Русско-японская война 1904–1905 годов». Согласно справочному изданию «Весь Петербург» за 1911 год, Г.М. Ладыженский в то время проживал по адресу Фуражный переулок, дом 4.

В 1910 году Гавриил Михайлович женился на Марии Мартыновне Бумбе. Вот копия записи в метрической книге санкт-петербургской Рождественской церкви на Песках в современной орфографии:

«Месяц и день — 10 ноября.

Звание, имя, отчество и фамилия жениха и которым браком — генерал-майор в отставке Гавриил Михайлович Ладыженский, православного исповедания, вторым браком.

Лет жениха — 45.

Звание, имя, отчество и фамилия невесты и которым браком — уроженка Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Каугерской волости девица Мария Мартыновна Марцевна Бумбе, православного исповедания.

Лет невесты — 27.

Кто совершил таинство — протоиерей Николай Смирягин.

Кто был поручителем — по жениху: дворянин Григорий Григорьевич Карпов и поручик Михаил Иванович Иващенко; по невесте: художник живописи Николай Васильевич Розанов и потомственный дворянин Борис Григорьевич Карпов».

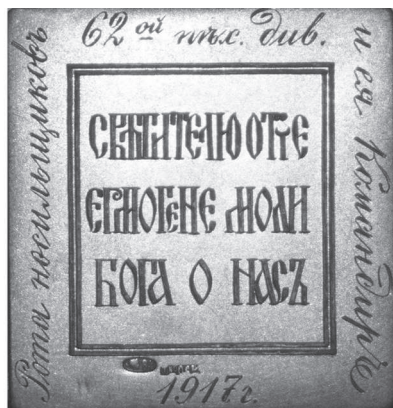
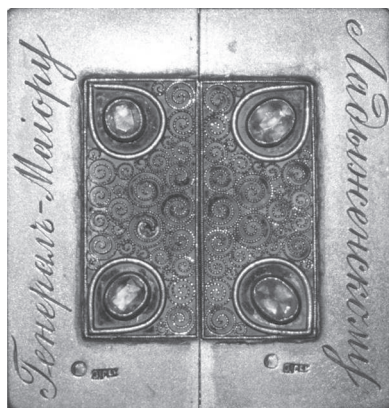
Весной 1911 года семья переехала в Брежнево Белевского уезда Тульской губернии. Старое имение с земельным участком в 26 десятин земли было взято в аренду с последующим выкупом. Планы были обширные: строительство нового кирпичного жилого дома в стиле ампира, очень похожего на дом в Тригорском, и даже с ванной комнатой. Гавриил Михайлович сам составил проект. Старый усадебный дом для жилья был непригоден, и его разобрали на дрова, а семья поселилась в новом небольшом деревянном рубленом доме с пристройками. Для начала оборудовали столовую, гостиную, кабинет, кухню, комнату для прислуги.

После рождения 5 декабря 1911 года сына Гавриила пристроили еще одну комнату. Начали развивать хозяйство с покупки двух лошадей, коровы, свиней, кур, гусей. Для полевых работ нанимали местных крестьян. Постоянными были только конюхи и кухарка.

Из воспоминаний сына: «Жизнь в Брежневле шла тихо, размеренно — в 9 часов завтрак, в 15 — обед, в 18 — вечерний чай, а в 20 — ужин. Питание незатейливое, из своих продуктов. Покупали в Белеве бакалею, да летом свежее мясо. В свободное от хозяйства время папа рисовал маслом. До войны сохранилась фотография — папа сидит на

Гавроша Ладыженский. 1913 год

Складень Гавриила Михайловича Ладыженского

стуле перед мольбертом, мама стоит сзади, облокотившись на стул. В гостиной висели его копии с «Моря» Дубовского и летящие Паоло и Франческа да Римини (автора не помню). Писал воспоминания, дневник. Выписывались книги, газеты и журналы. С тех времен помню «Столица и усадьба»: журнал ставил целью запечатлеть архитектурные памятники в усадьбах и новости столичной жизни. Для чтения получали журнал «Нива».

Первого августа 1914 года началась война, и Гавриил Михайлович пишет прошение о возвращении в службу.

10 сентября последовало заключение: «Принимая во внимание высшее военное образование, высокое боевое отличие генерал-майора Ладыженского, а также заключение генерал-адъютанта генерала от кавалерии фон Ренненкампа, что названный генерал ему известен как лихой и смелый кавалерист, военный министр всеподданнейше докладывает... о желательности обратного приема в службу отставного генерал-майора Ладыженского».

В высочайшем приказе от 11 сентября: «Определяется в службу отставной генерал-майор Ладыженский — с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа, с зачислением по армейской кавалерии».

В феврале 1915 года Ладыженский был допущен к командованию 1-й бригадой 3-й кавалерийской дивизии, а 27 февраля назначен ее командиром. В составе бригады были два полка: 3-й драгунский

Новороссийский и 3-й уланский Смоленский. Дивизия (начальник генерал-лейтенант Леонтович) входила в 3-й армейский корпус, воевавший в составе 1-й армии. Весной 1915 года армия вела ожесточенные бои в Прибалтийском регионе. 21 февраля Гавриилу Михайловичу был пожалован орден св. Владимира III степени с мечами, 20 мая — орден св. Станислава I степени с мечами.

25 июня 1915 года Ладыженский был отчислен от занимаемой должности по болезни с зачислением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа.

Вспоминает сын: «Кажется, в начале лета 1915 года папа приехал в отпуск. С собой привез двух солдат: Карасева и Козлова. Такие «командировки» для генералов были еще возможны. Война еще не вошла в свою трагическую стадию. Солдаты радовались — не надо ходить в атаку или стоять под артогнем, жить под открытым небом. Куда приятнее заниматься привычным крестьянским трудом, да еще получать по 30 рублей в месяц. Отец рассчитался в банке за ранее приобретенную землю и взял еще 26 десятин, прилегавших к нашей земле».

20 декабря 1916 года «числящийся по армейской кавалерии, состоящий в резерве чинов при штабе Двинского военного округа генерал-майор Ладыженский назначается начальником штаба 62-й пехотной дивизии с переводом в генеральный штаб».

Прослужил Гавриил Михайлович в дивизии всего три месяца, но память об этом осталась на всю жизнь в виде небольшого складня с дарственной надписью.

17 марта 1917 года новое назначение — начальником штаба 3-го Кавказского армейского корпуса. До штаба корпуса Ладыженский добрался только 17 апреля, о чем свидетельствует приказ командующего корпусом генерал-лейтенанта Вадбольского от 18 апреля, а уже 5 мая последовало новое назначение — начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса. Оба корпуса входили в состав 7-й армии Юго-западного фронта.

Через два месяца командующий корпусом генерал-лейтенант князь Туманов подписывает приказы по корпусу № 228 и 229. Первый: «7 сего июля в 11 час. при штабе корпуса... назначаю комиссию под председательством корпусного врача действительного статского советника Ангелова для освидетельствования состояния здоровья начальника штаба корпуса генерал-майора Ладыженского на предмет эвакуации его по болезни».

Второй: «Начальника штаба корпуса генерал-майора Ладыженского полагать эвакуированным по болезни с 8 сего июля».

Наконец, 3 сентября приказом военного министра начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса генерал-майор Ладыженский был отчислен от должности — на основании приказа 1917 года № 530 по военному ведомству с зачислением в резерв чинов при штабе Киевского военного округа.

Из воспоминаний сына:

«Время было бурное, многие солдаты вернулись с фронта, стало беспокойно... Ближе к осени папа вернулся с фронта... Из его рассказов было ясно, что армия развалилась и становится небоеспособной и возможна в ближайшее время революция...

О Брежневе последнее воспоминание связано с «революционно» настроенными крестьянами. На дворе, у места строительства нового дома, был сложен кирпич. Смотрю в окно — на штабелях и вокруг «православные» ходят, что-то говорят, размахивая руками. Делили кирпич... Делать в Брежневе было нечего, и где-то в октябре (до революции) поздно вечером были запряжены лошади, уложено самое ценное, и мы выехали в Белев...

От оврага к центру города был расположен женский монастырь, в котором мы и поместились в двухэтажном кирпичном доме, стоявшем на северо-восточном углу монастыря над оврагом, в комнатах, выходящих на Оку... Ближе к весне, поздно вечером, когда я уже был в постели, комната внезапно наполнилась мужчинами в кожаных куртках и шинелях. Папу арестовали и увели...

Весной ходили на свидание с папой. Заключенных выпускали без охраны на лужок перед тюрьмой.

Благодаря комиссару города (фамилия его была Рева) отца скоро выпустили — сажать-то было не за что... Папа был по убеждениям монархист, но он знал историю и ход ее развития. Революция, произведенная миллионами солдат, желавшими кончить неудачную войну, вылезти из окопов и получить обещанную Лениным землю, — необратима, и контрреволюция была обречена. Надо было начинать жизнь сначала... Власть меняется, а Россия остается».

В бумагах Гавриила Михайловича имеется удостоверение № 21265, подписанное начальником пенсионного отдела б.[ывшего] Главного штаба, где написано: «Состоявший в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, бывший генерал-майор Гавриил Михайлович Ладыженский 12-го апреля 1918 года уволен от службы».

В начале июня 1918 года Ладыженский решил снова поступить на военную службу, но уже в Красную армию. Он отправился в Москву к С.С. Каменеву, знакомому по старой армии. Службу в Красной армии Гавриил Михайлович начал 13 июня 1918 года сотрудником для поручений при начальнике штаба Московского военного округа. 16 октября 1918 года он был назначен инспектором кавалерии 5-й армии, в тот же месяц переведен инспектором кавалерии Восточного фронта. По дороге в Симбирск, где размещался штаб Восточного фронта, он заехал за семьей в Белев.

В начале лета 1919 года штаб инспекции кавалерии Восточного фронта перевели в Арзамас. В инспекционную поездку на Восточный фронт Гавриил Михайлович взял с собой жену и сына. По возвращении в Арзамас, благодаря настоятельным просьбам жены, стремившейся к православным святым местам, состоялась поездка в Саровский монастырь.

Вот как описывает эту поездку сын: «Ехали с удобствами на парной коляске. Расстояние 60 км. В селе Пузо обедали, кормили лошадей. Мои военные наклонности вспыхнули с новой силой. Организовал два отряда мальчишек. Маршировали, в общем играли с 6–10-летними ребятами. Но по возвращении комиссар закатил папе выговор: «С кем это ваш сын собирается воевать?» А как же? Идет еще гражданская война. Сын генерала — значит собирается воевать за белых. Неумолимая логика. А ведь большинство царских офицеров честно служили советской власти. Интересно другое — кто сообщил? Кучер-солдат или «власти» из Пузо? Не эта ли поездка командира Красной армии в монастырь, да еще моя игра послужили причиной перевода отца уже 25.08.19 г. в распоряжение штаба Приволжского военного округа без назначения?»

Гавриил Михайлович остался в Симбирске. Мария Мартыновна, взяв с собой сына, в компании с Пелагеей Николаевной (Полей), вывезенной еще из Брежнева, и Евдокией Петровной, бывшей сельской учительницей, поселилась в 30 км от Арзамаса у архимандрита Софрония.

17 апреля 1920 года Ладыженский был назначен в распоряжение начальника управления пехоты запасной армии Республики на должность инспектора для поручений (инженерных войск), а 26 августа 1920 года уже просто в распоряжение начальника управления пехоты запасной армии Республики, без должности. В Российской государственной библиотеке хранится «Краткое руководство для преподавания тактики кавалерии на современных кавалерийских курсах [рукопись] /

У Софрония. Работа Г.М. Ладыженского

составил Г.М. Ладыженский. 1 марта 1921 года г. Арзамас; рукой неустановленного лица. [Б. м.], не ранее 1921 г. 81 [1 л. + 160 стр.] л.; 1° (22,2 × 18,1) см».

Сын вспоминает:

«Первый год папа присылал деньги, но по возвращении его из армии деньги иссякли, и мы находились в весьма плачевном положении. Конечно, сажали картофель и овощи, а один год посеяли просо... В самые тяжелые дни помогали крестьяне, приносившие гостинцы — пироги ржаные с картошкой, гречкой, пшеном, молоко, масло. Но было и так, что на завтрак, обед и ужин один вареный картофель. Хорошо

если с солью. С ней в те времена было плохо. На соль многое можно было выменять. Летом помогали грибы, ягоды — земляника... Самым тяжелым оказался 1921 год. Наверное, в 1922 году, через знакомых лесничих и главного лесничего уезда Подсосова, папа получил какую-то топографическую лесоустроительную работу. Помню его возвращение с какими-то продуктами и, главное, бубликами...

У какого-то богатого мужика папа обменял все ордена (в них ободки были из золота), кроме ордена св. Георгия. Самым последним он обменял на продукты наган».

Интересно, что в документе под названием «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в рабоче-крестьянской красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года» Гавриил Михайлович числится как «штатный преподаватель 9 Казанских кав. курсов». На самом деле, Гавриил Михайлович в 1922 году поступил в лесной техникум и, экстерном сдав экзамены, начал в 1923 году работать в Пиявочной [деревня в 5 км от Пустыни] десятником по лесозаготовкам.

14 сентября 1923 года комиссией при Нижегородском военном госпитале Ладыженский признан к военной службе негодным с исключением с учета.

24 января 1924 года от милиарного туберкулеза умерла Мария Мартыновна. Гавриил Михайлович с сыном перебрались в Арзамас. Жить приходилось на случайные заработки. 15 сентября 1925 года постановлением губкомиссии по назначению социального обеспечения Ладыженский был признан инвалидом Гражданской войны и пенсионером. Появился крошечный постоянный доход.

Перспектив жизни на периферии не было, и Гавриил Михайлович списался с дальними родственниками: президентом Географического общества Юлием Михайловичем Шокальским и профессором физической химии при Ленинградском университете Михаилом Степановичем Вревским. Весной 1926 года Гавриил Михайлович, по вызову Шокальского, выехал в Ленинград. Некоторое время жил у Вревских, на территории Университета, а с приездом сына и Пелагеи Николаевны снял комнату у Гартохов по адресу Съездовская линия, дом 7, квартира 6. Оскар Оскарович Гартох был известным микробиологом и одним из основоположников отечественной иммунологии. Неоднократно арестовывался, был осужден по ложному обвинению; расстрелян в Саратовской тюрьме в 1942 году.

Третьего августа 1927 года Гавриил Михайлович вступил в брак с Пелагеей Николаевной Осиповой (Полей). Первого октября начал работу в Геологическом комитете на должности картографа в качестве научного сотрудника, позднее чертежника и вновь картографа, а с 1930 года в Институте геологической карты, где проработал до 8 апреля 1931 года. Сын поступил в шестой класс школы имени Карла Мая, в ту пору 217-ю трудшколу. Еще родители Оскара Оскаровича и ряд других дали Маю деньги на строительство школы. Она славилась не только педагогами, но и оборудованием кабинетов. Так, физический кабинет состоял из трех комнат: ступенчатая аудитория и в двух комнатах — лаборатории.

По старой традиции отец с сыном по воскресеньям ходили к обедне в церковь у Горного института на набережной Невы.

Гавриил Михайлович являлся последним хранителем семейной реликвии Ладыженских — автографа Александра Сергеевича Пушкина.

Факсимиле автографа впервые было опубликовано и прокомментировано Л.Б. Модзалевским в статье «А.С. Пушкин. Два новых автографа» в 1932 году.

Если жизнь тебя обманет
Не печалься не сердись:
Въ день унынія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

— А. Пушкинъ
7 апрѣля 1835. П. Б.

«Стихотворение это вошло в издания сочинений поэта. Оно обращено к небызвестной Евпраксии Николаевне Вульф, впоследствии бар. Вревской, и записано еще в 1825 году ей в альбом, теперь нам недоступный... В печати имеет следующее окончание:

Сердце в будущем живеть;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдетъ;
Что пройдетъ, то будет мило.

Еще жистъ въ обществѣ,
Не погасишь ты свѣтъ:
Въ немъ живишь и живишь,
Дни, вѣсны, вѣры, надежды...

А. С. Пушкинъ
7 ноября 1855 г. Б

Запись А. С. Пушкина в альбоме Е. А. Лодыженской

Новая запись Пушкина находится на одном из листов альбома, принадлежавшего Елизавете Александровне Сушковой (1815–1883), по мужу Ладыженской».

С самого приезда в Ленинград Гавриил Михайлович начал приучать сына к изобразительному искусству, в свободные дни водил его в Эрмитаж, Русский музей, на различные выставки. На примерах объяснял, что такое сюжет, композиция, стиль, освещение. Сам много рисовал, поддерживал дружеские отношения с художником и преподавателем Академии художеств Федоровичем, искусствоведом, профессором Першиным.

Наиболее тесная дружба связывала его с Борисом Григорьевичем Карповым — троюродным братом и тоже внуком Зизи (Евпраксии Николаевны Вульф-Вревской). Борис Григорьевич — химик, крупный специалист по анализу редкоземельных элементов, доктор наук, работал заведующим химической лабораторией Геолкома.

Сын вспоминает:

«Два раза дядя Боря Карпов брал нас с папой в ложу Мариинского театра. Запомнился «Евгений Онегин», ставший любимой оперой после «Хованщины». Я знал, что в какой-то степени прототип Татьяны — Анна Вульф, а Ольга — еще в большей степени Зизи, наша прабабушка.

Папа обычно сидел в комнате при ложе и на сцену не смотрел: «Не люблю актерской игры — они не дают тот образ, который у меня в душе. Слушаю музыку и пение»...

Папа продолжал работать по картографии. Он рисовал карты бергштрихами и отмывкой, да еще прирабатывал в Институте растениеводства (на Исаакиевской площади), рисуя пером разные колоски и растения. За бергштрихи платили 1 рубль за 1 квадратный сантиметр, за отмывку 25 копеек. Образец его работы имеется в моем архиве. Поля тоже работала, так что жили не очень скудно».

В этот период Гавриилу Михайловичу предлагалось выехать за границу, чтобы вести специфическую работу в эмигрантских кругах, но он отказался, сославшись на преклонный возраст и слабое здоровье.

С 1928 года началось сворачивание НЭПа. Последствия проявились достаточно быстро. Из трех частных булочных в окрестностях места жительства семьи Ладыженских — русской, немецкой и швейцарской — не осталось ни одной.

По указанию РОНО сына Гавриила Михайловича перевели в более «пролетарскую» 213-ю школу, где много внимания уделялось общественной работе. Учась в девятом классе, он закончил курсы коллекторов-геологов и был отправлен на работу в Институт цветных металлов. Его поездки в геологические экспедиции стали постоянными.

В 1929 году Академическое дело положило начало планомерному уничтожению научно-технической интеллигенции СССР. В 1930 году процесс продолжился Делом Промпартии. На это же время пришлось и «сплошная коллективизация», уничтожившая мелкие сельские хозяйства, но не принесящая ожидаемых успехов. К 1931 году в Ленинграде все продукты уже продавались по карточкам.

В начале 1930-х Б.Г. Карпова «попросили» освободить пятикомнатную квартиру для какого-то начальника. Жившего в его квартире племянника Бориса Коишевского, оказавшегося бездомным, Гавриил Михайлович устроил, договорившись с Гартохом о комнатке для домработницы рядом с ванной. Позднее, после женитьбы Бориса, он согласился отгородить в 50-тиметровой комнате, где жила семья Ладыженских, помещение в 20 метров для семьи Коишевских.

В 1932 году умерла жена Гартоха Мария Васильевна, в девичестве Пульман, по происхождению англичанка. Когда в 1934 году первый раз арестовали самого Гартоха, его сестра Эльза Оскаровна, жившая в Швейцарии, через Ромена Роллана добилась его освобождения.

Осенью 1934 года был арестован сын Гавриила Михайловича — по доносу одного из знакомых, за рассказанный в компании анекдот: продержали в тюрьме два месяца и выпустили без предъявления обви-

нения, но в оформлении пропуска на работу в погранзону в начале 1935 года отказали. Подобная «экскурсия» оборачивалась «волчьим билетом» — устроиться на приличную работу в Ленинграде становилось невозможным.

В марте 1935 года Гавриил Михайлович с Пелагеей Николаевной были высланы из Ленинграда в Уфу сроком на пять лет. Вскоре вслед за ними отправили и семью Коишевых. Незадолго до отъезда автограф А.С. Пушкина был приобретен у Ладыженского Государственным литературным музеем, в 1940 году автограф был передан оттуда в Государственный музей А.С. Пушкина, образованный в Москве в 1938 году, а в 1948-м, в составе этого музея, поступил в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Осенью 1935 года сын — Гавриил Гаврилович — женился на Елене Михайловне Мигай. Весной 1936 года они заключили договор в Ленинградском представительстве «Дальстроя» и отправились работать на Колыму.

Из воспоминаний сына:

«Съездили к папе в Уфу. Надо было попрощаться, да и жену представить. Жили они с Полей на частной квартире, в комнате на два окна. Жили туго. До своего отъезда помочь было нечем. Единственным утешением было окружение — такая же ссыльная интеллигенция. Поля где-то работала, папе лишь иногда попадалась «халтура» — написать портрет какого-нибудь жителя. Сослать людей сослали, а побеспокоиться о трудоустройстве не сочли нужным...

Папа мне сказал, что он написал о реабилитации Ворошилову, который его знал по совместной службе в Красной армии. В любой обстановке он оставался самим собой: собранным, ироничным

*Гавриил Гаврилович Ладыженский.
Работа Г.М. Ладыженского*

Гавриил Михайлович Ладыженский. 1937 год. Ленинград

и спокойным. Мог ворчать об отсутствии бумаги, о безобразиях с очередями, но к большой политике никогда не относился с точки зрения собственного благополучия [после письма Ворошилову... освободили с правом въезда в Ленинград]».

Таким образом, в конце 1936 года, после полутора лет ссылки в Уфе, Гавриил Михайлович с Пелагеей Николаевной вернулись в Ленинград.

Случайно сохранилась одна тетрадь из дневников Гавриила Михайловича предвоенного периода.

ДНЕВНИК
за 1938 год
Пятая тетрадь
Г. Ладыженский

8 августа

Наконец в газетах появилось сообщение штаба 1-й Приморской армии. В нем говорится, что «через день после мирного предложения Сигемицу... 4 августа японские войска за оз[ером] Хасан открыли интенсивный огонь по советской территории. Многочисленная артиллерия всех калибров, в том числе тяжелая, стреляла с территории Маньчжу-

рии и прикрывала действия своей пехоты, шедшей против советских войск. Наши войска открыли ответный артиллерийский огонь. После трех-четырёхчасовой артиллерийской дуэли, в результате которой японская артиллерия была подавлена, советские части и авиация пошли в контрнаступление и очистили нашу территорию от остатков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты».

Не пишется только о наших и японских потерях. Но это уже похоже не на случайное столкновение, а на настоящую войну, хотя Сигемицу вновь посетил Литвинов с предложением мирных переговоров. Он предлагал отвести войска обеих сторон дальше от границы до окончания переговоров, в которых будет принят во внимание и Кунчунский договор, а также и позднейшие. Литвинов ему ответил, что против отвода от границы японских войск он ничего не имеет, но не находит нужным отводить наши; что переговоры могут начаться только, когда японцы прекратят нападения на наши пограничные войска, и что правительство Союза больше не намерено посылать бесполезные протесты о нарушении наших границ, а в случае повторения их будет применять артиллерию и авиацию. Кроме того, он заметил Сигемицу, что во время столкновений у озера Хасан, у станции Гродеково японская рота с тремя пулеметами обстреляла и оттеснила наши пограничные посты, и только с подходом наших подкреплений ушла на территорию Маньчжурии. Сигемицу обещал дать ответ при следующем свидании.

Всё это поведение Японии в последнее время можно объяснить только подстрекательством Германии или просто глупостью зарвавшихся япошек и ненавистью их к нам за помощь Китаю. Но наша война с ними будет еще лучшей помощью китайцам.

10 августа

Третьего дня искал тетрадей и почтовой бумаги на Вас[ильевском] ос[трове] и на Невском и нашел только эту (на которой пишу) в «универмаге» на Конюшенной, но тут отпускалось не больше 10 листов, поэтому вчера пошел туда опять и купил еще 10 л[истов]; таким образом можно получать ежедневно и сшить тетрадь нужной толщины.

Но в поисках готовых ученических тетрадей в одном магазине заведующий мне сказал, что они будут только после 20 августа. Интересно, на чем пишут современные писатели свои произведения? Писчая бумага исчезла в первые года революции и с тех пор не появляется в бытовой торговле.

Вчера вечером зашел Мигай и рассказывал о своем путешествии на Алтай через Омск, Новосибирск и Семипалатинск. Всё время безостановочно лили дожди, и в сибирских городах, замощенных только в центре, стояла непроходимая грязь. На вокзалах бесчисленная толпа пассажиров, ожидающих получить билет. Казалось, что все российские граждане непрерывно кочуют с места на место в поисках чего-то. На вокзалах почти никакой еды, в вагонах ресторанах то же самое или за огромные цены.

Днем вчера зашла жилища Нат[альи] Пав[ловны] [Вревской] и принесла мне Лермонтова, которого я давно и тщетно искал. Об нем я буду говорить потом. С обменом комнаты или приисканием таковой для Татьяны дело остановилось, т. к. пропал куда-то комиссионер. Кстати, вечером 8-го пьяный Ванька опять за что-то оттащил Таньку за волосы (очень густые). Плача от такой обиды, она ругала его «паразитом», пьяницей, алкоголиком, растратчиком и даже «бандитом». Впрочем, он скоро улегся и захрапел, а Татьяна с дочерью расположились на полу, но там их заели блохи, и хныканье дочери не дало мне спать до 6 ч[асов] утра. Когда же я от них избавлюсь?

Завтра с 10 ч[асов] поездом собираемся съездить к Гартоху на дачу в д[еревню] Вярлево по Витебской ж[елезной] д[ороге]. Деревня в пяти верстах от станции; пойдем пешком. Хотя на два дня, до 13-го уйду в тишину полей от этого шума и рева «цивилизации». И иногда является мысль — не проехать ли оттуда в Тягуши; да нет, вряд ли удастся!

18 августа

11-го поехали в Вярлево и пробыли там до 13-го. Удивительно легко идти в поле по утоптанной тропе. Когда в городе я пройду от нашего дома до Невского, т. е. версты полторы, уже чувствую некоторую усталость, а здесь, пройдя пять верст, — никакой.

Сначала тропа идет по совершенно ровной местности, продолжение той скучной равнины, на которой вырос Петербург. По сторонам кусты ольшаника, в которых перепархивают и попискивают овсянки. Потом тропа выходит из кустарника к берегу реки Ижоры у д[еревни] Габралово. Она течет в высоких берегах, делая красивые излучины; иногда ускоряя течение между большими камнями.

Вдали виднеются деревни с домами, прячущимися в зелени деревьев. Как отдыхает глаз на этих просторах, а уши в этой тишине после тесноты и шума города; и невольно является наивный вопрос — на кой

черт существуют города? Население — финны, молчаливые вообще, а теперь все на уборке урожая с раннего утра до ночи.

Вот потрескивает комбайн или жатка. Но рабочих рук, видимо, не хватает, и уборка, несмотря на машины, сильно опаздывает; хлеба перезрели. И не мудрено, если эта страдная пора совпадает с призывом двух сроков новобранцев, а вообще из сельского населения России ушло за последние 20 лет в быстро растущую промышленность миллионов 30 крестьян, плюс еще миллионов 15 пребывающих в «концлагерях». Помощь машин еще не компенсирует эту убыль вполне.

Дома финнов куда лучше русских изб с их неряшливостью и грязью. У каждого своя (а не колхозная) корова рослой породы, овцы, почему-то все белые, как и куры, свиньи. Видимо живут не хуже дореволюционного времени, благодаря близости Петербурга, куда финны везут молоко, ягоды и грибы. Но лошади только в колхозном табуне и содержатся плохо.

О.О. [Оскар Оскарович] блаженствует в этой обстановке и говорит, что здесь отдых несравненно лучше, чем в «домах отдыха» и санаториях, где берут 1 000 рублей в месяц, тогда как здесь за всё лето 300 руб[лей] и полное удовольствие; даже «Ленинградскую правду» можно читать в управлении колхоза, если она не использована на козьи ножки.

Мы прекрасно провели время в прогулках и в лежании на сеничке в тени двора. Поля была в восторге именно от последнего. Я срисовал карандашом деревенскую улицу, а в городе, на память, раскрасил акварелью. Но возвращаясь назад в город, пришлось час простоять на площадке вагона, т. к. финны и дачники заняли все места.

В общем, поездка эта на деревенский простор и тишину мне так понравилась и явилось желание порисовать, что через три дня я уже один поехал в Вярлево. По пути сделал карандашом набросок с видом на Ижору у д[еревни] Габралово, а вернувшись домой, кончил его акварелью. Не прочь съездить еще раз, но засуха кончилась и теперь ежедневно перепадают дожди. Если все будем живы и здоровы, следовало бы в будущее лето нанять дачку на всё лето в этих местах; их достоинство и в том, что всего час езды по ж[елезной] д[ороге] и час ходьбы от станции.

* * *

Японцы с нами, кажется, замирились, и теперь комиссия из представителей России и Японии устанавливает линию границы в месте

столкновения. Стоило из-за этого терять тысячи людей, вместо того чтобы давно уже определить точно всю линию нашей границы с Маньчжурией.

Впрочем, мы давно предлагали это сделать японцам, но они почему-то не шли на это; ну вот и получили по загривку; жаль что мало. Теперь для нас самое выгодное время поколотить их так, чтобы надолго обеспечить спокойствие на нашем востоке.

А Гитлер напугал всю Европу, устроив маневры, в которых примут участие 750 тысяч армии и столько же запаса. Теперь все гадают: что это — маневры только или мобилизация полуторамиллионной армии для войны; с кем? Бедная Чехословакия не очень хорошо себя чувствует в таком соседстве.

А какая тишина в Вярлеве; только петухи поют!

21 августа

Сильно похолодало; вечера напоминают осень. Вчера ходил по магазинам Вас.[ильевского] ос.[трова] в тщетных поисках подтяжек для брюк, но, увы, их не оказалось нигде; в магазинах сказали, что их уже месяца четыре нет в продаже! Купил какую-то тесьму — пояс с пряжкой, иначе штаны валяются. Но для такого пояса нужны особые петли в брюках, а на моих их нет; остается надежда на Полю; она что-нибудь придумает.

Такие комические случаи, а бывают и печальные, — есть следствие искусственно созданной торговли, в которой заинтересованы только покупатели, но отнюдь не продавцы, которые, скучая за прилавками, спокойно заявляют вам об отсутствии самых необходимых вещей. Но вдруг, совершенно неожиданно для продавцов и покупателей, такой товар является, конечно, в ограниченном количестве; тогда начинается столпотворение; у магазинов бесконечные очереди, внутри не протолкаться, начинается ругань из-за мест у прилавка и в очереди, доходящая до драки. Продавцы из мирных созерцателей превращаются в мучеников; одного толпа раздавила, опрокинув на него прилавок. Наконец весь товар в тот же день распродается и вновь исчезает на неопределенное время. Сейчас пришла с базара соседка по квартире и жаловалась, что там нет мяса.

Мигай рассказывал, что в сибирских городах, в домах для приезжающих и гостиницах не дают отдельных комнат, а кровати по 7 руб[лей]. Номера в гостиницах всегда заняты командированными. А между тем,

чтобы достать билет на поезд, надо посещать вокзал суток семь. И вот вся бродячая Русь, не могущая платить по 7 руб.[лей] за койку, валяется на вокзалах, с завистью взирая на проходящие международные поезда, в которых «знатные» пассажиры, в том числе и мой Гавриил Гаврилович, едут, развываясь на мягких плацкартных диванах. Но удивительнее всего, что, несмотря на все эти дорожные несчастья, российские граждане едут и едут без конца по всем дорогам Союза с севера на юг, с востока на запад и обратно, часто одни и те же.

Едут командированные, едут какие-то туристы и «интуристы», едут курсанты и экскурсанты — это привилегированные пассажиры, но едут и крестьяне в поисках лучшей «жисти» на новых каких-то фантастических угодьях, о которых они рассказывают друг другу. Наконец, едут просто жулики и карманные или, вернее, чемоданные воры и спекулянты всех видов. Какие причины этого бесконечного брожения всего населения России?

Непосредственные видны из приведенного перечня едущих, но более глубокая заключается в том лихорадочном строительстве новой жизни, которым занимается с огромной энергией наше правительство. И, конечно, в силу уже одной лихорадочной спешки, эта новая жизнь создается искусственно, темпами далеко опережающими нормальное течение устоявшейся жизни, когда все давно уселись на своих местах и не ищут новых и когда вся эта река жизни вошла в определенное русло.

Но главная причина этого спешного строительства заключается в нашей изолированности, заставляющей нас рассчитывать только на свои силы. Все наши договоры о «ненападении» и союзы, вроде договора с Польшей или союза с Чехословакией, гроша медного не стоят, так же, как и «дружба» с Турцией на бумаге. Зато имеются такие уже не подлежащие сомнению враги, как Германия, Англия и Италия, т. е. почти вся Европа на западе и Япония на востоке. Вот эта-то «ситуация» и является причиной горячки строительства, не столько социализма, сколько обороны во всех ее видах. Не будь этого страха перед надвигающейся войной, внутренняя политика правительства была бы иная, ибо строить социализм можно и не с такой горячкой, как оборону страны, принимая во внимание полную аполитичность современного населения.

Сегодняшнее население гораздо больше занято отысканием штанов, подтяжек, мануфактуры для подштанников, гвоздей, бумаги и прочих нужных вещей. А для политики достаточно проявлять «эн-

тузиазм» на параде авиации или похлопать оратору на сессии Совета национальностей.

22 августа

Ясный день. Если и завтра будет хорошая погода, думаю опять съездить к О.О. в Вярлево подышать свежим воздухом и порисовать. Вчера какой-то сослуживец О.О. по телефону справлялся, где дача О.О. и как до нее дойти, я рассказал и сказал, что сам собираюсь туда; он, видимо, обрадовался этому и просил идти вместе, обещая переговорить об этом по телефону. Надо сознаться, что я предпочитаю ходить один, как в городе, так и вне его; попутчики, кто бы они ни были, всегда более или менее стесняют и нарушают созерцательное настроение.

Вчера хотел купить к обеду немного водки, но ни в одном из ближайших магазинов ее не оказалось; есть только разные настойки вроде «вишневки», «зубровки», «рябиновки», «английской горькой» и проч., которые ничуть не оправдывают своих названий и суть только подкрашенная или подслащенная водка с неприятным привкусом фабричной фальсификации. Поэтому все предпочитают простую водку, а разных этих «настоек» образуются залежи. Тогда, видимо, отдается распоряжение прекратить на время продажу простой водки, пока население, за неимением ее, раскупит «настойки»; кстати, они и дороже.

Пришлось купить «английскую горькую», которая оказалась простой водкой, даже не подкрашенной, но с каким-то неопределенным привкусом.

Почему никакое фабричное производство, не только напитков, но и многого другого, не сравнится с домашним? Казалось бы, и материал, и способ изготовления могли бы быть те же, а результаты совсем разные. Потому что домашнее производство есть искусство, творчество одного, а здесь его слабое и неумелое подражание, дескать, и такое купят.

Всякое массовое подражание личному творчеству, его популяризация, есть его опошление. Поэтому я с трудом переношу, например, музыку и пение «радио», граммофонов, патефонов и проч., раздающиеся чуть ли не из каждого окна днем и ночью. И теперь, когда искал комнату, прежде всего спрашивал, есть ли у соседей эти музыкальные инструменты, потому что, ложась спать, забывают остановить их и засыпают под эту музыку, которая и ревет всю ночь, хотя по правилам общежития она должна кончаться после 12 ч.[асов] ночи. Какие нервы надо

иметь, чтобы засыпать под мотив из «Веселых ребят» или что-нибудь вроде этого.

27 августа

23-го поехал и пошел в Вярлево. День был серенький и прохладный. К счастью, попутчика не оказалось, и я дошел один, пропустив вперед всех финок. В вагоне подсел рабочий, ехавший в Новгород к дочери и рассчитывавший пересест в поезд дальнего следования на одной из станций, т. к. получить билет на этот поезд в Ленинграде весьма затруднительно. Он рассказал, что служит кочегаром в какой-то школе и получает 120 рублей жалования при готовой квартире; живет с сыном 16 лет. На двух это маловато. Потом он любовался из окна полями капусты. Я заметил, что много земли под городом пустует. «Она не пустует, — отвечал он, — земля ведь тоже существо, ей тоже отдохнуть надо».

Меня поразил этот взгляд на землю как на живой организм малограмотного философа. Я долго вспоминал истину этих простых слов. Потом он пошел на площадку вагона покурить и вернулся оттуда сильно выпивши, очевидно, используя запас на дальнюю дорогу; причем рассказал, что, когда ехал последний раз в Новгород, был пьян «в доску». На войне с Германией он служил в гренадерской дивизии и рассказывал, как они атаковали немца без перебежек, прямо в штыки «как звери». Был ранен и контужен, но винтовки не бросил, принес на перевязочный пункт. Может быть, и не врал, но я сам видел сотни винтовок, брошенных нашими солдатами в покинутых ими окопах.

Вообще, сколько я ни слышал рассказов солдат, они всегда и очень образно рассказывают только о своих подвигах. Этот еще прибавил, что кормили их «на убой». Наконец храбрый гренадер заснул у меня на плече.

Вскоре я вышел из вагона и пошел по знакомой тропе в Вярлево. Вечером мы гуляли с О.О. и раскладывали пасьянс, в 10 ч.[асов] легли спать.

На другой день я зарисовал вид из окна его дачи и в 5 ч.[асов] пошел на станцию. Я уже упоминал о своих тщетных поисках подтяжек в Ленинграде. О.О. мне сказал, что он их видел в местной колхозной лавке.

Я сейчас же пошел туда. «Только для вас осталась одна пара», — заявил веселый приказчик. Таким образом, я, наконец, получил в колхозной лавке то, что не мог достать во всем Ленинграде. А Поля вчера приобрела несколько ночных женских рубашек, но уже каким-то сложным способом. В магазинах Ленинграда их нет.

От Нат.[альи] Пав.[ловны] получил открытку, что она с большим трудом достала билеты на 29-е, следовательно, 30-го приедет сюда и хорошо сделает, т. к., видимо, измотала совсем свои нервы. Она пишет, что ее отношение к домашним делам дочери «изменилось радикально» и «...мне всё равно, что будут делать и как».

Прав был Шутлеворт, говоря: «Не делай людям добра, не получишь от них зла». А уж если всё-таки делаешь, то не ожидай благодарности. Дочь Н.П. может быть и добрая женщина, но ее поведение зависит исключительно от настроения минуты, т. е. минутное чувство управляет и разумом и волей. С такими характерами каши не сваришь.

Гавроша опять телеграммой спрашивает, как с квартирой, а здесь не только квартиру, но и комнату для Татьяны мы не можем найти. Бедняга, он, видимо, мечтает отдохнуть здесь в хорошей обстановке! Мы уже решили с Полей свалить только с плеч Татьяну до его возвращения, а тогда разместимся как-нибудь в своей комнате или обменяем ее на две. Об этом написал ему в письме, но оно дойдет только в октябре. Может быть, за это время что-нибудь и найдем для Таньки.

29 августа

Вот и лето уже прошло, и на улицах видны желтые листья, гонимые ветром. Как страшно быстро летит время в старости, когда думаешь, что его осталось уже немного и, оглядываясь назад, считаешь пролетевшие года и события!

Вот уже два года прошло, как мы с Полей вернулись из Уфы, а как будто вчера это было. Кстати, из Уфы получил письмо от Боба К.[оишевского]. По моей просьбе он был у Гарина, но застал только его жену; сам он пошел получать пособие; следовательно, более или менее здоров; ему уже под восемьдесят; хорошо, что уфимские власти его пока не трогают. А вот о другом старике — Новикове — они позаботились, и Боб пишет, что, по сведениям, «уже больше года как он был отправлен в «дом старости» (понимай богадельню), где-то по дороге на Златоуст, кажется на ст.[анции] Улу-Телек (?). И ходят слухи, что уже преставился. Во всяком случае, его домохозяйка говорит, что «хотя не знаем, но говорят, что он не живой».

Не дали благодетели умереть старику в родной Уфе, где он прожил всю жизнь и всё потерял, но всё-таки кое-как перебивался своим трудом никому не мешая.

Далее Боб пишет, что «Галл опасно заболел той же хворью, что и О.О.», т. е. арестован и, вероятно, сослан куда-нибудь еще дальше.

Чем он не потрафил властям уфимским, сказать трудно, ибо, как я уже писал, он с начала революции вполне опростился, продавая сначала здесь молоко от своих двух коров, а в Уфе разводя рыб для аквариумов. Хорошо, что старший его сын, еще при мне, был освобожден и учится здесь в университете, а старшая дочь вышла замуж. Жена Галла была арестована еще раньше мужа. С ними жила ее мать лет восьмидесяти, может быть, и ее отправили в «дом старости»!

Невозможно объяснить, чем руководятся власти при таких арестах и ссылках людей, как эти.

31 августа

Вчера вечером зашел с Полей к Нат.[алье] Пав.[ловне], приехавшей из Москвы от своей дочери и ее четырех детей, с которыми пробыла всё лето, в то время как их мать приятно проводила время на Кавказе со своим другом сердца врачом и, по словам Н.П., наследственным алкоголиком. Она много рассказывала о своих столкновениях с дочерью, совсем потерявшей самообладание и с болезненной страстью 42-летней женщины увлекшейся этим господином настолько, что совсем забыла детей. А между тем, после ареста ее мужа, отца этих детей, от которого она получала большие средства, ей приходится теперь самой зарабатывать на свою семью. По мнению Н.П., с которым я вполне согласен, это отрезвит ее от запоздалого увлечения; у нее есть аттестат на шофера, который дает возможность зарабатывать не менее 500 руб.[лей] в месяц; кроме того, ее второй муж обещает ей помогать. Он двоюродный брат второго зятя Н.П., тоже сосланного неизвестно куда. Н.П. настолько убедилась в той пользе, которую принесет ее дочери необходимость самой работать, что написала своему старшему сыну, чтобы он не помогал сестре.

Вообще, видно, что Н.П. убедилась, что помогать взрослым детям надо только тогда, когда они очутятся в безвыходном положении не по своей вине; что ожидать от них благодарности за это не следует и что есть такие характеры, которые не только бывают неблагодарны за помощь, но обижаются на нее и начинают капризничать и злиться из самолюбия и самомнения. Человек, вообще, самое неблагодарное животное; сравните в этом отношении его с собакой.

Н.П. рассказала поучительный эпизод из парада авиации на Тушинском аэродроме, где, по словам газет, сотысячная толпа москвичей

«с неописуемым энтузиазмом» смотрела на достижения авиационного искусства и мощь наших воздушных сил.

Парад продолжался с 3 до 5 ч.[асов] дня. Но уже с семи часов утра публика, не надеявшаяся на достаточность перевозочных средств, начала собираться. Поехала туда и дочь Н.П. Жара стояла невыносимая, но на аэродроме ни одной капли воды! Наконец парад кончился, и вся огромная толпа зрителей (полная энтузиазма) двинулась пешком в город, кроме тех счастливых, которые имели свои автомобили или успели захватить «такси». До города 20 верст. По шоссе едут автомобили, поднимая тучи пыли, от которой постоянно приходится сворачивать в сторону от шоссе. На дороге речка, через которую пришлось почему-то переходить по глубокому броду. Мужчины снимали штаны, женщины задирали платья до пояса. Мокрые, в пыли и грязи они дошли до моста через канал Москва — Волга, но через мост проход был закрыт, пришлось идти каким-то кружным путем, и только к ночи энтузиасты добрались до города.

В Москве нет картофеля, зато, вероятно, есть виноград. Чтобы выехать из Москвы на поезде дальнего следования, надо ждать получения билета семь дней. Поезда на юг приходят с опозданием на 12 и более часов. Однако, что же это будет во время войны?!

Б.Г.К. (Бор.[ису] Григ.[орьевичу] Карпову) наконец дали квартир-ку в три комнаты недалеко от его службы; сейчас он еще на даче. Но рентгеновскими лучами у него обнаружены опухоли на обеих почках. Доктора называют их кистой на почках и, хотя не сказали ему этого, но предупредили, что зима может быть для него тяжелая. Он сильно упал духом. Не понимаю, зачем он, имея 500 р.[ублей] пенсии, еще служит.

Вчера ходил на Петроградскую сторону за *augum iodat*, которые давно уже принимаю от склероза. На бульваре ко мне подсел человек лет 45–50, интеллигентный по виду и, начав с погоды, разговорился. Оказался служившим вольноопределяющимся в Гродненском гусарском полку, потом, на войне с Германией, дослуживший до чина штаб-ротмистра в Текинской дивизии, которой командовал безрукий, но лихой С. Дроздовский¹. Я упоминал о нем в своих записках как об

¹ В разговоре с незнакомцем Г.М. Ладыженский упоминает Семена Ивановича Дроздовского, которого знал по совместной службе в 1897 году в штабе 1-го кавалерийского корпуса в Варшаве. Но полк «Дроздовцев», который упоминается ниже, организовал его однофамилец — Михаил Гордеевич Дроздовский,

оригинальным и сильным человеке, сделавшем для армейского офицера карьеру.

Оказывается, что о его смерти в эмиграции сообщалось в наших газетах, дескать, умер знаменитый начальник Текинской дивизии и организатор полка дроздовцев [однофамилец М. Дроздовский] у белых в гражданскую войну; порядочно, кажется, насоливший красным. Он был приблизительно одних лет со мной, но гораздо здоровее меня на вид, при этом ничего не пил. Мой собеседник упомянул еще несколько общих знакомых, но уже менее для меня интересных, кроме сына Шутлеворта, с которым он служил в Гродненском полку и которого я видел в [19]18 году в Москве с его отцом. Он уже тогда имел чахоточный вид и вряд ли пережил своего интересного отца.

Мой собеседник оказался с университетским образованием и теперь служит юрист-консулом. Мы пожали друг другу руки, не назвав своих фамилий, и разошлись, вероятно, навсегда.

3 сентября

В последних газетах были помещены два фельетона о боях с японцами у о. Сагана, длившиеся с перерывами девять дней. Первый, в «Ленинградской правде», написан обстоятельно, без лжепатриотических хвастливых фраз, давно всем надоевших. Он дал ясную картину всего столкновения, кончившегося вытеснением японцев с нашей территории. Но второй, в «Московской правде», меня рассмешил и рассердил. Видимо, писал его какой-нибудь «политрук» из молодых, в котором ложь и наивность переплелись с неумением писать вообще и желанием подделаться под слащаво-квасной патриотизм в духе современности; например, описание, как он с шашкой в руке впереди своего взвода командовал: «Вперед! За социализм и Сталина!» С такими лубочными картинками пора бы расстаться.

Но из обоих фельетонов видно, что наша пехота, несмотря на храбрых «политруков», хотя и упорно, но весьма медленно, в течение нескольких дней, продвигалась к хорошо укрепленным японским позициям на Безымянной и Заозерной высотах. Неизвестно, сколько времени и с какими бы результатами продолжалось бы это наступление, если

который скончался в 1919 году после ранения и в эмиграции не был. Причиной путаницы мог послужить и тот факт, что оба они, при жизни, потеряли по одной руке. — **Авт.**

бы не выручили обогнавшие пехоту танки и прилетевшие бомбовозы и истребители, которые и заставили японцев покинуть позиции с большими потерями. Бой выиграли наши самолеты, прибывшие вовремя и в большом количестве. Всё хорошо, что хорошо кончается. Интересно теперь, чем кончатся начавшиеся переговоры; об них пока ничего не сообщается.

Н.П., так же как и О.О., предполагает, что не японцы, а мы были инициаторами конфликта. Иначе действительно трудно понять, какую цель преследовали японцы, если не войну с нами. В первом фельетоне проскользнуло замечание, что в одном месте граница вклинивалась узким языком в территорию нашего Уссурийского края; может быть, мы и решили срезать этот язык?

Вчера я пошел на Невский и в Гостиный двор посмотреть — нет ли где альбома для рисования, и встретил сестру жены Першина, добродушную, всегда улыбающуюся толстуху. Она сказала, что Першин вернется в половине сентября и что комната его, наконец, отремонтирована, так что дыра в потолке, на которую я любовался 12 лет, теперь не существует.

Идя назад по Невскому, я увидел у окна одного магазина очень толстого, с большим выдающимся животом, господина, одетого в белый летний костюм. Господин этот пристально и с улыбкой смотрел на меня, ничего не говоря. Я тоже смотрел на, казалось, знакомые черты, но чьи — сначала не мог припомнить. Наконец вспомнил — это был художник С. Янков, которого я знал еще в 1908–1909 годах совсем молодым, копировавшим картины в музее Александра III. Потом, лет шесть назад, узнав от Федоровича, что я здесь, он заявился ко мне со своим братом, тоже художником, и уже навеселе, сказав, что он привез поклон от вел.[икого] князя Николая Николаевича. «Да ведь он уже умер в Риме», — заметил я.

«Это ничего», — сказал он в ответ и стал вынимать бутылки из карманов с разными напитками и рассказывать свои похождения в начале революции.

Бутылки были скоро выпиты, и он пошел за подкреплением. Наконец брат, более трезвый, увел его. Недели через три я зашел к нему. Он занимал большую комнату, увешанную картинами, стоявшими и в коридоре. Там он мне показал портрет во весь рост, в натуральную величину, человека в мундире лейб-гвардии гусарского полка, но с его физиономией, сильно приукрашенной. Он вообще никогда не

был в военной службе, и зачем он изобразил себя в таком шикарном виде — я понять не мог, а он и не старался объяснить.

На этот раз он был трезв и только угощал пивом двух подростково-девиц, которые скоро ушли. Он рассказал, что после визита ко мне он на другой день в 5 ч.[асов] утра пошел на Сытной рынок опохмеляться, что там его, вероятно, опоили чем-то, и он только на следующее утро очнулся в диспансере, откуда еле выбрался. Но 300 р.[ублей] не досчитался.

Вообще откровенно сознался, что раз в 3—4 месяца запивает на неделю и потом какая-то его приятельница лечит его от последствий запоя.

Однако он хорошо зарабатывает, обучая живописи и копированию картин, продавая их в магазинах. Широкая русская натура, живущая от одного запоя до другого, во время которых пропивает почти все наличные деньги. С тех пор я у него не был.

Так вот, через несколько лет я его и встретил на Невском, невероятно распухшим и только десять дней назад расставшимся с запоем.

Он говорил, что в следующий раз его сердце не выдержит.

Расставшись с ним, я сел отдохнуть в сквере у Зимнего дворца. Подходит высокий, прилично одетый, но очень худой старик и садится рядом. Оказался приезжий из Москвы, никогда не бывавший в Питере. Спросил, что здесь можно осмотреть и, между прочим, рассказал, что 14 августа похоронил жену и теперь, не имея детей, остался совсем одинок в 62 года; что приехал сюда, чтобы хоть чем-нибудь развлечься от тоски. Этого я пожалел больше, чем Янкова, который сам себя губит; что может быть тяжелее одинокой старости?

В этот же вечер Поля была в жилуправлении у депутата Верх.[овного] совета РСФСР Вавилова, который два раза в шестидневку принимает просителей по квартирным делам. Там был и Вальберг, который нам отказал в получении площади. После долгих ее объяснений ничего всё-таки не вышло, т. к. все они считают, что есть более нуждающиеся и что мы внесены в четырехтысячный список кандидатов на площадь. Спасибо и за это; хотя мы окончательно решили не обращаться в наши административные учреждения, так же как и в судебные.

Теща Гавроши получила телеграмму, что они уезжают в командировку до декабря и рассчитывают приехать сюда только весной. Это, пожалуй, к лучшему, т. к. за это время может подвернуться какой-нибудь случай для получения комнаты Татьяне. А когда весной он приедет и будет пользоваться шестимесячным отпуском, можно будет

нанять дачу для всех нас, хоть в том же Вярлеве. Кроме того, у него будет больше денег для приобретения квартиры, конечно, не с помощью «Райжил-управления». А теперь я пока похож на шекспировского короля Лира, раздавшего все королевства своим дочерям и оставшегося бесприютным странником.

5 сентября

Как-то раз, сидя с О.О. в Вярлеве и беседуя на разные темы, мы договорились до вопроса — почему Земля и другие планеты, да и само Солнце, вращаются вокруг своих осей? Ответить на этот вопрос мы не могли. Потом я часто вспоминал об этом и решил спросить Савкевича, астронома и математика по профессии. Вчера вечером я зашел к нему. Вся его семья вернулась с дачи под Киевом. Невольно завидуешь им; прекрасная большая квартира во втором этаже, в которой они живут более 20 лет. Вся семья — отец, мать, два сына, похожие на отца, и дочь — вылитая мать — живут вместе. Старший сын архитектор, младший — математик, кажется, оставлен в университете; дочь учится живописи в Академии художеств. За всю революцию их положение совершенно не изменилось. Вот и сравниваешь свое положение с этим.

Наконец я его спросил, почему Земля вертится вокруг своей оси? «Это никто не знает». Вот так фунт! Тысячелетия человечество изучает звездное небо и положение в нем нашей планеты, а вот почему она вертится — не знает! Как слаб, как ограничен человеческий ум! Он постигает только отношения вещей к нему и между собой, но он не знает сущности ни одной из них. Воздух состоит из таких-то газов, а что такое эти газы — неизвестно, что такое электричество, которое теперь нашло такое широкое применение? — не знаем и никогда не узнаем. В этом отношении мы слепые черви, знающие только свои ощущения. С этой стороны — «ничтожество нам имя». Но это ничтожество носит в своей душе часть той первопричины, которая живет во всём и созидает. Это единство человека и мира, *tat tvam asi*, дает ему возможность не научным путем, а интуицией постигать божественную первопричину, которая есть Бог-жизнь; он ее чувствует и сознает в себе как силу жизни, как волю, как движение. Вот эта сила и вращает Землю и Солнце, и звезды, ибо все они живые организмы; «земля ведь тоже существо», как сказал мне попутчик — отставной гренадер. Ибо весь мир видимый и невидимый есть единая творческая жизнь единого Бога.

Если эмпирические науки не могут определить сущность вещей, то ее определяет сверхзнание — вера. *Cogito, ergo sum* (я мыслю, следовательно, существую). Существую не как нечто отдельное, а как вечно живая часть вечно живого единого мира и, следовательно, я так же бессмертен, как он.

Происшествий никаких; Поля сказала, что наш «управдом» смещен. Жаль, потому что мы хотели его использовать для подыскания площади для Татьяны. Впрочем, назначат другого.

Погода всё та же, т. е. тепло, сухо и душно. Солнце тускло светит сквозь какую-то сероватую мглу, как всегда при продолжительной засухе.

В политике Европы всё то же, т. е. все ждут с трепетом, какой еще фортель выкинет Гитлер. Это еще раз доказывает, насколько политика зависит от характера ее руководителей; во всяком случае больше, чем от объективных причин, в том числе и от стремлений наций.

7 сентября

Вчера ночью была довольно сильная гроза с дождем; сегодня опять ясная погода. Днем пошел посмотреть картины в музее Александра III, не столько ради них самих, потому что видел их много раз, а чтобы в тишине этих зал уйти от назойливого шума города в созерцание иной жизни. Жаль только, что многие картины, висящие против окон, отвечивают так, что их можно видеть только сбоку и то частично. Администрация не догадывается дать им больший наклон.

Выйдя из музея и отдохнув в скверике, хотел выйти на Невский. Но уже в начале Михайловской наткнулся на ряд грузовых автомобилей, загородивших проход на улицу. Под влиянием совершенно иных настроений я забыл, что в этот день советская власть установила празднование с демонстрациями «международного юношеского дня» (МЮД). Торжество это, идея которого заимствована из западной Европы, в формах чуждых русской массе, было назначено в 6 ч.[асов] вечера. Так как инициатива всех подобных праздников исходит от правящей администрации, то население предпочитает смотреть на них со стороны, чем участвовать в них.

Наши прежние гулянья молодежи ничего общего не имеют с маршировкой демонстрирующих колонн, более похожих на военный немецкий парад каких-нибудь гитлеровских «штурмовиков». В довершение картины этого вахтпарада, ряды милиционеров на всех улицах

и мостах, ведущих к Дворцовой площади, на которую кроме демонстрирующих никто не допускался. Какой уж это праздник; одна бутафория, которая только нарушила, без надобности, нормальное движение на улицах почти всего города; движение трамваев было прекращено в 4 ч.[аса] дня.

Итак, я подошел к баррикаде из грузовиков поперек Михайловской улицы, въехавших даже на панели. «Теперь и мышь не пролезет», — заметил кто-то из проходящих. Было 4 ч.[аса], когда я от Михайловской пошел мимо церкви «на крови» к Мойке с целью пробраться на набережную Невы.

Но у Машкова переулка опять цепь милиционеров. Спрашиваю, нельзя ли пройти на набережную, чтобы попасть на Вас.[ильевский] остров. «Теперь не пройдете, а мы пропустить не можем». «Что же, мне здесь до ночи оставаться?»

Милиционер только плечами пожал, но посоветовал пройти дальше к Кировскому (Троицкому) мосту: «Там спросите старшего».

Пошел к Мраморному дворцу, нашел по виду старшего, похожего на бывшего вахмистра с большими усами; спрашиваю, как мне пройти на Вас.[ильевский] остров. «А вот на Кировский мост, потом по Петроградской стороне; вон там еще трамвай идет». После двух часов гулянья по музею и по улицам это путешествие мне не очень улыбалось; однако больше ничего не оставалось.

Благополучно перешел Троицкий мост и пошел по длинному Александровскому саду. Публика еще стояла на трамвайных и автобусных остановках, тщетно ожидая; они и здесь уже не ходили. А я, идя, всё думал, пропустят ли меня через Биржевой мост. Был уже в начале шестой час, а в 6 часов О.О. приглашал меня и Полю к себе на обед, чтобы помочь съесть ему трех белых петушков, привезенных из Вярлева.

Наконец подошел к Биржевому мосту; толпа и ряд милиционеров. Еще до моста впереди меня шла кучка молодежи, очевидно желавшая тоже перебраться на Вас.[ильевский] остров. Она построилась рядами, чтобы иметь вид идущих на демонстрацию. Я, чтобы пробиться через толпу, а может быть и через линию милиции, пошел за ними. Но они свернули куда-то вправо, и я очутился лицом к лицу с милиционером, толкавшим изо всех сил руками напиравшую толпу.

«Назад, дядя, назад», — говорил он мне впопыхах; я хотел было пройти мимо, но он удержал меня за полы; однако увлекся борьбой

с другими, а я этим воспользовался и прошел на мост. Впереди шла та же кучка молодежи, смеясь и подсчитывая свои ряды. Наконец я вступил на Вас.[ильевский] остров. Тут тоже стояли милиционеры: «Гражданин, вы куда?» Я махнул рукой вправо и прошел мимо; он меня не задерживал. Баталия была выиграна, и тихими, безлюдными улицами за университетом я, наконец, ровно в 6 часов, явился к званому обеду с недурной мадерой. На улице шли демонстранты с музыкой, флагами и портретами вождей.

Судя по газетным сведениям «из достоверных источников» и «осведомленных кругов» можно догадываться, что мы находимся накануне новой «мировой» войны. Подручный Гитлера, глава судетских немцев — Генлейн, съездивший на днях к Гитлеру за инструкциями, не идет ни на какие уступки чешскому правительству, уже во многом уступившему под влиянием Англии и ее представителя лорда Ренсимена. Гитлер просто хочет отрезать территорию, занятую судетскими немцами, от Чехословакии, этого лоскутного государства, неудачно созданного Версальским договором. Этот хитроумный и предприимчивый до наглости «фюрер», держа в своих руках политику Польши и Венгрии, окружающих Чехословакию, намерен упразднить ее как независимое государство, подчинив, вернее, передав ее части, заселенные поляками и венграми, этим ему подчиненным государствам. Тогда он сделается хозяином средней Европы и, укрепив свою западную границу, что он уже и делает, предпримет «drang nach ost».

Вот почему наше правительство устраивает парады «МЮДу» с целью подготовить их к более серьезным задачам; и с этой точки зрения оно, конечно, право. Одним словом, рок ведет человечество к уничтожению еще 40–50 миллионов людей, которым, видимо, тесно становится на нашей планете.

11 сентября

Понемногу осень начинает свою разрушительную работу. С севера тянутся длинные, холодные, серые облака, и только изредка между ними проглянет солнце и, как будто виноватое в чем-то, грустно улыбнется. По ночам идет дождь, но днем разясняется. По вечерам хожу в сквер против Биржи и, посидев там с полчаса, иду домой пить чай и читать.

Прочитал все сочинения Лермонтова в издании Вольфа с хорошинами, в красках, иллюстрациями Полякова. Книгу мне принесла жилица

Нат[альи] Пав[ловны], узнав, что у меня потребность перечитывать его от времени до времени.

Его поэзия слишком близка моей душе, а его музыка стиха, песнь этой одинокой бездонной души, всегда навевает мне лучшие грезы и... уносит в прошлое.

Лермонтов не был понят ни современниками, ни следующими поколениями. Как человек он был и остался загадкой. Это происходило потому, что его огромный по содержанию и глубине внутренний мир только отчасти проявился в его поэзии и почти никогда в его общественной жизни. Наоборот, там он скрывал его под маской светского человека, холодного и небрежно-презрительного наблюдателя современного общества.

Он был слишком самолюбив и горд, чтобы выносить этот внутренний мир на базар общественной жизни. Только изредка в своих письмах к двум-трем женщинам (Шан-Гирей, Лопухиной) он был откровеннее. Вот это различие между богатством внутреннего мира и бедностью действительности лицемерного, лживого и тщеславного круга людей, среди которых он вращался, создавало трагедию его души, кончившуюся его преждевременной смертью. Общество не выдержало насмешки над собой и убило его. Про него можно сказать его же словами: «...И звуков небес заменить не смогли ей скучные песни земли», «...Творец из лучшего эфира создал живые струны их; они не созданы для мира и мир был создан не для них».

Отсюда его мятеж против действительности, не оправдавшей его лучших надежд и стремлений, высказанный в лучшем его произведении «Демон». Этот образ долго жил в его душе и выразился в первых очерках «Демона», когда ему было 14 лет, и только через девять лет постоянного возвращения к той же идее он, наконец, создал его в окончательной форме.

Демон Лермонтова не был духом зла, врагом созданий Бога; он готов был любить, молиться, веровать в добро, если бы в реальном мире встретил предмет, достойный этой идеальной любви. Но ни Лермонтов, ни его демон такого не нашли: «И проклял демон побежденный мечты безумные свои».

Но чем же был виноват Лермонтов, что он родился с такими стремлениями и образами! А в них-то и была вся неподражаемая красота его поэзии. В конце своей короткой жизни, в течение которой он пережил больше, чем обыкновенный смертный в 50–60 лет, он как будто начал

мириться с действительностью, и прежний великолепный мятежный дух в «Сказке для детей» превращается в пошловатого гетевского Мефистофеля. То перерождение, которое происходило в гетевском Фаусте, да, вероятно, и в самом Гете в течение многих десятков лет, Лермонтов пережил в 27 лет. Это объясняется крайне ранним развитием его душевных и умственных сил. Но горький осадок этих переживаний остался в нем навсегда. Он не простил миру своих разочарований и остался верен только любви к природе, среди которой он мог «...постигнуть счастье на земле и в небесах увидеть Бога».

*М.Ю. Лермонтов.
Работа Г.М. Ладыженского*

Современный материалистический век никогда не поймет и не оценит такой характер, хотя и собирается праздновать его столетний юбилей в 1941 году. И, конечно, будет разыскивать в его произведениях протест против политического режима Николая I. Но Лермонтов меньше всего занимался политикой и был самым верноподданным его величества корнетом л.[ейб-]гв.[ардейского] гусарского полка, а сослан был за стихи на смерть Пушкина, в которых ничего против правительства не говорилось. Второй раз был переведен на Кавказ за дуэль с сыном французского посланника Барантом, вследствие бабьих сплетен.

Его роман с сестрой моей бабушки Сушковой, начавшийся, когда его называли «Мишелем» и ему было 16–17 лет, начался с того, что Сушкова, бывшая значительно старше, своим отношением к нему как к влюбленному мальчику задела его самолюбие, и он отомстил ей за это, когда стал гусарским корнетом и их роли переменились,

т. е. Сушкова влюбилась в него, а он сказал при случае, что никогда и не любил ее.

Вообще, и в своих сношениях с женщинами из окружавшего его общества, он оставался тем же неудовлетворенным искателем живших в его душе образов, никогда не воплощавшихся в действительности. А он мог бы полюбить, обладая пылким темпераментом и влюбчивостью, свойственной молодости вообще; но постоянные разочарования и слишком анализирующий ум не допускали серьезных увлечений, и тогда наступала печоринская скука и душевный холод, и он писал: «Что страсти! [Ведь рано иль поздно] Их сладкий недуг угаснет [у М.Ю. Лермонтова — «исчезнет»] при слове рассудка. И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая штука!»

Но творческий гений Лермонтова уже начинал спасать его от мизантропии и скуки, и если бы не смерть его из-за пустяка, он дал бы нашей литературе еще много бессмертных вещей.

В старости и я поддаюсь иногда мизантропии, а потому и хандре, но это оттого, что я не участвую в современной жизни общества, слишком непохожего на то, в котором я прожил большую часть своей жизни. Но я никогда не назову жизнь пустой и глупой шуткой, она давала мне много прекрасных минут, не столько в общении с людьми, сколько в общении с природой. Это говорил и Лермонтов. Поэзию его я люблю и понимаю за красоту образов и чувств, за чудную музыку его стиха.

Под настроением этой поэзии, почти мистической, я второй раз взялся за эскиз в красках на то место в «Демоне», где говорится: «В пустынях вечного эфира один из ангелов святых летел на крыльях золотых...» Демон пересекает ему путь: «Он был могуч как вихрь шумный; блистал как молнии струя». На эту тему я написал эскиз маслом 35 лет назад, когда жил и служил в Варшаве, но он меня не удовлетворял.

Теперь я попробовал опять акварелью. Трудно соединить фантастическое с реальной природой. В этом отношении Беклин был великий мастер; так же Фалеро, отчасти Штук. Беклин, изображая ту или иную стихию природы, усиливал впечатление от нее, помещая мифические фигуры, например nereid, спасающихся в волнах от гиппоцентавра. Фалеро изображал созвездия фигурами женщин или апокалипсических животных. В моем эскизе мне хотелось вышесказанную картину из «Демона» совместить с фигурами облаков, которые иногда приобретают фантастические очертания. Здесь, как я уже сказал, вся трудность

в сочетании природы неба с фигурами людей так, чтобы реальное соединилось с фантастическим в одном гармоническом целом.

Лермонтову это удалось, потому что поэзия обладает большими средствами, чем живопись. Написать, что демон был могуч и «блистал как молнии струя» легче, чем изобразить это рисунком и красками, да еще в стихии неба. Здесь Демон и ангел, с Тamarой в объятиях, могут быть изображены сочетанием облаков, теней и света, но как? Рисуя их фигуры, невольно делаешь их слишком реальными в ущерб природе облаков или туч. Врубель написал Демона не летящим «над вершинами Кавказа», а лежащим на нескольких сахарных головах. Но, несмотря на неудобство положения, а может быть благодаря ему, он, т. е. Врубель, замечательно искусно изобразил в глазах Демона его неземную тоску.

Сочетание реального с фантастическим лучше, чем у других наших художников, удалось Крамскому в его картине «Русалки» из «Майской ночи» Гоголя. Я люблю этот род живописи. Польские художники лучше и охотнее пишут на эти темы. Помню одну фотографию с картины какого-то художника «Шабаш ведьм на Грокене». В лунном свете, в тумане, нагие и прекрасные, сидя на метлах, они несутся мимо вас в безумном упоении оргазма. А другой написал черта, влюбленного в иву; он прилег на нее, обнял, почти слился с нею, так что трудно разобрать, где он, а где ива. Копия, сделанная мною с репродукции картины Подковинского, я видел ее в оригинале в Варшаве под названием «Шал» (страсть), в том же роде, она и сейчас висит у меня в коридоре. Она не нравится женщинам и нравится мужчинам. Часто лицемерное целомудрие первых протестует против ярко выраженного безумия страсти, бессознательно или сознательно чувствуя в ней свою слабость.

Но как хороши эти грезы художников, уносящие нас в иной, таинственно-мистический, волшебный мир, в котором мы отдыхаем от лжи, лицемерия, зависти, вражды и ненависти действительности!

15 сентября

Вот уже четвертый день у нас происходит показ обороны против воздушной атаки. По сигналу тревоги все граждане, идущие по улицам, загоняются в подворотни и подъезды, где должны ожидать иногда часа два сигнала «отбой» атаки. Вечером свет в окнах должен быть потушен или занавешен. Всякое движение транспорта прекращается. В короткие промежутки между «отбоем» и новой «тревогой» граждане чуть

не бегом торопятся по своим и служебным делам. Гудят самолеты, изобращающие оборону города и атаку его. Вот сейчас над нами с запада летят группами по девять штук самолеты, вероятно, обозначающие противника; они выбрасывают небольшие дымки, обозначающие что-то, вероятно, бросаемые бомбы. «Отбой», и я бегу за папиросами.

Такая продолжительность воздушных маневров происходит первый раз и, может быть, является следствием угрожающего положения в Европе. В ответ на весьма подозрительные маневры германской армии на границе Чехословакии, фортификационные работы немцев на границе с Францией; маневры их флота — английский флот маневрирует в немецком море.

Франция удерживает в армии уходящих в запас. Конечно, и Чехословакия готовится встретить немцев. Если в ней 14 миллионов населения, как это можно заключить из газет, она может мобилизовать армию 1–1,5 миллиона, правда, довольно разношерстную, но хорошо вооруженную. Гитлер думает, что «Англия никогда не начнет воевать из-за Версаля», т. е. защищать независимость Чехословакии, а Франция, не поддержанная Англией, вряд ли начнет решительные действия. Тогда, конечно, Гитлер проглотит чехов. Но если эти надежды его не оправдаются, то так называемые демократические державы, в том числе и Россия, могут раздавить и Германию, и Италию. Гитлер ведет рискованную игру. Сейчас в газетах сообщается, что Чемберлен прилетел в Берхтесгаден к Гитлеру.

Кто кого надует, неизвестно, но вероятнее всего, что пострадает маленькая Чехословакия, которую они разыграют для своих выгод. Но пока чехословацкое правительство уредило судетских немцев, провоцировавших вооруженные столкновения с чехами. Их руководитель Генлейн бежал в Германию, чтобы избежать ареста; с ним ушли и вожаки фашистских организаций, а также до 25 тысяч немцев, из которых формируется корпус для наступления на Чехию, если она не согласится на требования Гитлера, который хочет присоединить Судетскую область к Германии и подчинить своему влиянию всю Чехословакию.

Почему он хочет этого? Потому, во-первых, что в Судетах горно-промышленные округа, а во-вторых, потому что вся Чехословакия преграждает ему путь на юго-восток, т. е. на Балканский полуостров и далее в Малую Азию, куда стремился еще Вильгельм II, построивший Багдадскую дорогу. Подражая немцам, Польша и Венгрия тоже хотят прирезать себе части Чехословакии, населенные поляками и венграми,

вероятно, не думая о том, что Гитлер в один прекрасный день пожелает прирезать к Германии части этих стран, населенные немцами. Одним словом, политика по принципу «бери, что плохо лежит». Впрочем, этот принцип всегда руководил политикой всех стран земного шара, мало обращая внимания на международное право и основанные на нем договоры, предпочитая ему право силы.

Жизнь каждого человека и каждого народа есть борьба за свое существование; всё дело в том, какими средствами она ведется. Но чехи, видимо, не хотят сдаваться, даже если Франция и Англия не будут защищать их от наскоков Гитлера. Мы тоже должны им помочь по договору; но как? Ведь между нами и Чехией — Польша, Венгрия, Румыния, Эстония, Латвия и Литва. Вообще интересно, насколько эти события в западной Европе заденут нас, т. е. как будет реагировать наше правительство на насилие Германии над Чехословакией. Пока мы, кажется, ожидаем, что предпримут в таком случае Англия и Франция.

23 сентября

Наконец чехословацкий вопрос, кажется, решается без войны к общему удовольствию великих держав, конечно, за счет Чехословакии, которая, не видя ни от кого помощи, несмотря на договоры об этом, согласилась на требования Германии, т. е. отдает ей Судетскую область, а затем и свою национальную независимость. Сила солому ломит. Но где же тут международная мораль, в надежде на которую народы заключают между собой договоры?! Вот теперь Англия и Франция компенсируют Чехословакии отнятие от нее Судетов тем, что обещают ей гарантировать неприкосновенность ее новых границ! Они делают это уже второй раз и, конечно, при случае это обещание опять не сдержат.

Такова нравственность современного человечества в лице национальных правительств! И, конечно, в скором времени это пренебрежение нравственным законом, единственным, которым человечество должно бы руководствоваться в своих взаимоотношениях, получит вполне заслуженное возмездие. Ибо, поощряя право силы, оно быстро приближается к новому взаимному истреблению.

И, замечательно, что с наибольшей откровенностью высказал это представитель того правительства, которое отвергает общечеловеческую мораль, заменяя ее «классовой», т. е. классовым эгоизмом. В печатаемой в газетах «истории коммунистической партии» говорится: «Практическая деятельность партии пролетариата должна

основываться не на добрых пожеланиях «выдающихся лиц», не на требованиях разума, «всеобщей морали» и т. п., а на закономерностях развития общества». Макиавеллизм в новом издании.

Литвинов, сожалеющий в своей речи в Лиге наций об отсутствии «международной морали» и «чести», говорит о полной готовности Советского Союза защитить Чехословакию от «агрессора» всеми возможными средствами в союзе с Францией и согласно с договорами. Но, т. к. Франция не делает этого и отдает Чехословакию на съедение Гитлеру, то... мы умываем руки.

Да и то сказать, стоит ли воевать из-за того, в чьих руках очутятся Судетская область, да и вся Чехословакия. Была она под властью Австрии, теперь Германии — не всё ли равно. Но это только так кажется под влиянием радости, что мировая война хоть на время откладывается. Гитлер умен и смел; он верно учел это настроение западных государств, т. е. Франции и Англии, которые боятся двух вещей: войны и коммунизма; коммунизма в лице огромной и сильной России и собственного пролетариата.

Теперь, если требование Гитлера об аннулировании договоров Франции и России с Чехословакией будет исполнено, ввиду того, что по новому договору вся Европа гарантирует неприкосновенность границ общипанной Чехии, мы, в сущности, остаемся в одиночестве; даже малонадежных союзников у нас нет нигде. Мы должны рассчитывать только на свои силы.

А между тем Германия, усилившаяся присоединением Австрии и Чехословакии, подчинением своей политике Польши и Венгрии, может в качестве защитника Европы против русского коммунизма и III Интернационала обратить и на нас свое оружие. Впрочем, в Западной Европе он доказал, что можно и без войны завоевывать чужие территории; но удастся ли это в Восточной Европе — вопрос другой, особенно теперь, когда японцы завязли в Китае и не скоро оттуда вылезут. Однако, какое подлое время мы переживаем и сколько политических подлецов на свете!

Стоит великолепное «бабье лето», тепло, безоблачно и тихо. Как хорошо теперь в деревне, когда над сжатými полями тянется в воздухе паутина и мирный грач лениво пролетает.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек...

Чего он хочет? небо ясно, —
Под небом места много

всем, —

Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?

Лермонтов

24 сентября

Чехословацкое правительство, обвиняемое левыми политическими партиями в том, что оно согласилось на требования Гитлера, подало в отставку. Президент республики Бенеш поручил военному министру Сыровому сформировать новое, что он и сделал. В правительство вошли большинством беспартийные. Это уже агония Чехии как независимого государства.

Что может сделать новое правительство и армия, когда «фашистская печать заявляет сегодня (22–23), что судетско-немецкая проблема является теперь уже проблемой второстепенной и что отныне речь может идти только о полной ликвидации чехословацкого государства. Вопрос о Чехословакии должен быть разрешен без дальнейших проволочек». Appetit приходит во время еды.

К границам Чехословакии сосредоточиваются не только немецкие, но и польские и венгерские войска. Бенеш, как верховный главнокомандующий, отдает приказ по армии, в котором говорит, что «армия должна непоколебимо оправдать доверие граждан при любых обстоятельствах». Бедный старый чех, может быть, в молодости преподававший у нас в классической гимназии латинский или греческий языки, теперь собирается воевать с тремя государствами без надежды на чью-либо помощь!

Сегодня в газетах сообщается, что чешское правительство объявило общую мобилизацию до 40-летнего возраста. Молодец Бенеш, не струсил. Мобилизация даст армию в 1,5 миллиона, хорошо вооруженную. Видимо, на этот раз Гитлер просчитался и ему не удастся присоединить Чехию без войны, как это удалось с Австрией.

Сейчас сходил в картографический магазин купить карту Чехословакии, оказалось, что она уже распродана. В газете приводится вторая речь Литвинова в Женеве, в конце которой он оправдывает наш отказ от помощи чехам тем, что сама Чехословакия настаивала на нашей помощи при условии, что Франция сделает то же. Это и естественно, потому

что какую, в сущности, помощь мы можем ей оказать непосредственно? Остается объявить войну всем трем врагам Чехии! Не лучше ли стараться локализовать эту войну, а вообще, встать в стороне от этой грязной истории, накапливая свои собственные силы «на всякий пожарный случай». А пожар мировой войны всё разгорается и уже начинает охватывать центральную Европу.

В газете пишут, что часть правых членов чешского правительства, ушедшего в отставку, была в заговоре, имевшем целью подчинить Чехию Германии. Может быть, из страха перед нарастающим коммунизмом в своей стране. В общем, это всё та же борьба фашизма с коммунизмом или буржуазии с пролетариатом. Может быть, это одна из скрытых причин политики Англии и Франции, именующих себя «демократическими» нациями, но вовсе не желающими видеть победу III Интернационала. Но как я был прав, когда еще в дневнике от 21 августа говорил, что все наши договоры о ненападении и о помощи гроша медного не стоят.

Купил, наконец, карту Чехословакии. Она вытянута длинной полосой с запада на восток от границ с Германией до границ с Румынией. Самая широкая часть этой полосы (250–300 км), собственно Чехия и Моравия, окружена с севера, запада и юга (б. Австрия) Германией, так что в случае войны чехам придется воевать с немцами по внутренним операционным линиям. Такие действия требуют большой быстроты и решительности, какие проявлял Фридрих Великий в семилетнюю войну и часто Наполеон, а также Суворов в Италии, но для этого надо обладать их гением. Обладает ли им Людвик Крейчи, назначенный командовать чешской армией, — покажет будущее. В этих условиях командующий должен обладать полной властью, какой пользовались Наполеон и Фридрих, а над Крейчем сидит военный министр Сыровой и, в качестве верховного главнокомандующего, президент Бенеш. Если их роли резко разграничены, то хорошо, а если нет, то они будут только мешать этому Крейчи своими требованиями. Австрийское правительство во время войн прошлого столетия всегда только мешало своим полководцам.

Судя по газетам, чехи быстро и беспрепятственно окончили мобилизацию и направляют свои войска к границам. На севере их Рудные и Лужицкие Карпаты, по которым проходит граница с Германией, вероятно, представляют хорошую оборонительную линию. Вообще, вся Чехословакия гористая страна, особенно восточная Словакия и За-

карпатская Украина, где поднимаются высокие хребты Татр и Карпат. Для обороны лучше не придумашь.

Только у границы с Нижней Австрией местность менее гориста. По газетным сведениям, немцы туда стягивают свои войска.

Так или иначе, завоевание Чехии, уже по условиям местности, вещь далеко не легкая. Тут и атака с воздуха не сразу дает хорошие результаты, ибо от бомбардировки есть где укрыться. Гитлер хочет начать военные действия в начале октября. Это дает возможность чехам сосредоточить свои войска к угрожаемым пунктам.

27 августа

Вчера вечером зашел О.О. и с увлечением стал говорить, что Чемберлен таки обошел Гитлера, заставив его открыть свои завоевательные планы и тем возбудить против себя мнение всей Европы, а Чехословакию мобилизовать армию. Во вчерашних газетах было сообщено, что наше правительство заявило Польше, что есть сообщения о сосредоточении польских войск к чехословацкой границе с целью занять часть территории Чехословакии; что если в подтверждение этих сообщений войска Польши действительно перешли границу и заняли часть Чехословакии, то на основании заключенного в 1932 году пакта «о ненападении» между Польшей и СССР, ввиду нарушения его Польшей, «правительство СССР вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор».

Польша ответила:

«1. Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской Республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения.

2. Правительство Польской Республики точно знает тексты договоров, которые оно заключило».

Сколько в этом ответе тщеславной заносчивости поляка с закрученными вверх усами (воне до гуры); я так его и вижу гордо шагающим по Краковскому предместью в Варшаве. И как он похож в этом ответе на зазнавшегося лакея богатого барина (Германия). Я бы на месте нашего правительства придвинул к польской границе 0,5 миллиона солдат для «обороны» Русского государства.

Сейчас Польша принимает меры «обороны» против чешской Силезии, рядышком с германской Силезией, поближе к своему барину. Наше заявление Польше О.О. также приписывает реагированию СССР

на политику Чемберлена, заставившую Гитлера рисковать слишком многим. Даладье сказал, что в случае вторжения немецких войск в Чехословакию Франция, согласно договору, поддержит ее. Румыния и Югославия сочувствуют чехам. Только через Румынию, граничащую с Закарпатской Украиной, мы можем посылать помощь чехам; это кратчайший путь из нашей Украины; хотя мы с румынами тоже не большие приятели.

Первого октября Гитлер собирается двинуть свои войска на территорию Чехословакии. Посмотрим. Во всяком случае, война Германии хотя бы только с Чехией сильно ослабит ее. Это нам на руку, как и война Японии с Китаем. Пусть дерутся, а мы будем держать «вооруженный нейтралитет».

Вчера получил письмо от Бор.[иса] Григ.[орьевича]. Бедняга, видимо, сильно приуныл вследствие не проходящих болей в боку и спине, из-за которых он спит с кошмарами; они всегда показывают, что в организме происходит болезненный процесс. Доктора предполагают у него кисту на почках; но у него отец и брат умерли от рака. Жаль его. Но пока он продолжает служить; к счастью, его новая квартира близко от места службы настолько, что, по его словам, он «ни в каких троллейбусах ниже трамваях» не нуждается. Съездив к племяннику в Уфу, он пробыл некоторое время на даче в двух верстах от б. монастыря Новый Иерусалим; в восторге от красоты тамошней природы и церковной архитектуры монастыря. Об них мне писала и Нат.[алья] Пав.[ловна], жившая на даче в 15 верстах от Н. Иерусалима. Вот бы где купить себе домик, но... всё это несбыточные мечты!

29 сентября

В ожидании того, что выкинет Гитлер в начале октября, и у нас, кажется, проводится частичный призыв запасных. В «ленткаче», где работает Поля, взяты все молодые служащие мужчины. Англия предполагает в случае войны эвакуировать из Лондона четыре миллиона из шести его населения.

Возможно, что и у нас из Питера будет эвакуировано миллион бесполезных для обороны ртов. То-то на вокзалах будет давка и столпотворение, если уж теперь так трудно из него выехать; да и куда? Все города переполнены.

А пока я с интересом читаю пятый том сочинений К. Леонтьева, сотрудника Каткова, считавшегося в числе славянофилов; но он, ско-

рее, славянолог, потому что, прекрасно зная прошлое и настоящее всех наших «братушек», — относится к ним с пренебрежением, особенно к болгарам, тупым, упрямым и хитрым. Чехи настолько онемечены, что почти утратили формы самобытной национальности.

Особенно интересен и оригинален его взгляд на развитие национального роста и культуры народов Европы. Под развитием он понимает закон роста всякого организма индивидуального и общественного у людей. «Постепенное восхождение от простейшего (зародыш, зерно) к сложнейшему». «Постепенный ход от бесцветности, простоты к оригинальности и сложности... и в то же время постепенное укрепление единства», т. е. основной формирующей идеи. «Всё сначала просто, потом сложно, потом вторично упрощается... отпадением частей и общим разложением до перехода в неорганическую «нирвану».

По тому же закону происходит и развитие художеств и философии; сначала:

а) первобытная простота народной мудрости (Фалес);

б) цветущая сложность: Сократ, Платон, Спиноза, Лейбниц, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель;

в) вторичное упрощение; ...потом реализм, отвергающий отвлеченную философию и метафизику: материалисты, атеисты».

«Материализм бесспорно есть система, но, конечно, самая простая, ибо ничего не может быть проще и грубее, малосложнее, так сказать, что всё вещество и что нет ни Бога, ни духа, ни бессмертия души, ибо мы этого не видели и не трогали руками».

«Тому же закону подчинены и государственные организмы и у них очень ясны эти три периода: первичной простоты; цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения».

В главе «о государственной форме» он говорит: «Форма вообще есть выражение (воплощение) идеи, заключенной в материи». «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет». «Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма, т. е. за свободу, равенство, благоденствие (особенно это благоденствие!) — против сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т. п. есть не что иное, как процесс разложения». «Всё сливается, всё свободнее и ровнее, как в разлагающемся трупе, в котором даже костяк рано или поздно обращается в прах». «Теперь (в XIX веке) эту болезнь предсмертную хотят считать идеалом гигиены будущего! Идеал Прудонов и Кабе — полнейшее

однообразие людей по положению, по воспитанию и т. д. — чего же проще по идеалу?» «После поражения французской демократии (в 1871 году), осрамившейся без императора еще хуже, чем при нем, Ренан воскликнул, что без аристократии жить нельзя государству, но т. к. назад не может возвратиться никто, так пусть, говорит он, продолжается наше демократическое гниение».

«Разве реалисты (материалисты) не стали бы смеяться над тем, кто сказал бы, что прямые углы равны только по ошибке наших отцов, а отныне и впредь всё будет иначе на этой бедной земле?»

«Лукавые происки властителей и преобладающих классов сделали то, что Земля вращается вокруг Солнца. Это не выгодно для большинства. Мы сделаем, что Земля будет обращаться отныне вокруг Сириуса! Прогресс нарушит все основные законы природы. «Всё будет по-новому».

* * *

Из предвоенных дневниковых записей Гавриила Михайловича вполне очевидно, что он предвидел войну с Германией. Но, конечно, не мог представить себе тех ужасов, которые их ожидают в осажденном Ленинграде. 20 июля 1941 года сын проездом был дома: «Вечером, как всегда по возвращении, посидели дома, выпили и говорили о войне. Папа прямо обвинил наш генералитет в бездарности и безграмотности, по сравнению с генералами вермахта, не только теоретиками, хотя и битыми, но потомственными военными со школой, передаваемой из поколения в поколение. Они с Гитлером прошли хорошую школу, разбив наголову за считанные недели такую страну, как Франция. Большинство же нашего комсостава еще пользуется опытом гражданской войны. Вся надежда только на молодежь. На такую критику у папы были основания. Он лично знал и Ворошилова, и Буденного, и многих других. Но папа не верил в окончательную победу немцев. «Они споткнутся на нашем мужике — солдате, он вынослив и неприхотлив, а потом наши просторы. Они утонут в них, да еще при нашем бездорожье, а на таких просторах им не хватит сил на дороги, как в Первую... Бисмарк предупреждал немцев — не воюйте с Россией... Бесноватый унтер не послушался. Поживем — увидим... Лет бы двадцать скинуть, я бы пошел на войну...»

Сын начал войну начальником участка 31-го Управления оборонительных работ, в Новгородской области. Во второй половине

февраля 1942 года ему удалось на грузовике приехать в Ленинград по Дороге жизни.

«Машины шли одна за другой с полным светом. Услышав гул самолетов, выключали фары. Дорога расчищалась в две отдельные полосы метров по 15–20. Иногда встречались объезды вокруг воронок от авиабомб. Проскочили до другого берега минут за сорок — сам сидел за рулем. Ст. Ладожское озеро — КП. Проверка документов. Вопросы: зачем и есть ли продукты. Не едут ли нахлебники в голодающий город? Пропустили и пожелали больше увезти людей...

Трамвай, полузасыпанный снегом, молчаливо стоял. Мужчина, нагнувшись, медленно тащил кусок фанеры — на ней закутанный труп. Прошло всего шесть месяцев после отъезда из шумного, полного жизни и движения, города и — такая опустелость. Бои под Кировским заводом, Колпином. Люди на заводе в цехах, под обстрелом, голодные, изготавливали оружие, умирали у станков...

Второй заезд к Мигай на улицу Восстания. Звоню. Открывается дверь, и выглядывает Нина Васильевна. Смотрит широко раскрытыми глазами:

— Откуда вы? Уезжайте немедленно!.. Умрете здесь.

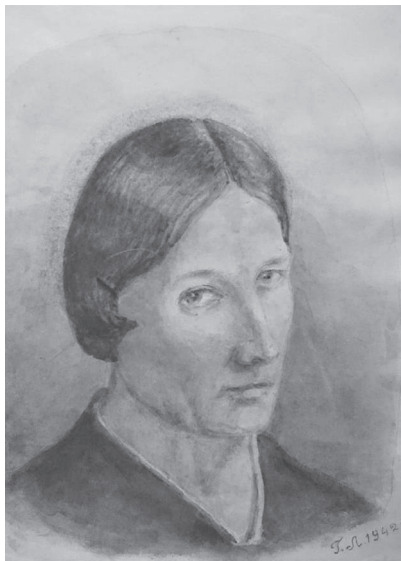
Всё разъяснили, оставили продукты, предупредили, чтобы ели понемногу. Михаил Илларионович ослабел от голода и больше лежал. Поехали домой на Васильевский.

Папа то сидел, то лежал, но как-то философски относился к своей судьбе. Высказался резко, насколько мог, о наших генералах, учившихся на Гражданской и не готовых к войне техники. Он, да и все мы тогда не знали, что высший командный состав армии Сталин обезглавил на 80%, даже Жуков чудом уцелел.

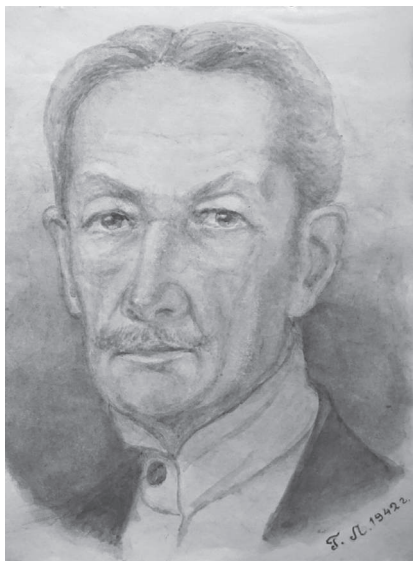
Поля двигалась, старалась, как могла, сохранить папе и себе жизнь. До начала блокады ей повезло — купила 5 кг пряников. Съедали по одному в день. Кое-что продала на рынке. Несмотря на предупреждение, не удержались с едой и оба заболели...

С утра поехал раздавать посылки и письма. Медленно открывались двери, и взгляд пустых или удивленных глаз. В некоторых квартирах на звонки и стук не отвечали. Соседи говорили: умерли или уехали. Тогда передавал посылки живым...

На следующее утро, забрав половину отъезжавших, выехали в Кобону. В Кобоне распрощались... Вернулись в Питер... Забрали вторую партию».

*Пелагея Николаевна
Осипова-Ладыженская.
Работа Г.М. Ладыженского*

*Автопортрет.
Работа Г.М. Ладыженского*

Гавриил Михайлович от эвакуации отказался. Пелагея Николаевна осталась с ним. Сменив несколько мест работы, осенью 1942 года сын оказался в геологической партии на Урале. Появилось какое-то жилье, и состоялась его вторая поездка в блокадный Ленинград. «С собой забрали из квартиры необходимые вещи. Картины, книги, портреты, альбомы, всё остальное оставили. Вернемся — такова была уверенность у всех нас. Я как-то интуитивно всё-таки взял три папиных акварели, его портрет... и вырвал из альбома колымские и другие фотографии...»

Гавриил Михайлович с Пелагеей Николаевной были вывезены в уральский поселок Усьва. Его рукописи и дневники остались на хранении в Ленинграде у близкого друга Гавриила Гавриловича — Ю.М. Знаменского. По какой-то причине он их впоследствии сжег.

Вернуться на Васильевский Гавриилу Михайловичу не пришлось. Он скончался 6 января 1945 года в поселке Усьва, как указано в свидетельстве о смерти, «от старческой дряхлости».

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Бурченков Константин Петрович — ведущий научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Виноградов Денис Михайлович — хранитель «Музея-мельницы в деревне Бугрово» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Виноградова Наталья Викторовна — начальник службы по организации и проведению праздников и массовых музейных мероприятий Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Вревская Наталия Александровна — библиотекарь первой категории Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Иванова Татьяна Борисовна — старший научный сотрудник научного архива Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, почетный работник образования РФ, хранитель музея-усадьбы «Петровское» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник службы музейной экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Ладыженский Никита Гаврилович — кандидат технических наук, добровольный историк (Санкт-Петербург).

Пиврик Галина Николаевна — главный хранитель музейных лесов и парков Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Плотникова Дарья Сергеевна — главный хранитель музейных предметов Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Сандалюк Ольга Николаевна — хранитель изобразительного искусства Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Семенов Павел Юрьевич — научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Тиханова Вера Александровна — хранитель Велейского краеведческого музея, научный сотрудник отдела просветительной и музейно-образовательной деятельности Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Федорова Екатерина Владимировна — научный сотрудник службы музейной экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Ширяков Владимир Алексеевич — художник-реставратор (первая категория, направление — произведения из металла) Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим» (Истра).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО]	3
-----------------------------	---

I. МУЗЕЙ. РЕСТАВРАТОР. РЕСТАВРАЦИЯ.

Материалы научной конференции памяти С.В. Ямщикова (17—20 июля 2025 года)

Галина Пиврик

О ЗАБЫТОМ ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ ПАРКА ТРИГОРСКОГО	5
---	---

Елена Ступина

ПРОБЛЕМЫ И УДАЧИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ РЕЭКСПОЗИЦИИ БИБЛИОТЕКИ В ДОМЕ-МУЗЕЕ ОСИПОВЫХ И ВУЛЬФОВ В ТРИГОРСКОМ.....	19
---	----

Дарья Плотникова

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПОЧТОВЫХ КАРТОЧЕК, ИЗДАННЫХ ПСКОВСКИМ ОБЩЕСТВОМ КРАЕВЕДЕНИЯ: «ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ. МОГИЛА А.С. ПУШКИНА»	33
---	----

Наталья Вревская

ОБРАЗЫ ИМЕНЕЙ ВУЛЬФОВ — ВРЕВСКИХ — ПАНАФИДИНЫХ — РЖЕВСКИХ И ОКРЕСТНОСТЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ФАМИЛЬНОГО АРХИВА.....	50
---	----

Ольга Сандалюк

О НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ В МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 2025 ГОДА: ПРЕДМЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО СОБРАНИЯ ЛАДЫЖЕНСКИХ.....	64
---	----

Елена Ступина

«КАМЕННЫЕ ПОКОИ» И «ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ НА КАМЕННОМ ФУНДАМЕНТЕ»:	
--	--

ВОЗМОЖНЫЕ АНАЛОГИ ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ УСАДЕБНЫХ ПОСТРОЕК ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	76
--	----

<i>Владимир Ширяков</i> РЕСТАВРАЦИЯ КАРЕТЫ ПАТРИАРХА НИКОНА.....	86
---	----

**II. Материалы научно-практической
конференции сотрудников Пушкинского Заповедника
(7 декабря 2025 года)**

<i>Любовь Козмина</i> К ИСТОРИИ ДОКУМЕНТА: ПРОШЕНИЕ А.П. ГАННИБАЛА НА ВЫДАЧУ ДИПЛОМА НА ДВОРЯНСТВО И ПОЖАЛОВАНИЕ ГЕРБА	99
--	----

<i>Павел Семенов</i> ПИСТОЛЕТЫ В ЭКСПОЗИЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА	112
---	-----

<i>Константин Бурченков</i> О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ВОССОЗДАНИЯ ДОМА ВЫНДОМСКИХ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ «ТРИГОРСКОЕ»	127
--	-----

<i>Мария Козмина</i> НЕИЗВЕСТНЫЕ ФОТОГРАФИИ А.К. КРАСУСКОГО (К ПУШКИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «МИХАЙЛОВСКОЕ»)	133
---	-----

<i>Наталья Виноградова</i> АЛТУН. 1918—1920 ГОДЫ По материалам Государственного архива Псковской области (ГАПО)	142
--	-----

Денис Виноградов

ИСТОРИЯ ВОДЯНОЙ МЕЛЬНИЦЫ
В ДЕРЕВНЕ АМЕЛИНО НОВОРЖЕВСКОГО РАЙОНА
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. XX ВЕК..... 149

Татьяна Иванова

ЛИСТОВКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В КОЛЛЕКЦИИ
«ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»
ОСНОВНОГО ФОНДА ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА..... 163

Екатерина Федорова

ЭКСПЕРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДОМА ТУРИСТА В ДЕРЕВНЕ ВОРОНИЧ
С 1947 ПО 1950-Е ГОДЫ
По материалам научного архива
и библиотеки Пушкинского Заповедника..... 171

Вера Тиханова

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВЕЛЕЙСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА..... 185

III. Гость «Михайловской пушкинианы»

Никита Ладыженский

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГАВРИИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЛАДЫЖЕНСКОГО..... 193

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» 255

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 111

Музей. Реставратор. Реставрация

МАТЕРИАЛЫ

научной конференции памяти С.В. Ямщикова
(17–20 июля 2025 года)

МАТЕРИАЛЫ

научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(7 декабря 2025 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
А.А. Павлова. Ворота в Михайловское. 2012 год

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

Распространяется бесплатно

6+

Подписано в печать 12.03.2026.

Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Объем 16,25 печ. л. Заказ № 591. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.